Н. КАСЫМОВ

ПРОГРЕССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКИХ ПОСЕЛКОВ В ХОДЖЕНТСКОМ УЕЗДЕ

ДУШАНБЕ — 1968

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

Н. КАСЫМОВ

ПРОГРЕССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКИХ ПОСЕЛКОВ В ХОДЖЕНТСКОМ УЕЗДЕ

Ответственный редактор —
кандидат исторических наук
А. МУХТАРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»
ДУШАНБЕ — 1968

АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХИ ба номи АҲМАДИ ДОНИШ

Н. ҚОСИМОВ

АҲАМИЯТИ ПРОГРЕССИВИИ ТАШКИЛЬЁБИИ ПОСЁЛКАҲОИ РУСНИШИН ДАР УЕЗДИ ҲУҶАНД

Муқаррири масъул—номзади фанҳои таърих
АҲРОР МУХТОРОВ

НАШРИЁТИ «ДОНИШ»
ДУШАНБЕ — 1968

ВВЕДЕНИЕ

Переселенческое движение крестьян в России шло главным образом самовольно и было тесно связано с аграрным вопросом в центре страны.

Изучение переселенческого движения позволяет нам глубже понять роль народных масс в истории, роль русских крестьян в повышении сознания трудящихся окраин, в национально-освободительной и революционной борьбе последних против своих угнетателей.

Актуальность данной темы заключается и в том, что положение крестьян-переселенцев Ходжентского уезда до сих пор не стало предметом специального исследования. Между тем изучение жизни русских крестьян в названном уезде даст много нового из истории Средней Азии в колониальный период. Специальное исследование этого вопроса диктуется и тем, что среди отдельных советских историков распространено мнение о том, будто переселенцы в основном были кулаками-эксплуататорами местного крестьянства.[1] Анализ хозяйств переселенцев привел нас к выводу о том, что основная масса русских крестьян стала предметом безжалостной эксплуатации, так же как и дехкане; их безжалостно грабили и эксплуатировали, как и на их родине. Для царизма, помещиков и буржуазии не было границ в эксплуатации местного и русского трудового народа.

Наконец, изучение переселенческого вопроса имеет международное значение. В настоящее время расширяется национально-освободительное движение во многих колониальных и зависимых странах мира, углубляется процесс распада колониальной системы империализма, начавшийся после победы Великой Октябрьской социалистической революции и усилившийся после второй мировой войны. В результате во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки создаются все новые и новые государства, перед которыми стоят

такие важные вопросы, как выбор государственной системы, выбор путей дальнейшего развития.

Цель настоящей работы — исследование прогрессивного значения образования русских поселений в Ходжентском уезде во второй половине XIX в. и их жизни до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Специальных работ на эту тему, как уже упоминалось выше, не написано. Переселенческим вопросом в целом по Туркестанскому краю занимался П. А. Шмачков, а отдельно по Сыр-Дарьинской области — П. Д. Верещагин. Ими был напечатан ряд статей, где авторы попутно касались некоторых сторон жизни переселенцев в Ходжентском уезде. Переселенческой политике царизма посвящен отдельный параграф в работе А. М. Аминова.[2] Им же более или менее изучены вопросы орошения Голодной степи. На проблеме переселенческой политики царизма останавливаются и другие советские историки. Однако детальное исследование хозяйств русских переселенцев Ходжентского уезда в их задачу не входило.

Настоящая работа делится на следующие главы: I. Переселенческая политика царизма в Средней Азии; II. Образование русских поселков в Ходжентском уезде; III. Социальный состав и основные занятия населения русских поселков.

В I главе мы старались показать переселенческую политику царизма вообще и в Средней Азии в частности, так как это была единая политика царизма на подвластных ему территориях.

Во II главе исследованы пути и методы образования русских поселков в Ходжентском уезде, обеспечение русских крестьян землей за счет отчуждения земель местного населения, оросительные мероприятия в Голодной степи и их колониальный характер, грабительский характер политики царизма и, независимо от этого, прогрессивное значение образования поселений в уезде.

Характеристика хозяйственной жизни русских крестьян-переселенцев дается в III главе. Здесь главное внимание уделяется появлению новых методов обработки полей, применению техники в сельскохозяйственных работах, появлению новых сортов сельхозкультур, методам ведения поливного хозяйства и взаимовлиянию русских крестьян и местного населения. В этой же главе рассмотрен вопрос о крестьянских движениях в русских поселках Ходжентского уезда и отдельных выступлениях рабочих при железнодорожных станциях

Голодной степи под руководством социал-демократических организаций Туркестанского края.

Как в выборе темы, так и своей научной подготовкой автор обязан своему научному руководителю—кандидату исторических наук Ахрору Мухтаровичу Мухтарову, которому выражает признательность.

Автор приносит благодарность Ш. Юсупову, Н. Махмудову, А. Егани, В. Ибрагимову, И. А. Стеценко, А. Джалилову, М. Хамроеву за полезные советы.

При написании работы автор руководствовался методологическими указаниями классиков марксизма-ленинизма. Важной методологической основой послужили работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»,[3] «К деревенской бедноте»[4], «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»,[5] «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»,[6] «Переселенческий вопрос»,[7] «Значение переселенческого дела»,[8] «Еще о переселенческом деле»[9] и «К вопросу об аграрной политике современного правительства».[10]

Основными источниками стали донесения официальных представителей царской администрации, отчеты чиновников особых поручений при Министерстве внутренних дел, отчеты и записки царских сенаторов и ревизоров, а также работы русских путешественников и пр. Кроме того, автором использованы отчеты и приложения к отчетам военных губернаторов Сыр-Дарьинской области и сведения «Обзоров» и «Справочных книжек» по Сыр-Дарьинской и Самаркандской областям, а также статьи дореволюционных авторов, напечатанные в сборниках «Вопросы колонизации» и пр.

Среди опубликованных отчетов особое место занимают отчеты чиновников особых поручений при Министерстве внутренних дел, а также и отчеты чиновников особых поручений при Переселенческом управлении. Одним из них был А. А. Половцев. Он командирован в Туркестанский край в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в этом крае.[11] К приезду А. А. Половцева в Ходжентском уезде было образовано 5 поселков: Надеждинский, Сретенский, Николаевский, Обетованный, Романовский. Из переселенческих поселков А. А. Половцев особое внимание уделяет Сретенскому и дает ему подробную характеристику.

Из отчета видно, что сретенцы занимались хлопководством и продавали сырец в акционерное общество «Большая ярославская мануфактура». Некоторые жители поселка в

своем хозяйстве использовали наемных рабочих с платой в год 50 руб. Среди переселенцев была развита система найма поденных рабочих, особенно во время хлопкоуборочной кампании, где использовался и труд женщин.

В отчете даются некоторые сведения и о народном образовании в Сретенском поселке. Во время приезда А. А. Половцева в нем действовала школа.

А. А. Половцев не был удовлетворен хозяйственными достижениями сретенцев. По его мнению, отдельные недостатки и неуспехи переселенцев зависели от «плохого подбора его жителей».

Несмотря на отмеченные недостатки, отчет А. А. Половцева дает ценный фактический материал и может служить первоисточником в исследовании переселенческого вопроса в Средней Азии и Казахстане.

Такие же ценные материалы приведены в статье агронома П. В. Познякова «Русские поселки в Голодной степи Самаркандской области в 1898—1899 гг.».[12] Автор статьи лично побывал во всех поселках, и материалы его основываются на опросе жителей этих поселков. В ней рассматривается образование поселков. Однако статья не лишена погрешностей. В частности, автор ошибается в годах образования некоторых поселков, так как его сведения основывались на устных показаниях поселенцев. Ценность статьи П. В. Познякова заключается в анализе хозяйственной жизни русских поселков.

Для характеристики грабительской, колонизаторской политики царизма большое значение имеет отчет сенатора-ревизора графа К. К. Палена.[13] В нем подробно излагается ход переселенческой политики правительства в трех областях Туркестана и Семиреченской области. Эта политика пагубно сказывалась на положении казахского, киргизского, узбекского и других народов Средней Азии. Из материалов Палена мы узнаем, что в период ревизии русские переселенцы Ходжентского уезда хлопководством не занимались.

Из материалов мы также узнаем, что русские переселенцы уезда облагались многочисленными налогами и повинностями. Они были не под силу крестьянам-переселенцам, о чем свидетельствуют ежегодные недоимки. Однако эти материалы освещают не все стороны жизни поселков, так как часть из них не была опубликована. Так, например, в фондах ЦГИАЛ нами обнаружены материалы, касающиеся органов управления в поселках Голодной степи, из которых явствует, что старожилы грабили новых переселенцев. Хотя по-

добные факты не ускользнули из поля зрения сенатора Палена, но они не были обнародованы.

В отчете чиновника особых поручений Н. Гаврилова[14] также содержится ценный материал по исследуемому вопросу. Этот отчет в основном дает сведения только о тех поселках, которые были образованы при помощи Переселенческого управления. Из русских поселков Ходжентского уезда в отчете характеризуется хозяйственная жизнь Спасского. Однако автор идеализировал ее. Описывая жизнь состоятельных крестьян, он на их примере рисует общее положение жителей Спасского и ни слова не упоминает о жизни бедноты.

В своем отчете Н. Гаврилов касается также орошения Голодной степи.

Другим ценным источником для нашей работы является статья П. Скрыплева,[15] где дается описание хозяйственной жизни Спасского поселка с выселком Духовским. Из описания видно, что крестьяне Спасского возделывали все виды сельскохозяйственных культур, особенно хлопчатник. В статье приведены некоторые сведения и о сельскохозяйственных машинах в хозяйстве спасских переселенцев. К сожалению, статья П. Скрыплева ограничивается характеристикой одного поселка. На примере спасских переселенцев автор статьи старался показать способность русских крестьян заниматься хлопководством.

Отдельные упоминания о русских поселках Ходжентского уезда, а также и об оросительных мероприятиях царизма в Голодной степи находим в «Записке» А. В. Кривошеина.[16] Главное внимание в ней уделено вопросу переселенческой политики царизма в целом по Средней Азии. А. В. Кривошеин, как представитель господствующего класса, с недоверием относился к местным народам Средней Азии. Поэтому он требовал создания «второго Туркестана» на базе освоения целинных земель. По его мнению, этот новый Туркестан не только в политике, но и в экономическом отношении должен отличаться от старого. Это говорит о том, что автор на Среднюю Азию смотрел как на «колонию чистейшего типа»[17] и в своих выводах исходил из узко националистических суждений.

Подробный и ценный материал о хозяйственной деятельности русских переселенцев в Ходжентском уезде дается в работе буржуазного экономиста В. Ф. Караваева.[18] Автор касается вопросов орошения Голодной степи, хозяйственной жизни переселенцев, сельскохозяйственной техники русских крестьян, времени и места образования 12 русских поселков

на территории Ходжентского уезда и пр. В работе Караваева приведены отдельные данные по народному образованию в русских поселках, процессам дифференциации крестьянских масс и о проникновении капиталистических отношений в Голодную степь.

Работа В. Ф. Караваева носит статистико-описательный характер, без всестороннего анализа. Как и другие буржуазные экономисты и историки, он старался приукрасить настоящее положение дел в русских поселках и оправдать деятельность отдельных должностных лиц царской администрации. Поэтому он умалчивает о методах образования русских поселков в Голодной степи. Несмотря на отдельные недостатки, работа В. Ф. Караваева ценна для исследования не только жизни русских поселков, но и отдельных сторон истории таджикского народа в колониальный период.

Вопросы орошения Голодной степи нашли отражение в работе А. Курсиша[19] и отчете сенатора К. К. Палена.[20]

О жизни и деятельности переселенцев Велико-Алексеевского поселка интересные сведения и факты приведены в материалах статистико-экономического обследования Переселенческого управления, произведенного в 1915 г.[21] Материалы эти ценны и тем, что в них наиболее подробно обрисованы все отрасли хозяйства переселенцев, процесс дифференциации крестьян, выдачи ссуд и методы эксплуатации крестьян кулацкими элементами.

Некоторые сведения о русских поселках Ходжентского уезда имеются в труде князя В. И. Масальского[22]. Причину неудач переселенцев он сводил к тому, что крестьяне эти были «нехозяйственными мужиками». Например, по его словам, некоторые поселки не могли окрепнуть потому, что будто бы их жители относились к весьма разнородным и склонным к бродяжничеству элементам и не умели вести свое хозяйство. Это высказывание ясно показывает отношение представителей господствующего класса к трудовому народу. Подобный подход, во-первых, не мог отражать истинного положения переселенческого вопроса, во-вторых, не раскрывал причин плохого положения крестьян вновь образованных русских поселков и, в-третьих, старался оправдать политику царизма вообще.

К числу работ, в которых описаны поселения крестьян, следует отнести и докторскую диссертацию А. А. Кауфмана,[23] которая, обрисовывая переселенческую политику царизма в Сибири, дает интересные сведения также и по переселенческому вопросу в Средней Азии. По мнению А. А. Кауф-

мана, успех переселенческого движения в Туркестанском крае зависел не только от запасов земли, но и от запасов воды, «могущей быть использованной для искусственного орошения».[24]

По его словам, причина переселения крестьян на окраины России заключается в агротехническом кризисе, т. е. по мере развития капитализма в стране крестьяне в силу своей культурной отсталости не могли перейти к более совершенной системе полеводства, организовать правильно свое хозяйство на небольшом участке земли. Поэтому они вынуждены были переселиться на окраины с надеждой на получение больших наделов, где по-прежнему могли заниматься сельским хозяйством. Следовательно, А. А. Кауфман почти полностью отрицал социальные причины переселения крестьян на окраины России. Он, как представитель кадетской партии, не мог их правильно оценить.

Общим для всех описанных выше источников и литературы был некритический подход к установленным порядкам и политике царизма по переселению крестьян.

Авторы необъективно оценивали тяжелое положение крестьян на вновь освоенных землях, стараясь объяснить его природой самих крестьян, действием отдельных лиц или организаций. Некоторые буржуазные историки обвиняли крестьян-переселенцев в безделии и склонности к бродяжничеству. Кроме того, во всех перечисленных работах, кроме краткого упоминания в материалах ревизии К. К. Палена, ни слова не говорится о неповиновении и движениях, имевших место среди русских переселенцев Ходжентского уезда, хотя они происходили часто.

Ценными источниками для написания настоящей работы послужили архивные материалы, хранящиеся в фондах Ленинграда, Ташкента и Душанбе. Из документов Центрального государственного архива г. Душанбе (фонд 1, Ходжентское уездное управление) нами извлечены интересные сведения об образовании поселков, занятиях переселенцев, народном образовании, волнениях, отдельных выступлениях русских крестьян, земельных и водных спорах между русскими крестьянами и администрацией края и, наконец, о кредитных товариществах и ссудных кассах.

Такие же материалы удалось обнаружить в фондах Центрального государственного архива в Ташкенте (фонд 1, Канцелярия туркестанского генерал-губернатора; фонд 17, Сыр-Дарьинское областное правление; фонд 18, Самаркандское областное правление). Некоторые дополнительные све-

дения были обнаружены в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (фонд 396, Департамент государственных земельных имуществ; фонд 391, Переселенческое управление; фонд 1152, Департамент экономики; фонд 1278, Государственная дума; фонд 1396, Ревизия сенатора К. К. Палена Туркестанского края; фонд 1291, Министерство внутренних дел; фонд 954, Фон-Кауфманы Туркестанские; фонд 426, Отдел земельных улучшений; фонд 1149, Департамент законов; фонд 1276, Совет министерства).

Важные сведения для характеристики переселенческой политики царизма и волнений среди переселенцев извлечены из газет «Туркестанские ведомости», «Туркестанский курьер», «Среднеазиатская жизнь» и «Самарканд», помимо того, нами использованы путеводители по Туркестану и Туркестанской железной дороге.

В изучение истории народов Средней Азии и Казахстана в колониальный период огромный вклад внесен созывом объединенной научной сессии. посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России (1959 г.). Советскими историками, как уже упоминалось, по исследуемому вопросу не были написаны специальные работы. Однако освещению отдельных его сторон, нашедших отражение в первой главе данной работы, были посвящены работы академика В. В. Бартольда,[25] П. Н. Шаровой,[26] А. М. Аминова,[27] С. А. Раджабова.[28] А. В. Пясковского,[29] П. А. Шмачкова,[30] М. Бабаханова,[31] С. А. Стеценко,[32] И. А. Стеценко,[33] П. Д. Верещагина,[34] коллективный труд «История народов Узбекистана».[35] Отдельные стороны переселенческой политики царизма на территории Киргизии рассмотрены в трудах Б. Д. Джамгерчинова,[36] С. И. Ильясова,[37] А. Ф. Лачко,[38] а на территории Казахстана — в работах Б. Сулейманова[39] и А. Б. Геллера.[40]

Работа А. П. Фомченко[41] посвящена образованию русских поселков в Бухарском ханстве.

Проблема переселенческой политики царизма советскими историками в принципе разработана. Однако некоторые из работ имеют отдельные неточности. Так, например, в статье П. Н. Шаровой говорится только о грабительском характере переселенческой политики царизма и упускается из виду объективно прогрессивное значение переселения крестьян. Такой же недостаток имеется и в «Истории народов Узбекистана». Поэтому совершенно прав П. Д. Верещагин, который в свое время указал на эти недостатки.[42] Г. Галузо,[43] правильно описывая в своей работе социальные категории пе-

реселенцев как середняцкие и бедняцкие слои крестьянства, также не упоминает о прогрессивности переселения. По его мнению, все прибывшие переселенцы постепенно стали кулаками-эксплуататорами местного населения, что не соответствует исторической действительности.

Учитывая отмеченные недостатки, при написании настоящей работы мы поставили перед собой задачу, помимо всего прочего, показать прогрессивное значение переселения русских крестьян в Среднюю Азию, их роль в поднятии политической сознательности местного населения и развитии производительных сил края, а также дружбу дехканских масс с русскими крестьянами-переселенцами.

Глава I

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Переселение крестьян из одного края в другой имеет древнюю историю. Оно связано с экономическими причинами того или иного периода жизни народных масс. Часто они переплетались с политическими причинами. Известно, что крестьянское переселение в России началось еще в XVI в. После завоевания широких просторов Сибирского края царское правительство для укрепления своего господства в этих местах начало переселять туда казаков и государственных крестьян. Так, здесь был образован ряд казачьих и крестьянских поселений и станиц.

Переселенческая политика самодержавия отвечала интересам помещиков-крепостников. Поэтому царское правительство в разное время по-разному относилось к переселенческому движению. Одно время, по словам В. И. Ленина, «нужны были помещикам слабые и некрепкие крестьяне в качестве дешевых рабочих рук, и правительство всячески старалось затормозить переселение и остановить излишки населения на местах».[1] Да и сам факт существования крепостного права являлся главным препятствием для переселения крестьян с одного места на другое.

Широкое переселенческое движение крестьян тесно связано с развитием капиталистических отношений. Во время господства феодальных отношений колонизационное движение не могло приобрести массового характера. Само крепостное право ставило крестьян во внеэкономическую зависимость от помещиков.

Хотя тяжелые условия жизни, безземелье и малоземелье заставляли крестьянскую бедноту отправляться на поиски клочка земли и лучшей жизни, все же до отмены крепостного права переселение не приобрело массового характера. Помимо зависимости крестьянских масс от своих господ, были и другие препятствия для передвижения. Одно из них — репрессивные меры царских чиновников против переселения.

Поражение царизма в Крымской войне (1853—1856) и бурное развитие крестьянских движений наглядно показывали, что страна не может в дальнейшем развиваться без коренных изменений существующих порядков. Россия была накануне революционной ситуации. Решено было отменить крепостное право. Этот процесс происходил не революционным путем, а путем реформ сверху. Крепостное право в России было отменено царским декретом от 19 февраля 1861 г. Однако политика удержания излишков населения на месте в качестве дешевых рабочих рук продолжалась и после этой реформы. В первое время правительство прямо препятствовало переселению крестьян, хотя реформа формально предоставляла им свободу передвижения. Если до февраля 1861 г. царские власти заботились в основном об интересах крупных земельных магнатов, то после реформы они стали прислушиваться и к голосу развивающейся буржуазии.

Отмена крепостного права способствовала развитию в России капиталистических отношений, а развитие производительных сил ускорило переход страны в стадию империализма. Тем не менее, в стране еще существовали заметные элементы крепостничества, которые до некоторой степени тормозили развитие ее по капиталистическому пути. Все это привело к серьезным противоречиям между развивающимся промышленным и финансовым капиталом и пережитками феодальных производственных отношений. Противоречия эти проявлялись и в отношении переселенческой политики царизма. Начиная с 80-х годов XIX в. в этой политике стали чувствоваться колебания. Развивающийся капитализм требовал ускорения экономического проникновения в колонии — главного поставщика сырья для метрополии. Сам факт капиталистического развития поставил вопрос об обуржуазивании характера колонизации окраин. Искусственная задержка переселенческого движения и меры внеэкономического принуждения крестьян препятствовали этому, нанося ущерб интересам буржуазии. Большой же наплыв земледельческого населения в колонии лишал помещиков дешевых рабочих рук. Это и вызвало упомянутые колебания, так как царизм на данном этапе служил двум основным эксплуататорским классам, его политика была основана на принципе «и волки сыты, и овцы целы». Ярким тому примером могут служить принятые 10 июля 1881 г. «Правила», которые разрешали переселение крестьян «с дозволения администрации»[2]. В это время вся европейская Россия была охвачена крестьянскими восстаниями. К 1879—1881 гг. в России соз-

далась вторая революционная ситуация. Крестьянские массы, выступая против преследования самовольного переселения, требовали узаконить его, что и заставило правительство пойти на уступки. Но опасаясь большого отлива населения из центральных районов, правительство предписывало местной администрации не слишком широко пользоваться правом «дозволять». И далеко не все желающие получали разрешение переселиться. Власти заботились прежде всего об интересах помещиков. И за 8 лет на основании «Правил» 10 июля 1881 г. было выдано всего 875 разрешений на переселение.[3] Ежегодно раздавалось в среднем 110 разрешений на переселение, т. е. незначительное количество. Крестьяне были вынуждены уходить из родных мест самовольно. Число их с 1881 по 1889 гг. составило 200 тыс. человек.[4]

13 июля 1889 г. был издан закон, обеспечивающий некоторыми льготами и материальной помощью тех крестьян, которые переселились на новые места по разрешению властей. Закон этот устанавливал среди новоселов круговую поруку. Если они пользовались общинной землей, то сообща отвечали за своевременное внесение налогов, арендной платы и отбывание повинностей. А если сельские общества были созданы на основе подворного землепользования, круговая порука была обязательной только при уплате налогов и отбывания повинностей. Взнос арендной платы за землю оставался на личной ответственности каждого хозяина. В законе 1889 г. были и положения, которые носили феодальный характер, в частности административным путем можно было возвращать на прежнее место жительства крестьян, переселившихся без разрешения властей.[5] Этот пункт давал местным властям повод для репрессивных мер против крестьянского переселения.

И все же крестьяне, измученные тяжелым положением, продолжали самовольное переселение на окраины империи. Особенно усилился этот поток в начале 90-х годов XIX в. В 1891—1892 гг. Европейская часть России была охвачена засухой и неурожаем. Голодали более 40 млн. крестьян. Голодающие вынуждены были переселяться в другие районы. Отчаяние их было до такой степени велико, что на вопрос «куда?» они в таких случаях отвечали: «Хоть в Сибирь, хоть на край света... А что, говорят, натерпимся всего, пока найдем, где можно жить, так ведь передохнуть с голоду и холоду где бы ни пришлось—все равно, здесь ли, на чужой ли далекой стороне...».[6] Хотя эти слова были сказаны еще в 1882 г., их можно целиком отнести и к 1891—1892 гг. В этот

период число «самовольцев» с каждым годом возрастало и правительство вынуждено было признать их. В июле 1889 г. об этом был издан соответствующий закон.

В Тюмени, Уфе и Оренбурге в 1892—1893 гг. пришельцев из Европейской части России было зарегистрировано 155 974 человек; около 78% из них переселились без разрешения.[7] Следовательно, несмотря на все чинимые препятствия, переселенческое движение все усиливалось и в основном переселяющиеся были «самовольными».

В марте 1895 г. в комитете Сибирской железной дороги, образованном еще в 1892 г., был обсужден вопрос о «самовольных переселенцах».[8]

Правительство решило ограничить на некоторое время этот процесс. «15 июня 1896 г. временно была приостановлена выдача разрешений на переселение».[9] Губернаторы могли даже отдавать под суд «самовольных» переселенцев. Этот факт свидетельствует о том, что до конца XIX в. правительство еще стояло на старых позициях. Оно еще не почувствовало грозной революционной силы крестьянства.

До 1905 г. переселенческий вопрос не мог стать составной частью аграрной политики царизма.[10] В период первой русской буржуазно-демократической революции и после нее малоземелье, а также естественный прирост населения в России все более усиливают аграрное движение. В это время в стране «встала грозная туча пролетариата и голодающего крестьянства со всеми его последствиями».[11]

Все эти обстоятельства вынудили правительство пересмотреть переселенческую политику. Если до сих пор помещики боролись против отлива земледельческого населения в колонии, то теперь они увидели в нем средство для разрешения земельного вопроса и ослабления классовой борьбы. Широкий размах крестьянского движения против господства монархии и крупного землевладения в годы первой русской революции заставлял самодержавие отступить от многих ограничений в переселении, установленных законом от 6 июня 1904 г.

На данном этапе развития производительных сил правительство старалось путем переселения разрешить или, по крайней мере, говоря словами В. И. Ленина, значительно притупить и ослабить аграрный вопрос. На переселение крестьян стали возлагаться большие надежды.

Итак, усиление аграрного движения в начале XX столетия заставило правительство изменить свою переселенческую политику и перейти от колебаний, характерных для

80-х годов, к политике максимального усиления переселенческого движения. Такая политика царизма поддерживалась контрреволюционными партиями. Некоторые «теоретики» решили, будто при помощи переселения можно разрешить аграрный кризис, возникший в центральных районах России. Появились многочисленные статьи, брошюры и книги, призывающие крестьян переселяться. Их авторы—лакеи царизма стремились доказать, что «переселение является не только колонизацией, но и способом к устройству русского крестьянства».[12] Один из основателей партии кадетов — А. А. Кауфман писал: «Чтобы только задержать возрастание населения и, таким образом, противодействовать хотя бы дальнейшему обострению малоземелья, пришлось бы значительно усилить в несколько раз переселение против максимального, когда-либо достигающегося действительного размера».[13] Если бы на окраинах России имелось много пригодных земель для переселенцев, то переселение крестьян, по его мнению, могло разрешить земельный вопрос. Кауфман не мог и не хотел понять, что это не так, что переселение лишь до некоторой степени ослабляет недовольство, а разрешить вопрос о земле может только ликвидация существующего строя, которая невозможна без революционного переворота. В своей работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин писал: «Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости. Не подлежит ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Европейской России новым условиям жизни и хозяйства в той же Европейской России, которые мы показали выше, должны быть «разрешены» тем или иным переворотом в Европейской России, а не вне ее. Не в том дело, чтобы переселением избавлять крестьян от крепостничества. Дело в том, что наряду с аграрным вопросом центра стоит аграрный вопрос колонизации. Не в том дело, чтобы заслонять кризис в Европейской России вопросом о колонизации, а в том, чтобы показать губительные результаты крепостнических латифундий и на центр и на окраины».[14] Как мы видим, разрешение аграрного вопроса в России В. И. Ленин считал возможным только в центре России, а не где-то на ее окраинах. *Средством достижения этой цели являлось революционное* преобразование. Царское же правительство, начав поощрять переселение, преследовало свои корыстные цели: во-первых, старалось притупить аграрный вопрос, во-вторых,

надеялось пересадить наиболее «ненадежных» крестьян на окраины, удалив их из центра, где все более нарастал революционный подъем.

Какое большое значение имело революционное движение крестьян в 1905 г. в развитии переселенческого движения, можно судить хотя бы и по тому, что в это время переселенческий вопрос становится предметом обсуждения в государственных думах. В тот период по всей территории царской России бродила огромная масса безземельных крестьян. Особенно много их было в центральных областях. Рост числа безземельных крестьян усиливал их недовольство, которое, в свою очередь, угрожало спокойствию империи. Но, как уже говорилось, разрешить аграрный вопрос путем переселения было невозможно. «Нынешняя организация переселенческого дела лишний раз показывает и доказывает, что наш «старый порядок» абсолютно не способен удовлетворить самые элементарные хозяйственные потребности населения; негодная постановка переселения еще раз свидетельствует, что нынешние господа положения импотентны сделать хоть что-нибудь для хозяйственного прогресса страны».[15]

В годы столыпинской реакции переселенческое движение приобретает еще более широкий размах. Краеугольным камнем реформ председателя совета министров Столыпина являлось переселение крестьян на окраины империи. Столыпин старался при помощи реформ сельского хозяйства спасти монархию Романовых от гибели, направить развитие капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути. Для достижения этой цели предлагалось: 1) выделить крестьян из общин и разбить их на хутора и отрубы; 2) создать крестьянские банки; 3) переселить крестьян из центральных районов на окраины. Третьему пункту уделялось особое внимание: правительство помещиков и крупной буржуазии видело в переселении средство избавления от революционно настроенных крестьян. В послевоенных трудах советских историков высказывается мысль о том, что Столыпин, проводя аграрную реформу, *держал особый курс — на переселение кулаков.*[16] Нам кажется, что это не совсем верно. Во-первых, столыпинская аграрная реформа была результатом классовых боев русского крестьянства против помещичьего землевладения и, следовательно, была направлена на притупление аграрного вопроса. Во-вторых, Столыпин старался убрать из центра страны как можно больше ненадежных крестьян. Что же касается создания кулацкой прослойки как

опоры царизма в деревне, то реформа это предусматривала прежде всего для центральных районов. В официальных документах нет каких-либо указаний о сословном составе переселенцев. Из сказанного же вытекает, что в период реакции основной контингент переселенцев составляли крестьяне среднего достатка и бедняки.

В. И. Ленин, касаясь переселенческой политики царизма во время столыпинской реакции, говорил: «Что касается переселений, то революция 1905 года, показавшая помещикам политическое пробуждение крестьянства, заставила их немножечко «при-открыть» клапан и, вместо прежних помех переселениям, постараться «разредить» атмосферу в России, постараться сбыть побольше беспокойных крестьян в Сибирь».[17] Именно это сбывание и составляло сущность переселенческой политики Столыпина; хотя слова Ленина относились к переселению в Сибирь, их целиком и полностью можно применить и к Средней Азии.

Несмотря на некоторые успехи в первые годы реакции, в основном переселенческая политика Столыпина потерпела полный крах. Об этом свидетельствует численное возрастание обратных переселений крестьян. Например, если в 1910 г. оно составляло 30—40, то в 1911 г. — 60%.[18]

Переселенческая политика правительства в Средней Азии была продолжением той политики, которую царизм проводил в Сибири, на Кавказе и на других окраинах. Но все же Средняя Азия имела свои особенности, которые были связаны с местными условиями — дальностью расстояния от центра, бездорожьем, особыми правами туркестанского генерал-губернаторства. Это внесло в переселенческую политику властей некоторую специфику.

Средняя Азия была присоединена к России позже других ее окраин. Здесь вплоть до конца XIX в. продолжались наступательные действия русских войск. Поэтому в первое время после присоединения внимание и усердие царских чиновников-военачальников были направлены на прочное закрепление завоевания и завершение его. В Средней Азии царизм столкнулся с земледельческим населением. Народы Средней Азии испокон веков вели преимущественно оседлый образ жизни, были знакомы и с поливным земледелием, вся освоенная культурная земля была занята ими. Те земли, которые требовали больших оросительных работ и, следовательно, крупных денежных расходов, пустовали. Проводя в Средней Азии ту или иную политику, самодержавие вынуж-

дено было, кроме местных условий, учитывать и международную обстановку.

В международном масштабе интересы царизма совпадали с интересами английских колонизаторов. Обе стороны старались опередить друг друга на Среднем Востоке, избегая открытых столкновений. Английские колонизаторы еще задолго до начала присоединения края к России стремились захватить эти области. Так, еще в 30-е годы XIX в. англичане после укрепления своего положения в Афганистане старательно «готовились к походу по ту сторону Аму, в Самарканд и Бухару».[19] Именно с этого времени усиливается деятельность английских агентов на территории среднеазиатских ханств. Один за другим Среднюю Азию посетили английские агенты Муркфорт, Конолли, Вольф, Бернс, Странж, Стоддарт, Аббат, Шекспир.[20]

Продвижение русских войск в глубь Средней Азии еще более обеспокоило английских колонизаторов. Они старались поднять местное население против русских. Из Константинополя сообщалось: «Из собранных под рукою сведений оказывалось, что в бытность свою в Константинополе Мостабой (очевидно, Мастон-бай, ташкентский купец)[21] рассказывал некоторым лицам, что вскоре после взятия нашими (войсками) Ташкента англичане прислали в Яркент своего агента, который через эмиссаров побуждал народонаселение Ташкента, Чимкента, Туркестана к восстанию и предлагал нужные на то средства и содействие, но что будто бы ташкентцы, довольные нашим управлением, уклонились от подстрекательства английских агнетов».[22]

Не добившись никаких успехов, англичане пошли по другому пути в борьбе за сферу влияния в Средней Азии. На этот раз они решили использовать услуги афганского эмира Абдурахман-хана, который находился под влиянием английского вице-короля в Индии. В 1885 г., когда в районе Мерва осложнились русско-афганские отношения, англичане спровоцировали нападение афганских войск против России, однако афганцы 30 марта 1885 г. вынуждены были отступить. Среди отрядов Абдурахман-хана находился английский капитан Иет.[23]

Впоследствии В. И. Ленин, говоря об англо-русских противоречиях из-за сферы влияния на Среднем Востоке в 80-х годах XIX в., писал, что «Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии».[24]

В то время, когда агенты империалистической Англии старались возбудить ненависть местного населения против

России, захват его земель под переселенческие поселки русских крестьян усилил бы недовольство. Это до некоторой степени задерживало темпы переселения, так как царским властям приходилось считаться с обстоятельствами. В первое время, заботясь об укреплении своей власти и усилении своего влияния на вновь завоеванных землях Средней Азии, правительство интенсивно переселяло сюда сибирских казаков. В низовьях Сыр-Дарьи еще в 40-х годах прошлого века было образовано несколько казачьих поселков и станиц, имевших стратегическое значение. Переселяя казаков в Среднюю Азию, царизм надеялся не только укрепить тут свою власть, но и сконцентрировать военную силу. «Необходимость обезопасить пограничные местности и упрочить нашу власть среди занятой кочевниками степи, вызвала, наряду с постройкой укрепленных и опорных пунктов, устройство при них военных казачьих поселений. При этом имелось в виду не только располагать на месте вполне подготовленной для обороны границ военной силой, но и обеспечить более дешевое содержание в степи войск, получавших все необходимое из Оренбурга и Сибири по очень высоким ценам».[25] Переселение казачества происходило одновременно с движением русских войск в Среднюю Азию. Поэтому пути переселения казаков в Среднюю Азию шли с двух сторон: с северо-запада (Оренбургское и Уральское войска) и с северо-востока (Сибирское войско).[26] Переселение казаков носило преимущественно не земледельческий, а военно-политический характер. Таким образом, основание нескольких казачьих станиц и выселков не может считаться началом массовой крестьянской колонизации Средней Азии.

Сам факт малочисленности казачьих станиц говорит о безуспешности казачьей колонизации Средней Азии, которая еще не была завоевана полностью. За двадцать лет (с 1847 по 1867 гг., до образования Туркестанского генерал-губернаторства) было основано всего 14 станиц и выселков с населением до 15 тыс. человек.[27] Все они появились не в коренных областях Туркестанского края, а в Семиреченской области (на территории современного Казахстана). Впоследствии из числа их жителей было образовано Семиреченское казачье войско.[28]

Царизм старался привлечь казаков на свою сторону. Поэтому для них создавались более благоприятные условия, чем в казахских аулах, где обитали коренные жители: казаки получали большие земельные наделы.

Такая политика пагубно отразилась на экономике казахского населения. «Большую часть своих земель, — пишет В. В. Бартольд, — они (т. е. казаки. — *Н. К.*) сдавали в аренду киргизам и русским, и плата за аренду давала им вполне достаточное средство к жизни».[29]

Были сделаны попытки переселить и уральских казаков. Но если переселение оренбургских казаков в основном носило военно-колониальный характер, то уральцев попросту ссылали за то, что они отказывались повиноваться властям и не хотели подчиняться закону о всеобщей воинской повинности. Было решено отправить их в Туркестанский край в качестве ссыльных.

Начались поиски свободных земель во всех уездах края. В своем донесении от 11 августа 1879 г. военный губернатор Сыр-Дарьинской области писал, что в области можно поселить 430 семейств: 150 в Чимкентском, 200 в Аулие-Атинском, 50 в Казалинском и 30 в Ходжентском уездах. В последнем намечалось поселить казаков на участках кочевого населения Беговатского общества и на землях узбеков Навгандинского аксакальства Ура-Тюбинского участка.[30] Из донесений чимкентского уездного начальника Логинова, датированных 1879 г., вытекает, что, не находя для казаков свободных земель, местная администрация прибегла к насильственному захвату земли у киргизов. Логинов в своем донесении военному губернатору писал: «Земля эта занята в настоящее время киргизами, но сим последним давно уже объявлено, что 11 250 десятин этой земли назначено для русского населения, а поэтому, когда участок понадобится, то они должны его очистить».[31] Однако уральские казаки не захотели переселяться, заявив местным властям, что подчинятся лишь приказу самого императора. Те же из них, кто переселялся, в отличие от оренбургцев, сразу приступили к трудовой деятельности. Главным занятием уральцев была рыбная ловля в устье Сыр-Дарьи и Аральском море.

Захватывая земли местного населения и предоставляя их казакам, царизм хотел не только избавиться от непослушных подданных, но и разжечь национальную рознь.

Начало массовой крестьянской колонизации Средней Азии связано с появлением в крае первых русских поселков в 70-х годах XIX в.[32] Это, однако, не означает, что до той поры не делалось никаких попыток заселить край русскими крестьянами. Еще в самом начале присоединения Средней Азии к России крестьяне подали министру внутренних дел прошение о переселении в Туркестанский край. 21 декабря

1866 г. чиновник Министерства внутренних дел сообщил оренбургскому генерал-губернатору: «Имею честь препроводить при сем к Вашему превосходительству законное распоряжение на поступившее в Министерство внутренних дел прошение поверенных от крестьян Омского округа, Любинской волости: Егора Ратькова и Николая Рыжих, в котором они ходатайствуют о дозволении им в числе 205 душ переселиться в Туркестанскую область».[33] Как мы видим, министр считал такое прошение вполне законным. И следовательно, попытки переселения крестьян делались еще до 70-х годов. Но все эти попытки были тщетными, так как упомянутые выше условия не позволяли осуществить крестьянскую колонизацию коренных областей Туркестана одновременно с военными действиями.

Первое русское крестьянское селение Михайловка было основано в Аулие-Атинском уезде Сыр-Дарьинской области в 1875 г. После этого все новые и новые русские поселения стали возникать уже непосредственно на территории Средней Азии. Инициатором образования Михайловки был туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман.[34]

Возникновение русских поселков в Туркестанском крае шло не только без заранее намеченного плана, но даже «без всякого общего порядка, а лишь на основании тех мер, какие создавала необходимость в каждую данную минуту».[35] Администрация Туркестанского края пассивно шла за событиями, что создавало хаос в переселенческом деле. Прибывая в край, крестьяне не могли сразу сколько-нибудь сносно устроиться на новом месте: не существовало никаких указаний касательно этого устройства, и поэтому одним приходилось просто возвращаться на родину, другим переходить с одного места на другое. Это не могло не обеспокоить отдельных высокопоставленных чиновников Туркестанского края. И они писали о своих опасениях военным губернаторам, что передвижение крестьян с одного места на другое или обратное переселение их не дает возможности к прочному устройству русских в крае.[36] В 1880 г. аулие-атинский уездный начальник без согласия военного губернатора Сыр-Дарьинской области самовольно запретил крестьянам свободу передвижения и даже не разрешил им обратного переселения на родину. Однако военный губернатор в ответ на подобные меры написал уездному начальнику, что он не считает возможным задерживать переселенцев, желающих возвратиться на родину.[37]

Попытки отдельных чиновников Туркестанского края запретить переселение крестьян в Среднюю Азию не имели успеха.

До конца 70-х годов прошлого века так и не появилось никаких правил и распоряжений администрации края по устройству переселенцев, что отрицательно отразилось на переселении. 3 марта 1881 г. генерал-губернатор издал предписание о принятии в селения отставных нижних чинов. В документе указывалось, что последние получат наделы по 7 десятин земли на правах наследственного пользования. Указывалось, что земли эти не разрешается сдавать в аренду и что они не подлежат отчуждению. Все получившие участки обязывались обрабатывать их с первого же года.[38]

Это предписание явилось первым распоряжением администрации края по устройству русских. Оно еще носило военный характер, определяя устройство отставных и запасных нижних чинов. Другим законодательным актом были правила 1883 г., изданные под руководством нового туркестанского генерал-губернатора Черняева. Новый документ носил чисто русификаторский характер: водворение в Средней Азии разрешалось только лицам русского происхождения.

Вот что рассказывает К. К. Пален о тогдашнем порядке получения земли: «Участки отводились в распоряжение переселенцев на право наследственного пользования, с тем, однако, что становились полной собственностью поселенца по истечении 10 лет со дня их отвода, если он в течение этого срока беспрерывно из года в год обрабатывал свой участок».[39] После этого поселенец мог отдавать свой участок другому лицу русского происхождения. А в случае смерти переселенца надел переходил к его наследникам с тем же ограничением.[40] Издавая данные правила, Черняев задался целью прочно посадить переселенцев в крае и укрепить в Средней Азии русское влияние. Эти правила просуществовали всего-навсего около года. Недолговечность их объясняется тем, что местная администрация почти совершенно не заботилась о новых селениях. Не всегда и не вовремя давались ссуды наиболее нуждающимся семьям, что лишало их возможности выполнять второе требование правила. Некоторые не могли успешно заниматься земледелием не только в течение 10, но даже 2 лет. Большинство из новоселов, покидая свои наделы, переселялось на новые места.

В том же 1883 г. была организована особая комиссия для устройства русских поселков, на которую возлагалась зада-

ча «содействия в разработке правил водворения крестьян в Сыр-Дарьинской области». Но труды комиссии не помогли упорядочить переселенческий вопрос, и в 1885 г. она была упразднена.[41]

В это время (1886 г.) вышло «Положение об управлении Туркестанским краем» — по существу, первый законодательный акт, узаконивший правила водворения крестьян в крае. Переселяться русским крестьянам разрешалось только на «свободные государственные земли». Разрешение в первую очередь давалось запасным нижним чинам Туркестанского военного округа. Им также предоставлялись следующие льготы: 1) отвод из «свободных государственных земель» участка, не превышающего 10 десятин на каждого работника; 2) освобождение в течение 10 лет от уплаты государственного поземельного налога и выдача пособий в размере, не превышающем 100 руб. каждому.[42] Однако этот закон был издан в тот период, когда в России царили острые экономические противоречия между буржуазией и помещиками, что не могло не отразиться на решении земельного вопроса в колониях. Каждый из господствующих классов старался решить его на окраинах в свою пользу. Да и само «Положение» носило противоречивый характер. Оно должно было решить земельный вопрос для местного населения и четко определить те земли, которые могли бы быть предоставлены в надел русским переселенцам. Как нам известно, в отношении выяснения категорий земель в ханствах Средней Азии до присоединения ее к России нет до сих пор единого мнения. Одна группа историков считает, что в ханствах были известны три категории земель: амляковые (государственные), мильковые (частновладельческие, не облагающиеся государственными налогами) и вакуфные.[43] Другие утверждают, что были известны четыре категории земель: амляковые, мильковые, хараджные (частновладельческие, облагавшиеся государственными налогами в размере одной десятой части урожая) и вакуфные.[44] После присоединения края к России царизм для подавления экономической мощи и снижения общественного веса феодалов объявил все категории земель (амляковые, хараджные и мильковые) государственными и отдал их в потомственное пользование тем, кто их непосредственно обрабатывал. Земли кочевников тоже были объявлены государственными и оставались в бессрочном пользовании кочевников. Таким образом, в «Положении» ничего не говорилось о колонизационных фондах. Только «мавотные» (мертвые) земли остались

свободными и могли бы быть колонизационными фондами. Но для поднятия их требовались большие денежные расходы, так как необходимо было провести оросительные работы.

Земельный вопрос не был разрешен вплоть до Октябрьской революции.[45] Это до некоторой степени тормозило переселенческое движение и ослабляло уверенность крестьян в их новых правах.

Однако самовольное переселение крестьян продолжалось. Со времени основания первого русского поселка Средней Азии до начала 90-х годов (1875—1890) здесь появилось 19 русских поселков, в которых разместилось 1300 семейств.[46] Особенно усиливается приток крестьян в Среднюю Азию в начале 90-х годов. 1891—1892 годы являлись для европейской России, как уже упоминалось выше, годами неурожая и голода. Истощенные, обнищавшие крестьяне покидали родные края и разъезжались во все концы страны на поиски заработка и клочка земли. Немало их появляется и в Средней Азии: только за 2 года здесь возникло 25 русских поселений.[47] В результате статистического обследования Сыр-Дарьинской области было установлено, что основной контингент составляли переселенцы из Воронежской, Астраханской, Екатеринославской, Тамбовской губерний и земли Войска Дочского.[48] В Самаркандскую область прибывали крестьяне из Самарской, Симбирской и Оренбургской губерний,[49] т. е. из местностей, которые постигли засуха и неурожай.

И. И. Гейер, и. д. секретаря Сыр-Дарьинского статистического комитета, в своем докладе от 20 мая 1891 г. военному губернатору Сыр-Дарьинской области сообщил: «Стимулом к переселению служило во всех случаях недовольство окружающими крестьян условиями, причем в большинстве случаев условия эти были чисто экономического характера».[50]

Большинство из этих районов были земледельческими и, как указывал В. И. Ленин, именно земледельческие районы могли дать основной контингент переселенцев.[51] Малоземелье, которое являлось результатом реформы 1861 г., заставляло крестьян искать новых, лучших хозяйственных условий. А неурожайные годы еще более усиливали этот процесс.

Такой наплыв переселенцев поставил в затруднительное положение администрацию края, не готовую к встрече большого количества людей. В 1893 г. в отчете военного губер-

натора Сыр-Дарьинской области указывалось, что неустроенные переселенцы в прошлом году были причислены к ранее устроенным селениям и, таким образом, в 1893 г. в области не появлялось новых селений.[52] Если в такой основной колонизационной области Средней Азии, как Сыр-Дарьинская, во время бурного развития переселенческого движения не было образовано новых селений, значит администрация, не имея в своем распоряжении свободных земель, пошла по линии наименьшего сопротивления. Это привело к притеснению старожилов новыми переселенцами, что, в свою очередь, пагубно отразилось на хозяйственной жизни первых. Не имея возможности водворить сразу всех переселенцев, администрация бросила их на произвол судьбы. Новоприбывшим приходилось самовольно захватывать участки. Порой такое самовольное устройство происходило по договоренности между коренными жителями и русскими крестьянами. Иногда же последние занимали землю дехкан насильно. Это привело к ухудшению взаимоотношений между теми и другими, что было, конечно, на руку царизму, который, разжигая национальную рознь между русскими и местным населением, тем самым отвлекал их внимание от борьбы за улучшение условий и получал возможность беспредельно угнетать и первых и вторых.

В 1893 г. царская администрация даже выдала русским переселенцам винтовки. Чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел А. А. Половцев писал: «Винтовки эти обыкновенно висят в избах на видном месте, и на вопрос, к чему они им служат, крестьяне отвечают, что они розданы начальством для «острастки киргизов».[53]

Как бы там ни было, многим переселенцам так и не удалось иметь свою землю, и они вынуждены были идти в услужение к крупным русским землевладельцам, например, к великому князю и хозяевам промышленных предприятий.[54] Да и крестьянам, устроенным при помощи администрации, жилось не лучше самовольцев. Земельные участки раздавались поспешно, без учета их хозяйственной пригодности. Вскоре выяснилось, что не все наделы могут орошаться. От недостатка воды посевы стали гибнуть.

В своем отчете за 1895 г. военный губернатор Сыр-Дарьинской области писал: «Запашки, сделанные крестьянами, не могли быть политы тем запасом воды, которую несли каналы, орошавшие их наделы, ибо в начале разбивки селений не было ни времени, ни средств, ни физической возможности делать тщательные предварительные исследова-

ния».[55] Словом, неурожай 1891/92 г. и массовое крестьянское переселение создали имущему классу источник наживы и привели к разорению крестьянские массы. Усиливался процесс дифференциации крестьянства и на местах заселения. Те крестьяне, которые совсем не могли обзавестись землей, именно в эти годы вынуждены были повсеместно прибегнуть к самовольному захвату земли местного населения. Особенно это было заметно в Семиреченской области, что привело к разжиганию национальной розни между казахами и русскими переселенцами. Эта борьба иногда перерастала в кровопролитную.[56]

Подобная политика могла на данном этапе привести к тяжелым последствиям. Поэтому, несмотря на значительное сокращение прилива переселенцев в 1894—1895 гг., были приняты меры против дальнейшего переселения в Среднюю Азию. В октябре 1897 г. туркестанский генерал-губернатор барон Вревский издал приказ, запрещающий водворение крестьян в крае «вплоть до выяснения, есть ли там свободные земли, пригодные для заселения».[57] В начале 1898 г., когда усиливалось недовольство местного населения, Вревский принял дополнительные меры: обратился к министру внутренних дел с просьбой, чтобы тот запретил проезд через Астрахань и порты Каспийского моря лицам, не имеющим официального разрешения на переселение в Среднюю Азию. Иными словами, Туркестанский край был официально закрыт для переселения.

Неурожай 90-х годов разорил не только сельское хозяйство. Он дал знать о себе и в промышленности. На горных заводах в результате снижения покупательной способности населения, особенно крестьянства, стало сокращаться производство заводских изделий, что тяжело отразилось на положении рабочих. Оставшись без работы, они уходили на поиски пропитания. Некоторые из них попадали в Туркестанский край и начинали заниматься сельским хозяйством. Постепенно оседая, они образовали русские поселки. В дальнейшем не все прижились в Средней Азии. «В селение Черняевский первыми пришли рабочие с горных заводов Оренбургской губернии. Вследствие неурожая производство на заводах сократилось, и рабочим пришлось искать «пропитание» на стороне. Но приисковые рабочие не были настоящими земледельцами, привыкшими к земле; крестьянствовать им здесь не понравилось, а кроме того, тяжело пришлось и от лихорадочного климата. Поэтому значительная часть уже осевших горнорабочих снова поднялась и ушла с уча-

стка обратно на прииски; место же их заняли переселенцы из степных губерний России».[58] Причина занятия горнорабочих сельским хозяйством прежде всего заключается в том, что в то время Средняя Азия была самой отсталой окраиной империи. Здесь не было горных заводов и других крупных промышленных предприятий, куда могли бы поступить рабочие. Сам факт переселения рабочих в Среднюю Азию говорит о том, что народы этого края имели дело не только с русским крестьянством, но и с представителями русского рабочего класса. Это оказало огромное влияние на крестьянские массы Туркестанского края. Впоследствии среднеазиатские народы были вовлечены в общерусскую революционную борьбу. В этом заключается главное прогрессивное значение присоединения края к России.

Все попытки Вревского остановить переселенческое движение оказались тщетными. Несмотря на всякие запрещения, самовольное переселение крестьян продолжалось.

В это время, т. е. со второй половины XIX в., постепенно усиливается оседание среднеазиатских кочевников. Под влиянием местного оседлого населения оно имело место еще с давних времен. Однако до присоединения этот процесс протекал сравнительно медленно. Во второй половине XIX и начале XX вв. в Средней Азии жили многочисленные кочевники, основным занятием которых было скотоводство. «Кочевники в этом районе (Кизыл-Кумский район, Джизакский уезд. — *Н. К.*) — настоящие бродячие номады. Здесь нет даже постоянных помещений, не говоря уже о жилых строениях (менее 1% хозяйств обеспечены жилыми постройками); нет определенных мест для зимних стоянок, на которые в других местностях киргизы обыкновенно возвращаются после летнего и осеннего кочевания».[59] Кочевники были и в других областях Туркестанского края.[60] Появление вблизи кочевых аулов все новых и новых русских селений не могло не повлиять на местных кочевников. Занятие земледелием переселенцев непосредственно по соседству с кочевниками показало последним, что оно экономически более устойчиво, чем скотоводство. Поэтому скотоводы постепенно стали переходить к оседлому образу жизни. Этот процесс все более усиливался: киргизы стали заниматься земледельческим хозяйством.[61]

Среди чинов Туркестанского края появились люди, утверждавшие, что массовое оседание кочевого населения приводит к сокращению свободных государственных земель, а это, в свою очередь, еще более осложняет переселенческий

вопрос.[62] К тому же местные власти не могли четко разграничить оседлых и кочевых жителей. А это затрудняло выяснение наличия свободных земель. Были случаи, когда под предлогом возвращения земли оседлому населению отбирались наделы у переселенцев. Последние с беспокойством писали об этом великому князю Н. К. Романову с надеждой получить от него помощь. В докладной записке уполномоченного от русских крестьян-земледельцев от 30 января 1896 г. говорится: «Сомнение о признании туземцев к оседлому или кочевому населению достигло таких размеров, что в настоящее время ни один из нас, русских земледельцев, не может быть уверенным в том, что земельная собственность его не будет отобрана в казну.[63]

Несмотря на официальное закрытие Туркестанского края для переселенцев, самовольные переселения все же продолжались и в последующие годы. Впоследствии здесь накопилась большая масса неустроенных русских крестьян-переселенцев, которые ждали своего водворения.

Новый генерал-губернатор, генерал-лейтенант Духовский принял ряд мер. Было решено как можно быстрее водворить живших в крае неустроенных переселенцев. 2 июля 1898 г. Духовский наложил следующую резолюцию на справку своей канцелярии о положении переселенческого дела в крае: «Необходимо неотлагательно дать ход возможно большему водворению в Туркестанском крае русских переселенцев. От губернаторов потребовать сведений об имеющихся для сего свободных земель, проверив эти сведения в Управлении государственных имуществ».[64] Была создана комиссия, на которую возлагалась выработка правил колонизации Туркестанского края.[65] Но комиссия ничего существенного не сделала; в вопросе о переселении крестьян правительство еще стояло на старых позициях.

Еще одной причиной неуспеха в водворении переселенцев являлось отсутствие специальных переселенческих органов, которые должны были бы заниматься только этим. Такие функции возлагались на администрацию Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ,[66] которая недостаточно обращала на это внимания, во-первых, потому, что чиновников было слишком мало, а во-вторых, потому, что они считали это второстепенным своим занятием.

Такова была в общих чертах переселенческая политика царизма с первых дней завоевания Средней Азии до начала нынешнего века.

В первые годы XX столетия в этом вопросе наблюдались некоторые, но еще небольшие изменения. К этому времени в Сибири свободные земли, удобные для колонизации,[67] в значительной степени были расхищены.[68] И правительство возлагало свои надежды на Среднюю Азию. В 1900 г. при Военном министерстве была создана особая комиссия, которой вменялась в обязанность разработка проекта правил о переселении. После трехлетней работы, 10 июня 1903 г., комиссия издала в законодательном порядке «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей». К переселению допускались лишь лица православного вероисповедания, принадлежащие к коренному русскому населению. Низшие чины могли водворяться на новых местах на тех же условиях. Разрешение на переселение гражданских лиц мог давать министр внутренних дел, низших чинов — туркестанский генерал-губернатор. Земли отводились по числу душ мужского пола в следующих размерах: орошаемой не свыше 3 десятин, выгонной и пастбищной столько, «сколько окажется необходимым и возможным». Размер надела определял генерал-губернатор. Причем ему предоставлялось право в исключительных случаях увеличивать надел орошаемой земли до 5 десятин. Участки эти давались в постоянное пользование без отчуждения и обременения долгами. Орошаемые земли отводились в подворно-участковое пользование, остальные — в общественное. Если отведенный надел не обрабатывался в течение трех лет, он мог быть отобран. Переселенцы облагались временным налогом в виде оброчной подати.[69] В законе от 10 июня 1903 г. были статьи, дававшие переселенцам некоторые льготы. Например, в статье восьмой говорится: «а) В течение первых пяти лет они освобождаются от уплаты временной оброчной подати и денежных земских повинностей; по прошествии же сего срока они облагаются временною оброчной податью, в течение пяти лет в половинном размере и денежными земскими повинностями тоже в половинном размере в течение трех лет, и б) лица, имеющие при водворении в крае более 15 лет от роду, освобождаются от воинской повинности в течение 6 лет по водворении».[70]

Порядок переселения был таков. Крестьянин через своего губернатора подавал прошение министру внутренних дел. Тронуться с места можно было только после получения на это разрешения. Так что судьба крестьянина во многом зависела от мнения министра. Кроме того, законом не

были точно определены границы прочих, т. е. выгонных и пастбищных земель, что отрицательно отразилось на ходе переселения землеустройства.

Сразу после опубликования нового закона на имя министра внутренних дел были поданы многочисленные прошения о разрешении переселиться в Среднюю Азию. Прошения подавали не только жители внутренних губерний, но и бывшие сибирские переселенцы. Перебравшись в Сибирь, они и здесь не могли поправить свои дела и разорились совершенно. В прошении крестьян Карловской деревни Покровской волости Ачинского уезда Енисейской губернии от 25 июля 1903 г. говорится: «В Восточную Сибирь переселились все мы по одним словам разведчиков, которые нам сообщали, что большое удобство относительно хлебопашества; между прочим, по собственному нашему усмотрению оказалось, что разведчики наши не поняли в удобстве ни буквы, ни цели, а своими сообщениями они нас привели не к лучшему, а в точном смысле к разорению, и если мы не переселимся с участка Карловского, доведем себя до крайней бедности и останемся без средств к жизни с маленькими детьми».[71]

Но и после закона от 10 июня переселение шло без особых успехов. Помехой служила компромиссная статья 270 «Положения об управлении Туркестанским краем», из которой трудно было понять, какие земли могли стать государственными и заселяться переселенцами. Когда это «Положение» выходило в свет, представители власти, опасаясь волнений и стремясь привлечь на свою сторону коренных жителей завоеванной территории, обещали им сохранить все их права, не исключая и права землепользования по обычаю.[72] Это тоже затрудняло разрешение переселенческого вопроса.

Поэтому в 1904 г. был поднят вопрос о применении к Туркестанскому краю статьи 120 «Положения об управлении степных областей». Согласно этой статье, для нужд кочевников оставляли какую-то часть земли, а остальные земли считались излишними и поступали в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ как свободные. Министерство, разбивая эти, так называемые «излишки», образовывало переселенческие участки. Однако прежде всего следовало выяснить количество земель, излишних в хозяйстве кочевников, так как в статье 270 не были оговорены нормы землепользования для кочевого населения. Без этого применение статьи «Положения об управлении степных областей» усилило бы недовольство кочевников. Недо-

вольство местного населения было нежелательным всегда. Поэтому Министерство земледелия и государственных имуществ в 1904 г. разработало план изъятия земель местного населения Средней Азии для образования переселенческих участков. Однако осуществить этот план не удалось из-за нанавшейся русско-японской войны.

Во время русско-японской войны царизм столкнулся не только с Японией, но и с английскими империалистами. «Англия, имея корыстные цели в Китае и не желая усиления там русского влияния, вмешивалась в эту борьбу. Английские империалисты, считая царскую Россию более опасным для себя конкурентом, поддержали в борьбе за раздел китайской территории Японию».[73]

Проведение в жизнь плана изъятия земель местного населения в это время усилило бы недовольство последнего против царизма. Поэтому царизм на время отложил это. Даже «в 1905 году Туркестанский край не был включен в число районов, заселяемых на основании закона от 6 июня 1904 г., и формально считался закрытым для переселения».[74]

А жизнь брала свое. Число самовольных переселенцев в Среднюю Азию беспрерывно возрастало, а с ними возрастало и число неустроенных людей. Это стало беспокоить военных губернаторов, а также и туркестанского генерал-губернатора. 19 октября 1904 г. туркестанский генерал-губернатор сообщил военному губернатору Самаркандской области следующее: «Один из военных губернаторов областей вверенного мне края возбудил ходатайство о принятии мер против наплыва в край самовольных переселенцев, так как, прибыв в край и не находя земли для поселения, они лишь разорялись».[75]

Министерство внутренних дел отзывом своим от 24 сентября 1904 г. уведомило туркестанского генерал-губернатора о том, что им было сделано распоряжение начальникам центральных губерний о принятии всевозможных мер против самовольного переселенческого движения в Туркестанском крае.[76] Одновременно туркестанскому генерал-губернатору был представлен список тех губерний, которым министерство отдало распоряжение. К таким губерниям относились Воронежская, Вятская, Волгодонская, Гродненская, Енисейская, Киевская, Могилевская, Орловская, Оренбургская, Смоленская, Семипалатинская, Ставропольская, Таврическая, Тамбовская, Тобольская, Томская, Харьковская, Херсонесская, Уфимская, а также области Кубанская, Твер-

ская и Войска Донского,[77] т. е. те области и губернии, из которых в основном шло массовое самовольное переселение.

Надо было как-то реорганизовать переселенческое дело в крае, так как тут уже существовали многочисленные переселенческие поселки, а также было много неустроенных переселенцев. Поэтому для реорганизации переселенческого дела в 1905 г. была учреждена так называемая статистическая партия.[78] В задачу ее входило определение свободных земель для заселения их русскими крестьянами.

До 1905 г. русское население края, включая и городское, распределялось следующим образом: в Сыр-Дарьинской области — 3,5% общего числа жителей, в Самаркандской — 1,5, в Ферганской — 0,4.[79] Эти цифры убедительно говорят о том, что, несмотря на противодействие, самовольные переселения в край все же продолжались. Часть из них до окончательного устройства жили в городах.

В 1906 г. переселенческое дело было передано для упорядочения в ведение заведующего статистической партией. Это послужило основанием к образованию в Средней Азии Сыр-Дарьинского переселенческого района. В него входили три коренные области Туркестанского края: Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская. Отныне все вопросы переселенческого дела могли решаться только при участии и руководстве заведующего переселенческим делом. Такой крутой поворот связан с началом первой русской революции, когда крестьянская беднота была вовлечена в революционную борьбу против царизма. В лице крестьянских масс самодержавие видело грозную силу, могущую смести его. Поэтому были изданы многочисленные книги и брошюры, призывающие крестьян переселяться. В одном только 1907 г. вышло 130 тыс. экземпляров книг об условиях водворения в различных переселенческих районах и 400 тыс. экземпляров разъяснений о порядке переселения.[80] При помощи подобного рода литературы Переселенческое управление старалось убедить крестьян в выгоде переселения.

Такой поворот в переселенческой политике представители каждого класса понимали по-своему. Например, В. В. Бартольд считал, что это происходило «в связи с условием обрусительной тенденции в правительственной политике».[81] На самом же деле причина оживления переселенческого движения заключается не в русификационной тенденции царизма (хотя последняя играла тут не последнюю роль), а в усилении революционного движения среди крестьян. Как

справедливо отмечает В. А. Ромодин, «объясняя рост крестьянской колонизации только усилением обрусительной тенденции в политике царского правительства, В. В. Бартольд не обращает внимания на социальные условия в России»[82]. Только историки, руководствующиеся марксистской методологией, могут верно объяснить причину сложившейся обстановки.

Во время революционных бурь приток переселенцев в Среднюю Азию усиливался год от года. Особенно мощным он был в период разгула столыпинской реакции (1908 — 1910 гг.). Правительство возлагало тогда на переселение крестьян, как уже было сказано, большую надежду. А между тем усиливавшийся приток переселенцев только ухудшил положение крестьянских масс. В своей переселенческой политике центральное правительство встретило противодействие со стороны администрации края. Между Переселенческим управлением и местными административными органами края происходили постоянные трения[83] по вопросу о переселении и устройстве крестьян в Средней Азии. Если первое в своих отчетах и донесениях старалось доказать, будто в крае существует множество свободных земельных массивов, то вторые утверждали обратное. Такая противоположность мнений имела под собой социальные корни: центральные власти стремились как можно быстрее избавиться от политически неблагонадежных крестьян, местная администрация, естественно, не хотела принимать людей, которые могли нарушить спокойствие в крае.

От всего этого, как обычно, страдал трудовой народ. Только в одном 1906 г. в крае было зарегистрировано 1467 неустроенных хозяйств.[84] Если в составе каждой семьи считать в среднем по четыре человека, то здесь жило около 6 тыс. лиц, не имевших земли. А в 1908 г., во время ревизии К. К. Палена, их число возросло уже до 7—8 тыс.[85] Как видно из сообщения генерал-губернатора военному министру, в 1906 г. в Средней Азии, кроме того, жило 2 тыс. семейств «самовольцев», находившихся в более тяжелых условиях, чем безземельные «законные». Такое положение дел не могло не беспокоить туркестанские власти. Поэтому в 1906 г. было созвано особое совещание, на котором обсуждались вопросы об устройстве непричисленных крестьян и организации новых селений. Было решено использовать методы самих крестьян, т. е. разрешить им арендовать земли коренных жителей. Арендовать землю мог только тот, кто ее сам обрабатывал. Срок аренды был установлен 3 года. Количе-

ство арендуемой земли не должно было превышать 2 десятин на душу. Для создания же новых селений решено было использовать все излишки земли у кочевников. Чиновники Переселенческого управления под видом изъятия излишних земель прибегали к хищническим захватам. Изымались не только излишние, но даже и основные, необходимые для жизни кочевников земли. Хотя на совещании было оговорено, что изъятие должно происходить за соответствующее вознаграждение и с согласия местного населения, этих правил почти никто не придерживался. Отчуждение земель происходило не только в кочевых хозяйствах, но и в оседлых. Так, у жителей кишлаков Сайрама и Султан-Рабата земельные участки были изъяты на равных условиях с землями кочевников.[86] Однако эти земли не столько раздавались безземельным крестьянам, сколько поступали во владение и без того обеспеченных переселенцев-старожилов. Но так или иначе к 1906 г. во всех коренных областях Туркестанского края было уже 74 русских поселка с 4800 семействами.[87]

Отчуждение земель местного населения продолжалось до 1916 г. В Ходжентском уезде оно было связано с проведением оросительной сети в Голодной степи. Так, в отчете о землеотводных работах в Сыр-Дарьинском переселенческом районе за 1915 г. упоминается, что для нужд орошения и заселения в Голодной степи было изъято 385 199 десятин. На следующий год намечалось образование нового колонизационного фонда за счет изъятия земель кочевого населения в Ходжентском и Джизакском уездах. «Часть площади описываемого изъятия, расположенная в Ходжентском узде, до последнего времени была в общем пользовании киргизов (128 юртовладельцев) Саватской волости, которые проживают большую часть года около ст. Черняево Ср.-Азиатской ж. д. Они разделяются на четыре колена: Парчаюз, Коканкарапчи, Найман и Туркмен и составляют одно Карапчипарчаюзское общество, 3 адм. аула названной волости».[88] Таким образом, в Ходжентском уезде у местного населения были изъяты 150 671 десятина земли.

Ярким примером усиления переселенческого движения в годы столыпинской реакции могут служить следующие цифры. Только в Сибирь с 1906 по 1910 гг. переселилось 2 516 075 человек.[89] В среднем сюда ежегодно переселялось около 500 тыс. крестьян.

Процесс обратного отлива переселенцев на родину наблюдался на протяжении всей истории переселенческого дела в Средней Азии. Такой процесс не всегда был одинако-

вым. В зависимости от условий жизни и положения крестьян обратное переселение то усиливалось, то спадало. Так, в отчете военного губернатора Самаркандской области за 1895 г. указывается, что в 1895 г. через Самарканд в Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую области проследовало 102 переселенца. В том же году число людей, возвратившихся из Средней Азии в центральные области России, достигло 121 человека.[90] В Самарканде последним были выданы свидетельства, по которым они могли получить билеты по удешевленному тарифу. Главными причинами обратного переселения были «недостаток земли для хлебопашества в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях, вредный для здоровья климат Туркестана; трудность заниматься земледелием на ирригационной земле; смерть главы семейства».[91] Особенно такое движение усиливается после 1909 г. Оно наблюдается не только в Средней Азии, но и по всей России. Так, по данным П. Н. Шаровой, в Среднюю Азию в 1909 г. прибыло 7535 человек, из которых убыл 21%. За 5 месяцев (август—декабрь) 1910 г. приехало 1087 человек, а вернулось обратно значительно больше — 107%. В 1911 г. прибыло 5093 человека, из них убыл 81%.[92]

Если эти данные сравнить с таковыми для других окраин России, то они свидетельствуют о провале переселенческой политики царизма в Туркестанском крае (табл. 1).[93]

Таблица 1

Обратное переселение из других окраин России

Год	Число переселенцев, тыс.	% обратных переселений
1909	619	13
1910	316	36
1911	183	60

Как мы видим, в процентном отношении из всех других окраин Средняя Азия по обратному переселению стояла на первом месте. Если в 1910 г. из Средней Азии убыло 107% к прибывшим в этом году, то из других окраин—36%, а в 1911 г. соответственно 81 и 60%. Все это говорит о полном крахе волчьей политики правительства Столыпина.

Совершенно разоренные крестьяне возвращались на родину, пополняли ряды пролетариата, что еще более обостряло классовую борьбу.

Правительство, боясь повторения революционных событий 1905—1907 гг., пытается всячески воздействовать на переселение. В частности, оно выпускает многочисленные аги-

тационные плакаты. В одном из них говорилось: «Помощь правительства оказывается только тем, кто, прежде чем двинуться с семьей на новые места, приищет землю для переселения».[94] Но это не могло ни предотвратить, ни остановить обратного переселения.

Переселенцам на пути передвижения приходилось испытывать большие неудобства и лишения. Их отправляли в набитых до отказа товарных вагонах. На протяжении всего пути людям не давали не только горячей пищи, но даже кипятка. Вагоны-теплушки не всегда отапливались, крыши в них протекали. Царила антисанитария. Все это пагубно отражалось на здоровье крестьян. Многие тяжело заболевали. Больных высаживали на первой же станции и бросали на произвол судьбы. Было много смертных случаев, особенно среди детей. Ночами переселенцам негде было лечь, большинство из них с детьми на руках простаивало на станциях до утра.[95] Очередность не соблюдалась. Тех, кто мог дать взятку начальнику станции, отправляли без всякой очереди. Бедняки же сидели на станциях целыми неделями, а то и месяцами. Это доводило переселенцев до полного разорения, и им приходилось бродяжничать. По прибытии на место они поселялись в шалашах и землянках. Продолжительность пути приводила к тому, что крестьяне продавали по дороге все, что у них было.[96] Большинство оставалось без каких-либо средств. Все надежды они возлагали на обещанную в центре ссуду в размере 100 руб. Согласно временным правилам, переселенцам полагались и путевые ссуды, выдача которых возлагалась на чиновников особых поручений при Переселенческом управлении. Размеры путевых ссуд были определены в пределах 50 руб. и выдавались только «законным» переселенцам.[97] «Самовольцы» были лишены такой помощи. А поскольку Туркестан официально был закрыт для переселения, то вряд ли многие переселенцы получили ссуду. Эта сумма не могла избавить крестьянина от нужды, а лишь избавляла его от голодовки в пути следования. Не обходилось без взятки и тут. Чиновники Переселенческого управления по своему усмотрению давали переселенцам от 5 до 200 руб., значительно преувеличивая в своих донесениях размеры выдаваемых ссуд. Например, заведующий Ташкентским переселенческим районом Кильчевский в своих донесениях увеличивал эти цифры вдвое, а то и втрое. Главе сенаторской ревизии графу Палену Кильчевский подал списки, по которым крестьяне получили не меньше чем по 313 руб.

Против некоторых имен стояла сумма 449 руб. 14 коп. В действительности, как выяснилось из опроса, ни одно семейство не получило свыше 225 руб.[98]

Произвол со стороны местных властей вызывал недовольство переселенцев, и они жаловались высшим властям. Вначале на эти жалобы не обращали внимания, но размах обратного переселения заставил правительство в 1908 г. заняться выяснением истинного положения на местах. В Среднюю Азию была послана комиссия во главе с графом Паленом. Она пыталась скрыть злоупотребления местных чиновников. Однако они оказались так велики, что это оказалось невозможным. Ревизия установила, что Кильчевский, помимо составления подложных документов, принуждал крестьян расписываться на квитанциях, в которых не были указаны размеры ссуд. Не лучше вели себя и другие переселенческие чиновники — Арцишевский, Шкапский, Ошаненко. *Используя свою власть, они притесняли переселенцев, обо*гащались за их счет и устраивали на «теплые места» своих родственников и друзей. Администрация края вынуждена была освободить некоторых из них от занимаемых должностей. Все эти факты, выявленные ревизией, беспокоили правительство. Для уточнения правильности проверки в Среднюю Азию был откомандирован заместитель главного начальника Переселенческого управления Чиркин. Поверхностно ознакомившись с положением дел, он одобрил действия царской администрации по изъятию земли у местного населения и даже разработал план создания колонизационного фонда. Таким образом, вся работа по вскрытию недостатков и злоупотреблений местного управления по отношению к переселенцам и коренным жителям была сведена на нет.

Вместе с усилением переселенческого движения усиливается и захват земли местного населения. Этот процесс шел не только с ведома властей, но и под их прямым руководством. Так, в 1909 г. уже упомянутый Чиркин, разрабатывая план создания колонизационного фонда, предложил свой особенный метод: постепенное стеснение крестьян-казахов и установление для них определенных норм землепользования. После осуществления этих мер Чиркин потребовал, чтобы у местного населения были отобраны излишки земли и переданы в колонизационный фонд, причем созданные для выявления излишков комиссии всячески старались представить дело так, будто у коренных жителей земли чрезмерно

много. Решили внести свою лепту в это дело и представители контрреволюционных партий. Они потребовали, чтобы правительство объявило земли на окраинах государственной собственностью и отдало их во временное пользование коренным жителям с сохранением безраздельных прав местных властей на отчуждение в «переселенческий запасной фонд». Оба эти плана носили реакционный характер, и весь смысл их заключался в хищническом захвате земли местного населения. Полное осуществление таких проектов могло бы привести к катастрофическому разорению коренных жителей, особенно кочевников.

Туркестан для переселенцев официально был закрыт вплоть до принятия закона от 19 декабря 1910 г. о дополнении статьи 270, разрешающий изъятие излишков земли у кочевого населения Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. Этим самым поставленный еще в 1904 г. вопрос был решен спустя шесть лет. После принятия этого закона запрещение на въезд в край было отменено.

Перепуганное обратными переселениями правительство с 1910 г. поставило перед собою цель пресечь его. В связи с этим был поднят вопрос о создании нового, русского Туркестана.[99] Побывавший в Средней Азии в 1912 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин составил докладную записку, обращая внимание на три коренных вопроса: расширение хлопководства, орошение и русское заселение. Главным из них он считал второй вопрос.[100] Он предлагал путем расширения оросительных сетей в степях Средней Азии создавать громадные земельные массивы, пригодные для заселения, посылая туда переселенцев и всячески укрепляя их экономическое положение. Царские слуги надеялись тем самым создать кулацкую прослойку, эксплуатирующую местную и русскую бедноту. Кривошеин писал: «Хозяйство пришлых русских людей должно быть устойчивым, и политическое значение русской колонизации обязывает дать переселенцам доступ именно на поливные земли, к ценным культурам. Среди зажиточного мусульманского населения русские переселенцы не могут явиться хозяевами бедными, захудалыми и приниженными. Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной ее силой. Надо дать русским переселенцам в руки бесспорное земельное богатство, а таковым являются в Туркестане только орошенные земли».[101] И далее: «Во всяком случае, нельзя не признать, что сарт рабочий на земле русского переселенца-хозяина — явление

более понятное и желательное, чем обратное: русский батрак у сарта».[102]

Согласно закону от 21 июня 1914 г., на орошенные земли Голодной степи с целью заселения посылались «русские подданные всех христианских исповеданий, без различия состояний, обладающие определенным материальным обеспечением».[103]

Спад переселения, начавшийся еще в 1909 г., и усиление обратного движения продолжались до 1911 г. В 1911 г. большинство районов охватывает неурожай и голод. «До сих пор от 3/4 до 4/5 всего числа переселенцев шли из малороссийских и среднечерноземных губерний. Это — тот центр России, где всего сильнее остатки крепостничества, где всего ниже заработная плата, где крестьянским массам живется особенно тяжело.

...Теперь началась волна переселений из иного района, именно из Поволжья, которое до сих пор давало совсем мало переселенцев».[104] Новое бедствие усилило переселенческое движение. Так, в 1911 г. переселилось 190 тыс. человек, в 1912 г. — 196,5.[105] Но все же процесс этот не мог подняться до уровня 1910 г., а затем опять начался постепенный спад. Так, если в 1914 г. в Среднюю Азию прибыло 5104 человека, то в 1915 г. их было всего 85, а в 1916 г. — 69. Причем и в эти годы продолжается обратное переселение. В 1914 г., например, на родину вернулись 5043 человека, в 1915 г. — 220, в 1916 г. — 60.[106] Причиной очередного сокращения числа переселенцев явилась первая мировая война, целиком отвлекшая от них внимание правительства. Железнодорожный транспорт, который мог бы перебрасывать переселенцев, теперь использовался на военные нужды. Кроме того, основные массы крестьян были призваны на военную службу.

Правда, властям удалось создать отдельные переселенческие хозяйства, которые в экономическом отношении были крепкими.[107] Это осуществлялось путем постоянного повышения благосостояния отдельных крестьян, а не путем переселения кулацких элементов. Они обеспечивались большими земельными наделами и водой, что, конечно, способствовало укреплению их хозяйств. Владельцы подобных хозяйств являлись главной опорой царизма в Средней Азии и разжигали национальную рознь между коренными жителями и русскими переселенцами. Другие поселки были созданы преимущественно на неорошаемых землях и производили жалкое впечатление.

За 50 лет, с 1867 по 1917 гг., в Средней Азии было образовано 269 русских поселков с 15 486 дворами, в которых жило 88 495 человек.[108] Из них в Сыр-Дарьинской области 10 842 двора с 65 749 жителями, в Ферганской области 2694 двора с населением в 8 492 человека. Количество поселков распределялись так: в Сыр-Дарьинской — 190, в Ферганской — 59, в Самаркандской — 20.[109]

Таким образом, в переселенческой политике царизма можно установить два главнейших этапа: до начала XX в. и с начала XX в. до второй русской революции в феврале 1917 г. Характерной чертой первого этапа было удержание излишков населения на местах. В 90-х годах Россия вступила в эпоху империализма. Дальнейшее проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство, усиление классовой дифференциации крестьянства, с одной стороны, и усиление крестьянского движения, с другой, поставили правительство в очень затруднительное положение. Царские власти в то время старались избавиться от политически неблагонадежных крестьян. В переселении была заинтересована и буржуазия. Однако против переселений в широких масштабах выступили помещики. Пытаясь найти компромиссное решение, устраивающее оба господствующих класса, самодержавие проявляет в переселенческой политике признаки колебания. В первое время по отношению к Средней Азии царизм придерживался политики военно-стратегического характера. До официального закрытия края для переселения (1897—1898) стремления правительства были направлены главным образом на укрепление позиций в завоеванных местах. Поэтому до начала XX в. Средняя Азия еще не рассматривалась как плацдарм для выселения избыточного населения. В крае не велось планомерной колонизации. Большинство поселков своим возникновением было обязано самим переселенцам или, в редких случаях, деятельности отдельных администраторов. Для развития новых поселков не принималось никаких административных и хозяйственных мер. Высшая администрация края русским поселкам, возникшим самовольно (особенно голодностепским), никакого внимания не уделяла. Поэтому там наблюдалась большая текучесть населения. Фактическое бесправие крестьян пагубно отражалось и на их материальном положении. Большинство из них не могло долго жить и вести свое хозяйство на одном месте. Царские чиновники в своих отчетах, сваливая вину на самих переселенцев, утверждали, буд-

то они привыкли к бродячей жизни и вообще неспособны вести хозяйство в новых условиях и на поливных землях.

Между тем, как указывал В. И. Ленин, правильная организация переселенческого дела могла иметь известное значение не только для окраин, но и для Европейской части России. Развитию переселенческого движения и укреплению хозяйств переселенцев очень мешали бюрократические методы ведения дела. В частности, переселенцам не разрешали свободного устройства. «Вся переселенческая политика самодержавия насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего страшную путаницу в новые земельные отношения, заражавшего ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию».[110]

Революция 1905—1907 гг. послужила толчком к усилению переселенческого движения. Начиная с этого времени, царизм изменяет свою политику в этом вопросе, ориентируясь на оживление переселения во имя разрешения создавшегося в центре земельного кризиса. Больших успехов добиться не удалось, но все же это на некоторое время дало помещикам передышку и могло служить временным выходом из критического положения.

Усилившийся приток переселенцев в Среднюю Азию, скопление огромного числа неустроенных крестьян очень напугало администрацию края. Был поднят вопрос о новом официальном его закрытии для переселенцев, а также принят ряд поспешных решений. Так, в 1906 г. образована так называемая Сыр-Дарьинская партия, в задачу которой входило только исследование, но не образование новых поселков. Работа партии не могла идти успешно хотя бы из-за отсутствия достаточного штата.

Отличительной чертой переселенческой политики царизма на втором этапе являлось то, что она была основана на известных столыпинских реформах: на выселении более ненадежных крестьян на окраину, на создании отрубных и хуторских типов хозяйства и т. п. Однако в Средней Азии такие типы хозяйств образовывались только с 1910 г.,[111] а в Голодной степи Ходжентского уезда — после 1913 г. Причем образование их шло не путем разрушений общинного хозяйства, как практиковалось в России, а за счет так называемых свободных государственных земель.

Переселенческая политика самодержания была явно реакционной, направленной на ослабление революционных вы-

ступлений в центре при помощи переселения наиболее революционно настроенных крестьян на окраины, на сохранение помещичьих землевладений, основанной на массовом ограблении жителей окраин, ставящей целью сохранение остатков крепостничества в России. Исходя из политики «разделяй и властвуй», царские власти всячески разжигали национальную рознь между русскими пришельцами и коренным населением.

Несмотря на это, возникновение русских поселков в Средней Азии, в том числе и в Ходжентском уезде, имело прогрессивное значение, которое проявлялось в трех отношениях: экономическом, политическом и культурном. Говоря об объективно прогрессивном значении переселенческого движения в целом, следует отметить, что оно дало толчок для сближения местных народов Средней Азии не только с русским, но и с другими народами России. В результате такого сближения всему трудовому народу становилось ясно, что его подлинным врагом является класс господ во главе с царем. В борьбе против царизма народы шли рука об руку

Глава II

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКИХ ПОСЕЛКОВ В ХОДЖЕНТСКОМ УЕЗДЕ

1. ОРОШЕНИЕ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

Образование русских поселков в Ходжентском уезде (исключая Сретенский) было непосредственно связано с орошением Голодной степи.

С первых же дней присоединения Средней Азии к России обширная равнина Голодной степи привлекала к себе внимание правительства и деловых кругов, как будущий колонизационный фонд для переселенцев. Кроме того, орошение новых земель увеличивало производство американского хлопка, на который поднялся спрос в текстильной промышленности центральных областей. Царское правительство намеревалось оросить целинные земли, переселить туда русских крестьян и создать там второй Туркестан. «Отдел земельных улучшений, — писал А. Курсиш (инженер путей сообщения), — твердо уверен, что сооружение Романовского канала, полагающее начало грандиозным работам по оживлению мертвых земель Средней Азии, должно явиться первым крупным шагом к созданию нового Туркестана, не только более обильного культурными землями, полями хлопчатника, садами и селениями, но и более богатого русскими людьми, чем теперешняя Средняя Азия».[1]

С целью прокладывания почтовых трактов были созданы особые партии по обследованию степи. Одна из них, так называемая съемочная партия барона Аминова, в 1870 г. составила проект, по которому Голодная степь должна была орошаться из р. Зерафшон. Но из-за маловодности и отдаленности этой реки проект не был принят. Отклонен был и проект, намечавший орошение степи при помощи артезианских вод.

В 1871 г. технолог штабс-капитан Н. Умняков предложил оросить степь из Сыр-Дарьи. По его проекту канал должен начинаться близ селения Парман-Курган Беговатского сельского общества. Этот проект оказался наиболее приемлемым и был утвержден администрацией. Впоследствии этот канал

стали называть Кауфманским. Проводить его полагалось не за счет государственных средств, а способом трудовой повинности. Рабочих должны были выставить жители г. Ташкента, Ходжентского и Кураминского уездов, через территорию которых или вблизи от нее должна была пройти трасса. Каждый двор обязан был дать одного рабочего на десять дней. Кураминский уезд должен был выставить 23 тыс., Ходжентский уезд — 20 тыс., а г. Ташкент — 10 тыс. человек на две недели. Однако планы проведения большого канала при малой затрате средств не увенчались успехом. За четыре года — с 1874 по 1878 было прорыто всего около 13 верст 68 294 рабочими.

В дело орошения Голодной степи включались и частные предприниматели, видя в нем источник наживы и обогащения. Одним из таких предпринимателей был великий князь Н. К. Романов. Он занимался обводнением и потому, что земли, которые были оживлены при помощи орошения, по шариату, могли стать собственностью того человека, который оживил их. К его приезду в Голодную степь в 1885 г. там уже был проведен на его средства арык от р. Чирчик[2], получивший название Искандер-арыка.

На территории Ходжентского уезда в присутствии Романова был проложен канал Бухар-арык (также на средства князя). «Для работ великого князя, — пишет В. В. Бартольд, — характерно, что они велись исключительно приемами туземной техники, без участия русских специалистов».[3] Отсюда и название арыка Бухарский. Видя, что орошение сулит большую наживу, князь вознамерился построить плотину у Фархадских скал, в 1 км ниже селения Парман-Курган. Строительство канала продолжалось с 1885 по 1890 гг. Прорыто было около 25 верст. Работы на Бухар-арыке шли успешнее, чем на Кауфманском канале, но все же дело продвигалось очень медленно. Главным тормозом была архаичность техники. Основными орудиями служили лопаты, кирки, ломы, кетмени. Самым печальным оказалось то, что через трое суток после пуска воды головное сооружение было смыто течением и вода по каналу не пошла.

В 1891 г. возобновляется работа на канале Хива, впоследствии переименованном в канал Николая I в честь императора. Он, так же как и Бухар-арык, сооружался местным способом, без участия русских специалистов. Через четыре года, в 1895 г., канал был готов. Длина его составляла 84 версты. Такой канал мог оросить 7 тыс. десятин, но лишь

при условии ежегодного ремонта. Очень вредило каналу соседство с Сыр-Дарьей, которая размывала дамбу. На ремонт и очистку оросительной системы отпускались большие деньги. Но они не использовались по своему назначению. В 1907 г. комиссия гидравлического комитета установила, что за двадцать лет канал ни разу не чистился, что и повлияло на его пропускную способность. Комиссия приняла решение очистить канал и восстановить пропускную способность его. В последующие два года канал был очищен на всем протяжении. Теперь его воды стали орошать до 12 тыс. десятин земли.[4]

На строительстве канала Николая I в Голодной степи, как и на Бухар-арыке, главную рабочую силу составляли русские переселенцы и местные дехкане. Будучи начальником оросительной сети, великий князь Н. К. Романов старался привлечь на эти работы как можно больше переселенцев. Он разослал по губерниям пригласительные телеграммы, обещая обеспечить прибывших работой и землей в Голодной степи.[5] Ему хотелось не только заполучить рабочих, которых в крае было достаточно, но и заменить местных русскими и таким образом заложить основы будущей колонизации Голодной степи.

В 1899 г. канал Николая I был передан казне. При этом Романов заявил, что израсходовал на него 1 009 353 руб., что, несомненно, было преувеличено. Управление земледелия и государственных имуществ, в распоряжение которого поступил канал, оценило проведенную работу в 340 тыс. руб. Было решено отвести Н. К. Романову 2 тыс. десятин земли в Голодной степи и выплатить 240 тыс. руб.[6] Таким образом, Н. К. Романов при помощи ирригационных мероприятий стал одним из крупных землевладельцев Туркестанского края. Сдавая эти земли «в аренду чайрикерам и более зажиточным лицам»,[7] он эксплуатировал их.

Пропускная способность Николаевского канала, как уже было сказано, была не настолько велика, чтобы оросить все земли, нужные для создания второго Туркестана. Поэтому в 1895 г., сразу после окончания строительства канала, в распоряжение Министерства земледелия был отпущен стотысячный кредит для изыскательных работ и составления проектов оросительных устройств.[8] Министерство земледелия, со своей стороны, подготовило для этого четыре партии. Появился ряд новых проектов строительства оросительных систем в самых различных местах. В 1897 г. была создана специальная междуведомственная комиссия. Рассмотрев все

проекты, она утвердила проект инженера Н. А. Петрова. По этому проекту, надо было оросить земли между рекой и железной дорогой. Канал должен был «служить для орошения северо-восточной части Голодной степи, заключенной в треугольнике между Среднеазиатской железной дорогой, каналом императора Николая I и рекой Сыр-Дарьей (Ходжентского уезда Самаркандской области)».[9]

В 1899 г. междуведомственная комиссия постановила начать строительство нового канала в Голодной степи. 25 сентября 1901 г. началось проведение Романовского канала, способного оросить 45 тыс. десятин земли. Это строительство затянулось до 1913 г. Первые 7 лет не было даже окончательного проекта. Местный управленческий аппарат зависел целиком от центра, и самые мелкие дела решались в согласованности с Петербургом. «Причиной медленности производства работ, — пишет А. Курсиш, — можно считать: крайне ограниченные размеры опускавшихся средств, хроническое запоздание перевода кредитов, неточность и недостаточность изысканий, проекта и смет, следствием чего являлась необходимость производства обширных изысканий и составления одновременно с производством работ, наконец, вообще новизна дела и некоторая неопределенность и неустойчивость во взглядах на коренные вопросы, касающиеся работ».[10] Все это было так, но главная причина черепашьих темпов заключалась не в этом. Царская администрация связывала дело орошения Голодной степи со своими колониальными целями — созданием второго Туркестана. Отсутствие строительной индустрии в зоне оросительных работ, которая могла бы обеспечить канал необходимой техникой и строительными материалами, также отрицательно сказывалось на ходе работ. Специалистов приглашали из центра. Из-за дальности расстояния приезд затягивался. На подготовку таких кадров из числа коренных жителей царские чиновники не шли. Вместо того чтобы широко привлекать местное население к работе, перевести малоземельных и безземельных дехкан в зону орошения, администрация края пошла на насильственный захват их земель. Поэтому крестьяне смотрели на оросительные работы, как на очередную беду. Русские же специалисты и рабочие плохо переносили местные условия. Особенно невыносима была жара, которую многие не выдерживали и уезжали. Из-за этого даже пришлось временно приостановить работы на канале.

Помимо всего прочего, правительство не всегда в достаточной мере давало ссуды. Об этом красноречиво свидетельствует табл. 2.[11]

Таблица 2

Поступление средств на строительные работы

Год	Испрошено Министерством земледелия и государственных имуществ, руб.	Отпущено, руб.
1900	300 000	300 000
1901	90 000	20 200
1902	353 700	170 200
1903	715 600	514 700
1904	514 700	20 200
1905	320 000	170 200
1906	420 200	170 200
1907	588 479	170 200
Итого	3 302 679	1 535 900

Наконец, отсталая техника также была тормозом в орошении Голодной степи. «Копание земли производилось людьми, причем для лессовых, песчанистых и слабых галечных грунтов применялись, в качестве орудий, лопаты и туземные кетмени (лопаты, мотыги), для грунтовых плотных, плотных галечных и лессовых с содержанием гипса пришлось применять кирки и ломы»[12]. На канале работало большое количество людей, число которых иногда доходило до 900.[13] В строительных работах участвовали не только русские переселенцы, но и местные жители. «Рабочие,— пишет А. Курсиш,— были частью местные русские крестьяне и туземцы, частью же пришлые как из других областей Туркестана, так из Европейской России».[14] Рабочим в день платили по 80 коп.

В течение восьми лет, с конца 1900 по 1908 гг., было прорыто приблизительно 25,5 км.[15] Такая медлительность беспокоила Главное управление землеустройства и земледелия, представители которого дважды, в 1907 и 1908 гг., пытались уточнить причины медленных темпов работы на канале. Комиссия установила, что до сих пор нет единого окончательного проекта канала. Тогда был составлен новый его вариант, требовавший сдачи канала в эксплуатацию через четыре года. Проект был утвержден только в 1911 г. Выделили и добавочный кредит. Работы на канале закончились немного раньше, чем было указано в проекте. 5 октября 1913 г. состоялось торжественное открытие канала, который получил название Романовского. Такому быстрому завершению работ способствовало и то обстоятельство, что главные работы на общую сумму 3 614 963 руб. 66 коп. сданы были в подряд крупному контрагенту, инженеру путей сообщения С. Н. Чаеву с правом увеличения количества работ

не свыше 20% договоренной суммы.[16] После окончания работ была определена стоимость расходов, которая составляла 8 801 700 руб.[17]

В 1914 г. Романовский канал мог оросить всего 12,6 тыс. га.[18] Впоследствии после некоторого расширения и углубления его оросительная площадь достигла 34,5 тыс. га.[19]

В Голодной степи были предприняты попытки и каризного способа орошения. Это объясняется тем, что некоторые поселки находились на возвышенных местах и жители их не могли использовать воды Романовского канала. Одним из таких поселков был Черняево. Для орошения его земель в 1914 г. были начаты изыскательные работы.[20] Предполагалось использовать воды с ура-тюбинских гор.[21] Для составления проекта пригласили инженеров из Ашхабада. Но проект так и не был осуществлен.

Не только канал Николая I, но даже и магистральный Романовский не могли обеспечить орошения. В 1917 г. Романовский канал орошал 34,5 тыс. га земли — максимальную площадь, которой он мог дать воду при условии ежегодного ремонта. Поэтому было решено широко использовать земли бассейна Сыр-Дарьи, оросив 500 тыс. десятин.[22] В 1914 г, инженер Г. К. Ризенкампф составил схему нового канала, которая была утверждена в 1915 г.[23] В том же 1915 г. руководство по проведению нового канала было передано заведующему экономическими работами Управления землепользования и земледелия В. Ф. Караваеву.[24] Из-за начавшейся первой мировой войны проект также не был осуществлен.

Кроме того, уже проведенные каналы требовали больших денежных расходов. Так, общая стоимость строительных расходов на 20 лет составляла на каждую десятину 155 руб., которые взимали с переселенцев. Романовский канал, как и Николаевский, без ежегодного ремонта не мог орошать посевы.

Расходы на поддержание порядка на ирригационной сети и ее ремонт из года в год возрастали, а увеличение орошаемой площади отставало от расходов. Например, в 1914 г. на эксплуатационные расходы канала было отпущено 90 тыс. руб., в 1915—174. В 1916 г. испрашивалось 300 тыс. Канал в то время орошал около 28 тыс. десятин. Если учесть, что ежегодно в течение 20 лет с каждой десятины удобной орошенной земли переселенцы платили до 5 руб. налога на содержание и ремонт канала, то выходило, что казна могла получить лишь около 100 тыс. руб., а несла 200 тыс. убыт-

ка.[25] Вопрос об орошении в бассейне р. Сыр-Дарья так больше и не поднимался.

Несмотря на все свои недостатки и замедленные темпы работ, пуск Романовского канала в Голодной степи являлся фактом большого значения. В результате проведения каналов расширялись посевные площади, главным образом за счет пустующих целинных земель. Это дало толчок к развитию производительных сил в сельском хозяйстве, что не могли не видеть и представители местного населения. Один из просветителей таджикского народа конца XIX и начала XX вв. Тошходжа Асири, который был участником торжественного открытия канала, воспел это событие в поэме:

Все мертвое стало живым.
Земля стала пригодной для посева
И покрылась зеленью.
Там я посеял семена пшеницы
И стал земледельцем.[26]

Он рассказал о той радости, которую пережили дехкане, в течение тысячелетий мечтавшие о воде для своих полей. Его особенно восхищали цементированные берега канала, которых раньше не знали местные строители.

Романовский канал был первым каналом, который был сооружен на основе новой в то время фортификационной науки. В этом отношении он во многом отличался от местных ирригационных сооружений. Основными материалами последних были камыш, хворост, галька, которые не могли противостоять силе горных потоков, особенно во время разлива; они требовали ежегодного ремонта и пересооружения головных дамб. Иногда местные ирригационные сооружения становились источником бедствий и катастроф. В результате разлива рек и наводнений «головные сооружения туркестанских каналов туземного типа оказываются вредными и в смысле влияния на самый режим реки. Струенаправляющие дамбы, устраиваемые обыкновенно только с одного берега реки, оказывают сильное влияние на размывание рекой противоположного берега. Вследствие этого русла туркестанских рек возле голов каналов обыкновенно бывают очень непостоянны. Реки в этих местах бросаются из стороны в сторону и портят соседние земли разливами воды и заносами гальки и песка».[27]

Например, для Романовского канала в качестве стройматериалов использовались цемент и железо, в силу чего он был более прочным и мог устоять против течения вод.

2. ОБРАЗОВАНИЕ ПОСЕЛКОВ

Если в других местах Средней Азии колонизационная деятельность русских переселенцев началась в 70-х годах, то в Ходжентском уезде Самаркандской области — со второй половины 80-х годов. Для заселения края русским крестьянам необходимы были свободные земли. Самаркандская же область была одной из самых густонаселенных в Туркестанском крае. Поэтому для переселения следовало поднять целинные земли. Главный вопрос, как везде, заключался в орошении. От хода оросительных работ зависел успех образования и развития русских поселков, особенно в Ходжентском уезде со значительным количеством степных земель. Они хотя и короткое время года (март—май), но служили как пастбища для скотоводства. Следовательно, образование русских поселков в названном уезде происходило за счет отчуждения пастбищных земель местного кочевого населения.

Поселок Запорожский. Первым русским поселком на территории Ходжентского уезда был Запорожский. История его создания описана в книге В. Ф. Караваева[28] и в статье агронома П. В. Познякова.[29] Они почему-то называют разные даты его возникновения.

Первый утверждает, что это произошло одновременно с началом работ на Бухар-арыке, т. е. в 1885 г.[30] Второй пишет, что Запорожский был образован в 1886 г.[31] Для того чтобы иметь постоянную рабочую силу, начальник оросительных работ прежде всего должен был позаботиться о жилье рабочих. Постепенно вокруг канцелярии, занимавшейся оросительными работами, начали появляться землянки и дома. Исходя из этого, по-нашему мнению, дата 1885 г., сообщаемая Караваевым, может соответствовать действительности.

Поселок Запорожский был основан на территории кишлака Хаштияк (Беговатское общество). Земли, отведенные под жилье, находились приблизительно в 35 верстах от Ходжента, на левом берегу Сыр-Дарьи. По словам Караваева, за земли, отчужденные у коренных жителей, Романов рассчитался деньгами, а за остальные обещал в будущем отпускать воду на пять мельниц.[32] Архивные же данные показывают, что образование Запорожского связано с насильственным захватом земли местного населения по приказу великого князя. Письмоводитель Ходжентского уездного управления, прибывший в Запорожский для сбора сведений о

положении вновь прибывших переселенцев, заметил, что они самовольно захватывают земли коренных жителей (последние подали заявление об этом). По его словам, «Бек Магомед Коляндарбаев заявил, что русские поселились на его земле, примыкающей к Запорожскому по правую сторону дороги»,[33] хотя на владение этими 6 танапами у него имеются документы. «Поселившиеся как в Запорожском, так и в Киате заявили мне, что они ничего не знают о том, кому принадлежит земля, на которой они поселились, и что они поселились по приказанию великого князя, который приказал отвести места и дал лесу на постройку помещений».[34]

Вопреки запрещению начальника уезда, Романов продолжал отнимать у дехкан земли, передавая их оренбургским казакам. Уездный начальник в своем секретном донесении от 3 ноября 1891 г. туркестанскому генерал-губернатору сообщал: «На днях его высочество отправил в Запорожский поселок еще около 30 семей казаков, недавно прибывших из Оренбурга. Сведения эти доставлены секретным путем, причем мною сообщено, что великий князь говорил, что никто не может помешать ему нарезать новым переселенцам земли».[35]

Так представитель царской фамилии, используя свое высокое происхождение, творил беззакония, открыто обогащался за счет разоренных крестьян. Все это не могло не привести к недовольству местных жителей, что, в свою очередь, не могло не беспокоить туркестанского генерал-губернатора барона Вревского, который в своем сообщении от 11 ноября 1891 г. самаркандскому военному губернатору писал: «Не говоря о землях, принадлежащих частным лицам, даже земли, которые предположены к орошению из вновь устраиваемого в Голодной степи арыка (канал Николая I. —*Н. К.*) могут быть отводимы под поселение не иначе, как по распоряжению местной администрации и притом только лицам, которые имеют право на поселение в крае».[36]

Находились люди, которые открыто выступали против самовольных действий великого князя и требовали от генерал-губернатора решительных мер. В своей записке от 14 ноября 1891 г. на имя военного губернатора Самаркандской области исполнявший должность секретаря статистического комитета М. Вирский писал: «Если великому князю не предоставлено это право особым актом правительства, то не является ли необходимостью, в видах ограждения интересов казны и порядка управления населением области, поло-

жить предел дальнейшему нарушению вышеприведенного закона, а также выяснить вопрос: кто должен явиться ответственным лицом, допустившим произвольное образование на государственной земле поселков Романовского, Надеждинского и Запорожского с населением, не причисленным к ним и пользующимся государственною землею безусловно, как своею собственностью».[37] Как мы видим, Вирский считал, что захват земли местного населения наносит ущерб казне. Дело в том, что по закону, упоминаемому в записке, в течение первых пяти лет переселенцы не платили государственного поземельного налога, а в последующее пятилетие платили его в половинном размере. Если бы земли остались у коренных жителей, то они вносили бы эти налоги своевременно.

Пользуясь попустительством администрации и содействием великого князя, переселенцы стали захватывать земли, принадлежащие дехканам. Это еще более усиливало недовольство последних. И военный губернатор категорически потребовал, чтобы уездный начальник запретил самоуправство.[38] Поступил он так не из великодушия, а из-за боязни перед все возраставшим недовольством.

Факты говорят о том, что Романов никогда не платил местному населению за отчуждение земли. Что же касается обещаний дать воду местным дехканам, то и это едва ли было выполнено из-за того, что канал Бухар-арык не мог обеспечить водой земли, орошение которых предполагалось.

Поселок Запорожский не был земледельческим. В нем жили рабочие-землекопы. Каждый новоприбывший рабочий на первое время обязательно поселялся в Запорожском поселке, где были специально построены шалаши, землянки и бараки. Даже тем, кто ехал сюда из центральных районов России, давали адрес Запорожского. Поэтому в некоторых архивных материалах этот поселок иногда именуется Запорожским городком. Временами здесь жило до 300 семейств.[39] Так продолжалось 11 лет, до 1896 г. Затем поселок приходит в упадок, что было связано с завершением работ на Николаевском канале и перемещением их центра в другое место.

Рабочие-землекопы или переселялись в другие поселки, образовавшиеся в Голодной степи, или сами создавали новые поселки. Так, например, возник поселок Федоровского в Катта-Курганском уезде.[40]

Когда в 1899 г. все русские поселки в Ходжентском уезде были переданы в ведение русской администрации, то

Запорожский поселок, вернее земли, относившиеся к нему, стали владением Н. К. Романова.[41]

Поселок Надеждинский. Продолжение работ на канале Николая I требовало приближения строительных рабочих к месту деятельности. В 1886 г. в 50 верстах ниже Запорожского (по течению реки) вырос поселок Надеждинский.[42] В отличие от первого, он был земледельческим. Все поселки, образованные после Запорожского, первое время обеспечивали канал рабочей силой, а затем могли послужить ядром будущей колонизации.

Надеждинский, как и Запорожский, вырос на левом берегу Сыр-Дарьи, в 45 верстах от Чиназа и озера Шал-Тугайкуль, вблизи головного сооружения старого канала Урумбай. Поселок стоял на небольшой возвышенности, имел отличные сенокосы. Вокруг озера было много камыша, и оно было богато рыбой. Пахотные земли располагались ниже по каналу.[43] До 22 июля 1886 г. здесь жило всего 5 семей крестьян из разных губерний. В. Ф. Караваев пишет, что в момент образования поселка Н. К. Романов поселил там 3 семейства рабочих.[44] Однако архивные материалы опровергают эти цифры. Это объясняется тем, что Караваев обследовал поселок в 1914 г., а устные сведения приведенные в его работе, относятся к моменту образования Надеждинского. В докладе старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Сыр-Дарьинской области от 22 июля 1886 г. военному губернатору той же области сказано, что сразу после образования поселка в нем жило 15 семей, но в июне 11 из них ушли в Мерв, а к оставшимся 4 приехала еще 1 семья.[45]

С самых первых дней положение надеждинцев было очень тяжелым. Из-за недостатка леса задерживалась постройка домов. Часть строительных материалов привезли из г. Ура-Тюбе, который находился в 60 верстах от поселка. Все это лишний раз подтверждает то, что царская администрация не заботилась о крестьянах-переселенцах.

Поселок Сретенский. На правом берегу Сыр-Дарьи, кроме массива Голодной степи, расположена Дальверзинская степь. Она тоже привлекает внимание колониальной администрации. Был составлен план образования здесь нескольких поселков, которые могли бы упрочить влияние царского правительства в этих краях.

Первым русским поселком в Дальверзинской степи был Сретенский, включенный в состав Ходжентского уезда. Он образовался в 1886 г. на правом берегу, в 6 верстах от ре-

ки. Сначала территория его находилась под ведомством Сыр-Дарьинского областного правления. С образованием Самаркандской области и передачей Уральской волости из Ташкентского уезда в Ходжентский в административное подчинение последнего был передан и Сретенский (2 апреля 1891 г.). Образование этого поселка происходило несколько иначе, чем других: он был создан на искусственно орошаемой земле Дальверзина. Стретенцам не приходилось, как крестьянам Голодной степи, ждать окончания оросительных работ и обводнения осваиваемых земель. Они с самого начала образования поселка были земледельцами, а не рабочими-землекопами, кроме некоторых из них. Наконец, в образовании поселков в Голодной степи деятельное участие принимали частные лица (например, Романов). В целом Сретенский поселок был создан администрацией Туркестанского генерал-губернаторства.

Как и другие русские поселки Ходжентского уезда, Сретенский возник за счет отчуждения земель местного крестьянства. Иногда такое отчуждение шло косвенным путем: земельные наделы определялись на глаз; не были установлены точные границы земель поселка; межевые комиссии не ставили знаков-столбиков, а если и ставили, то через несколько дней они исчезали. Используя такую беспорядочность, переселенцы запахивали дехканские земли. Дехкане не раз подавали жалобы уездному начальнику. Подобное прошение подано, например, жителями селения Каль Уральской волости. Выехав на место, саватский участковый пристав капитан Игнациус обнаружил, что невозможно точно определить границы Сретенского поселка. Оказывается, что межевщик Леонтьев в 1895 г., воспользовавшись земельным обменом между жителями кишлака Хас и поселка Сретенский, устроил путаницу и уничтожил составленный план последнего. После тщательной проверки выяснилось, что с тех самых пор сретенцы используют 174 десятины земли кишлака Дальверзин.[46]

22 ноября 1911 г. в журнале общего присутствия Самаркандского областного правления появилась резолюция: «1) Составленный в 1911 г. бывшим ходжентским уездным землемером Васильевым план границ Сретенского поселка общей площадью удобных и неудобных земель в 4690 десятин 1200 кв. сажен утвердить; 2) просьбу доверенных жителей Сретенского поселка о прирезке к их наделу 174 десятин из земель Хасского общества признать неосновательною и не подлежащею удовлетворению; 3) обнаруженные

на планах бывшей поземельно-податной комиссии описки, ошибки исправить в межевом отделении; 4) подлинный план Сретенского поселка хранить в межевом отделе, а копию с плана и копию настоящего журнала послать ходжентскому уездному начальнику».[47] Как явствует из этого документа, попустительство администрации дало возможность переселенцам беспрепятственно использовать чужие земли в течение 16 лет.

Как уже не раз говорилось, подобный беспорядок вызывал раздоры между коренными жителями и пришельцами, что способствовало разжиганию национальной розни. Именно с такой целью военный губернатор Самаркандской области в 1892 г. потребовал от генерал-губернатора, чтобы тот прирезал сретенцам под выгон 800 десятин 1300 саженей земли, принадлежащей дехканам. Генерал-губернатор приказал уездному начальнику выяснить экономическое значение этих земель для местного населения. В своем отчете от 28 февраля 1893 г. ходжентский уездный начальник писал: «Участок земли, испрашиваемый под выпас для Сретенского поселка, находится по левую сторону р. Сыр-Дарьи. Переправа на ту сторону очень затруднительна не только летом в половодье, но даже и после спада воды. На участке этом имеется зимнее стойбище киргиз Саватской волости Карапчинского аула в количестве более 50 кибиток. На летние дни мужья киргиз уходят в горы для пастьбы скота, а на участке этом косят сено и заготовляют запасы на зиму, а также по возвращении с летовок всю осень и зиму пасут там скот, имеющийся у них в большом количестве. Отобрание этих участков у настоящих их владельцев крайне тяжело отразится на всем экономическом быте».[48] Отказывая самаркандскому коллеге, генерал-губернатор меньше всего думал о благе дехкан. Дело в том, что 1891—1892 годы были периодом массового переселения на окраины. Повсюду бродили безземельные крестьяне, самовольно захватывающие земли местных жителей, недовольство которых все возрастало. В такое время было опасно отнимать у дехкан новые земельные массивы.

Поселок Романовский тоже образовался на левом берегу Сыр-Дарьи. Первыми его поселенцами были крестьяне, работавшие на Николаевском канале (он находился в 24 верстах ниже Сретенского, на берегу Аимкуля).[49] Относительно даты образования Романовского нет точных данных ни в архивных материалах, ни в работах В. Ф. Караваева и Н. В. Познякова. Последний, например, называет 1886 г.,[50]

а Караваев — 1887 г.[51] По одним архивным данным, поселок возник в 1890 г.[52], а по другим,—в 1899 г.[53]

На наш взгляд, наиболее достоверны сведения, сообщаемые в докладе Вирского военному губернатору Сыр-Дарьинской области 8 сентября 1888 г.: «В поселке Романовском с осени прошлого года водворилось 11 семей. В прошлую зиму к ним прибыло 6 семей из Екатеринославской губернии, которым местность не нравилась и поэтому все ушли на родину. Поселок этот, приютившийся на берегу Аимкуля, находился вне всяких экономических условий к оседлости. Жалкий вид 11-ти землянок и построенных из комьев земли домиков, при отсутствии каких бы то ни было хозяйственных построек, представляющих временное жилье людей, не надумавших, что делать, уповая на общественный арык, не могут удержать от водворения произвольно осевших там людей».[54] Поэтому не верны и утверждения С. А. Стеценко, И. А. Стеценко о том, что Романовский возник в 1885 г.[55] Причем И. А. Стеценко считает, что последний был первым переселенческим поселком в Ходжентском уезде.[56]

Согласно сведениям Караваева, в год образования в поселке жило 13 рабочих семейств[57], а по данным архива, — 11. Следовательно, год образования поселка, сообщаемый Вирским, совпадает с датой Караваева. Что касается количественного расхождения, то оно естественно вытекает из неустойчивости первых поселенцев и текучести жителей всех поселков.

Поселок Николаевский образовался на левом берегу Сыр-Дарьи, в 60 верстах от Ходжента, в 1891 г. Он был расположен на возвышенности в урочище Кият и с трех сторон (востока, юга, запада) окружен водой (около притока р. Сыр-Дарья).[58] Первыми жителями Николаевского тоже явились рабочие-землекопы, часть из которых перешла из Запорожского. По мнению Караваева, Николаевский возник в 1891 г.[59], а по мнению П. В. Познякова, — в 1892 г.[60] Согласно архивным материалам, поселок был образован в 1891 г. в Саватской области Ходжентского уезда.[61]

Запустение поселка Запорожского обеспокоило администрацию. Опасаясь потерять рабочие руки, она стала ходатайствовать о быстрейшем наделении крестьян землей. После четырехлетнего существования поселка, в 1895 г., ему выделили участок в 2211 десятин. Но и эта мера не могла удержать крестьян от перехода в другие поселки. Особенно много людей ушло после налета саранчи, уничтожавшей по-

севы. Царские власти не вели активной борьбы с саранчой, они не шли на крупные расходы, пытались выйти из положения за счет переселенцев, а чаще всего за счет местного населения края.

Следовательно, в неурожайные 90-е годы и во время большого наплыва самовольных переселенцев в Ходжентском уезде был образован только Николаевский поселок.

Поселок Обетованный. В 10 верстах от Надеждинского и в 97 от Ходжента был образован другой левобережный поселок — Обетованный.[62] Он образовался еще в 1888 г., но до 1896 г. совершенно не развивался.[63] Начиная же с этого времени происходит его постепенное оживление. Поэтому датой возникновения Обетованного считают обычно 1896 г. Но и тут есть расхождение. Согласно «Ведомостям русских поселков Самаркандской области за 1907 и за 1910 гг.», Обетованный образовался в 1895 г.[64], что, по-нашему мнению, является недостоверным. Во-первых, они получены через 10 с лишним лет после образования поселка. Во-вторых, ведомости составлялись путем устного опроса. Ошибочность этих сведений подтверждается и тем, что в «Ведомостях» неправильно показан и год образования Романовского (1890 или 1899 вместо 1887). Позняков и Караваев дают единую дату образования Обетованного — 1896 г.

Поселок Верхне-Волынский. Относительно времени образования данного поселка в архивных материалах имеются некоторые расхождения. Так, согласно некоторым архивным сведениям, он появился в 1896 г.,[65] по другим данным, — в 1897 г.,[66] а по сведениям В. Ф. Караваева и П. В. Познякова, — в 1896 г.[67] Наиболее достоверной является первая дата. Она подтверждается и летописями Самаркандской области за 1896 г., где говорится: «У реки Сыр-Дарьи образовался новый поселок Волынский (т. е. Верхне-Волынский, так как второй поселок под таким названием еще не был образован. — *Н. К.*) из молокан[68] Семиреченской области и Сретенского поселка».[69] Караваев называет их выходцами с Кубани. Возможно, это крестьяне, после нескольких неурожайных лет покинувшие родные места и проведшие долгие годы в мучительных скитаниях по Средней Азии, в 1896 г. осели в Ходжентском уезде.

Молокане отрицали обряды, иконы, святых, храмы и священников. Поэтому они преследовались царской властью. Их ссылали на Амур, в Сибирь, в Закавказье, в Предкавказье и, наконец, в Среднюю Азию. Где бы ни жили молокане, они занимались земледелием и скотоводством. Не-

доброжелательно относившаяся к ним администрация не хотела нарезать им земли. Поэтому они активнее, чем другие, захватывали земли местного населения. В своем донесении от 27 февраля 1903 г. военный губернатор Самаркандской области сообщил генерал-губернатору: «Основными спорами и недоразумениями между местным населением и русскими крестьянами является необеспеченность русских поселков земельными наделами. Там, где поселок был более обеспечен землею, не выявлено никаких споров и скандалов».[70] Это еще раз доказывает, что главными виновниками всяких неурядиц являлись не переселенцы, а административные органы Туркестанского генерал-губернаторства.

По всей видимости, жители Верхне-Волынского поселка действительно принадлежали к ссыльным сектантам, и поэтому их судьба была еще тяжелее, чем у других переселенцев.

Поселок Нижне-Волынский. В 1897 г. сектанты, жившие в Романовском и Верхне-Волынском поселках, образовали новый поселок — Нижне-Волынский (на левом берегу Сыр-Дарьи, в 22 верстах к северу от Надеждинского).[71] Так как основные жители его были выходцами из Верхне-Волынского и принадлежали к секте молокан, то они решили назвать свое новое место жительства Нижне-Волынским. После этого сектанты разослали по всей стране письма, приглашая единоверцев в Голодную степь[72]. Очевидно, они намеревались создать там сектантскую колонию. С самого начала нижневольцы ощущали острую нужду в земле. Только в 1900 г. им был отведен во временное пользование участок вблизи Шур-Кудука. Как и земля для верхневолынцев, надел лежал далеко от поселка и был сильно засолен. Поэтому жители обоих поселков отказывались обрабатывать эту землю. Фактически они были лишены законного земельного надела вплоть до 1917 г.

Поселок Конногвардейский. В 1897 г. в 12 верстах южнее Надеждинского образовался поселок под названием Конногвардейский. Первооснователями его тоже были сектанты, ушедшие из Романовского поселка. В отличие от других сектантов, поселившихся в Ходжентском уезде, они были очень дружными, во всем помогали друг другу. Даже дома строились ими сообща. Вот что пишет по этому поводу В. Ф. Караваев: «Начать с того, что каждый дом первых поселенцев был возведен общими силами всех односельчан и постройки совершались по планам, устанавливаемым на общем собрании».[73] В. Ф. Караваев эту тенденцию связыва-

ет с религиозностью переселенцев. О том же рассказывает и П. В. Позняков, побывавший в этих местах в 1898 г.: «Заболеет ли один из поселян и у него в доме работа остановилась — односельчане по очереди устраивают ему помощь, заболеет ли женщина в доме и некому коров доить, не кому за ребятишками посмотреть, на помощь больной коллективно или по очереди идут все здоровые женщины поселка».[74]

Как мы видим, среди жителей поселка была развита взаимная помощь, взаимная выручка. По-видимому, это было связано с отношением к ним властей и условиями, в которых жили переселенцы-сектанты. Находясь под постоянным страхом гонения, они могли жить только при такой взаимной помощи. Интересно, что при обработке земли взаимной помощи между ними не наблюдалось.

Итак, в Ходжентском уезде с середины 80-х до начала 1900-х годов было образовано 9 русских поселков (8 в Голодной степи, 1—в Дальверзинской).

Отличительной чертой этих поселков по сравнению с теми поселками, которые были образованы впоследствии, является то, что все они, кроме Сретенского, считались самовольными. Основная часть семейств, переселявшихся в Голодную степь, еще не знала условий степи. И это не могло не отразиться на их хозяйстве. Кроме того, оседая в Голодной степи, они надеялись на то, что в ближайшем будущем могут получить воду на свои наделы. Однако, как мы видели выше, и эта надежда долго не осуществлялась. Строительство канала тянулось долго, он не мог сразу дать воду всем поселкам. Из числа 8 русских поселков Голодной степи воду из канала Николая I могли получить только Романовский и Конногвардейский, но только в 1897 — 1898 гг., не раньше.

Поселки Духовский и Спасский. Поселок Духовский был образован по инициативе начальника Управления земледелия и государственных имуществ С. Ю. Раунера в 1898 г. на левом берегу Сыр-Дарьи, вблизи железнодорожной станции Голодная степь.[75] Образовали его для охраны железнодорожной линии, а назвали в честь тогдашнего генерал-губернатора Туркестана. С самого начала образования Духовского в нем жили 10 семейств, и это число никогда не изменялось.

Очевидно, это было связано с недостатком воды для полива надела переселенцев. Когда в 1906 г. рядом появился поселок Спасский, то Духовский был присоединен к нему.

Выше отмечалось, что в начале XX в. приток переселенцев в Среднюю Азию, в том числе в Ходжентский уезд, все более усиливался. Ранее образовавшиеся поселки не могли вместить всех приезжих. По всему краю бродили неустроенные переселенцы. Поэтому Переселенческое управление решило создать новые поселки. Эта идея была поддержана туркестанским генерал-губернатором. В августе 1906 г. туркестанский генерал-губернатор просил главноуправляющего землеустройством и земледелием, чтобы он «в интересах скорейшего устройства русского безземельного населения (*распорядился. — Н. К.*) *о прекращении сдачи в аренду* казенных земель в Голодной степи, орошаемых из канала императора Николая I, всего площадью около 3000 десятин, *и о предоставлении этих земель для колонизационных целей*».[76] Из числа 3000 десятин в распоряжение переселенческой организации для наделения крестьян участками была выделена 1000 десятин казенных поливных земель.[77] Так был образован поселок Спасский, названный в честь религиозного праздника.[78]

На этот раз царская администрация хотела применить столыпинскую аграрную реформу, выделив землю хуторским хозяйствам, с нарезкой каждому хуторянину по 10 десятин. Однако новоприбывшие совместно со старожилами из Духовского поселка обратились к главному начальнику *края с ходатайством о разрешении им «устраиваться одним* общим скученным селением»,[79] что было разрешено.

Поселок Ахман-Куль. Кроме поселков, образованных при помощи правительственных органов и при участии частных лиц, в Голодной степи имелись и такие, которые переселенцы создавали самовольно. В годы разгула реакции таких поселков в Ходжентском уезде было два — Ахман-Куль и Сыр-Дарьинский. Первый вырос недалеко от одноименного озера, в 6 верстах от Нижне-Волынского[80] и 26 верстах — к северу от Надеждинского.[81] Началось с того, что 4 семьи из Нижне-Волынского поселились у озера для *рыбной ловли. В 1909 г. сюда приехало еще 4 семьи из* Ферганской области. Приток переселенцев постепенно усиливался и временами здесь жило до 170 семейств. Так как поселок образовался самовольно, то Переселенческое управление земли крестьянам не отводило, а та, что имелась, не орошалась, поэтому заниматься земледелием жители не могли.

По-видимому, эти переселенцы надеялись на улучшение своего положения в Голодной степи по сравнению с густо-

населенной Ферганской областью. Это было не случайно, так как об оросительных мероприятиях царской администрацией говорилось очень много. Однако, как мы выше заметили, большого успеха они в этом не достигли и им попрежнему приходилось туго. Безземелье вскоре вынудило некоторых оставить поселок. В 1910 г. в поселке насчитывалось только 27 семейств. Переселенческое управление предложило им переехать в Чимкентский и Аулие-Атинский уезды, обещая дать наделы (где велась политика безжалостного притеснения местных жителей и за счет отчуждения земли последних создавались русские поселки) и предупреждая, что занятые под поселок земли в план дальнейшего орошения не входят.

Тем не менее уехали далеко не все. По-видимому, переселенцы не были уверены в улучшении своего положения на вновь осваиваемых местах и решили остаться в Ахман-Куле с надеждой в дальнейшем получить земельные наделы. Спустя некоторое время приток переселенцев возобновился. Так, по данным статистико-экономического обследования Голодной степи, в 1914 г. здесь насчитывалось 112 семейств[82] (в 1915 г. их осталось 109).[83] Все эти события вынудили Переселенческое управление спустя 6 лет признать их как жителей отдельного, самостоятельного поселка. Крестьяне Ахман-Куля на своем сельском сходе 15 декабря 1914 г. просили заведующего устройством переселенцев в Самаркандской области о переименовании их поселка в поселок Лыкошино (в честь одного из военных губернаторов этой области). Просьба была удовлетворена журналом общего присутствия Самаркандского правления.[84]

Поселок Сыр-Дарьинский. В том же 1908 г. неподалеку от железнодорожной станции, в 68 верстах от Ахман-Куля, вырос поселок Сыр-Дарьинский. В первый год здесь жило 25 семейств. Все они были выходцами из других русских поселков Голодной степи, нашедшими себе работу на железной дороге. Поселок носил неземледельческий характер, хотя почва здесь была намного лучше, чем в урочище Ахман-Куль. Исходя из выгодного положения поселка, представители Переселенческого управления решили создать тут торгово-промышленный центр для всей Голодной степи. Близость к станции обеспечивала поселку возможность быстрого развития. И поскольку жители его могли успешно заниматься торговлей, администрация края не хотела, чтобы сюда переселялись простые крестьяне. Но несмотря на запрещение и всяческие препятствия, число переселенцев

все же росло. Поэтому даже в некоторых официальных документах этот поселок получает название «Нахаловки». Официально он был признан управлением только в конце 1914 г. К этому времени в Сыр-Дарьинском жило 84 семейства.[85] Правительству так и не удалось превратить его в торговый поселок с зажиточной прослойкой населения.

Поселок Велико-Алексеевский. В 1913 г. в 12 верстах от станции Сыр-Дарьинской в направлении к станции Голодная степь (вблизи железнодорожного разъезда) появился поселок Велико-Алексеевский. Он был образован из колонизационного фонда в Голодной степи, на участке земли, орошаемом Романовским каналом, и назван в честь царевича Алексея. В первый год образования здесь насчитывалось 179 дворов.[86] Поселок Велико-Алексеевский возник сразу после окончания оросительных работ на Романовском канале и был обеспечен водой с первого дня своего образования. Администрация канала возлагала на него большую надежду, поэтому он был сразу утвержден как сельское общество. Образование поселка официально было утверждено в 1914 г.[87]

Поселок Самсоново. Исследования В. Ф. Караваева заключаются первой половиной 1914 г. О поселках, появившихся в последующие годы, он никаких сведений не сообщает.

После завершения работ на Романовском канале, в октябре 1913 г., Переселенческим управлением был намечен план образования ряда новых поселков в Голодной степи. Для этого надо было выбирать такую местность, где они могли бы поместиться.

Станция и поселок Сыр-Дарьинский были удобными узловыми пунктами для обслуживания русских поселков в Голодной степи. Станция служила местом сбыта сельскохозяйственной продукции Самарского и Солдатского поселков Ташкентского уезда и соседних с ним кишлаков. Земля здесь была плодороднее, чем в других местах Голодной степи,[88] и этот уголок привлекал внимание русских крестьян и переселенческой администрации. Учитывая все это, местные власти решили образовать здесь более или менее крупный торгово-промышленный центр. В конце 1913 г. в распоряжение Переселенческого управления было выделено 6000 десятин земли против станции Сыр-Дарьинской.[89] Управление предполагало постепенно обратить вновь образуемый поселок в город с торгово-промышленными и фабрично-заводскими учреждениями.[90] Были отмечены места для про-

кладки широких улиц, бульваров, площадей и скверов. Территория будущего города была даже разделена на участки: торгово-промышленные и фабрично-заводские.[91]

Созданию города благоприятствовали рельеф местности и наличие многочисленных русских поселков. Для такой огромной территории был необходим городской центр.

В отчете военного губернатора Самаркандской области за 1914 г. говорится: «С самого начала заселения Голодной степи обращено было внимание на отсутствие громадной территории, подлежавшей орошению торгово-промышленных центров. Поэтому явилось необходимым выбрать наиболее удобное для образования торгово-промышленного поселка местоположение. Решено было при ст. Сыр-Дарьинской образовать торгово-промышленный поселок, именуемый тогда «Самсонов». Станция Сыр-Дарьинская была выбрана для образования этого поселка благодаря своему центральному месторасположению между северо-восточной и северо-западной частью Голодной степи, а также и потому, что удачное расположение вблизи реки, в здоровой местности наиболее отвечало требованиям устройства такого поселка».[92]

Территория участка Самсонова была разбита на 200 участков. Кроме того, вокруг было отведено 4000 десятин запасных земель, из которых 1500 могли орошаться. Все участки сдавались в аренду на 36 лет. В течение этого срока арендатор мог купить свой участок.[93]

Еще до образования поселка у него уже имелось имя, данное в честь туркестанского генерал-губернатора. Во время работы статистико-экономического отряда в мае—июле 1914 г. поселок еще не существовал. Впервые о нем упоминается в донесении представителя переселенческого комитета в Голодной степи Самаркандскому областному правлению 14 января 1915 г. Согласно донесению, Самсоново входило в состав Саватской волости Ходжентского уезда.[94] Следовательно, время его возникновения — от августа 1914 до начала 1915 г.

Как мы видим, царизм и администрация Туркестанского края, исходя из своих колонизаторских целей, стремились создать в Голодной степи не только поселки, но даже и города с преимущественно русским населением. Несмотря на колонизаторские цели царизма, подобные города играли огромную прогрессивную роль для коренного населения. В новых городах и в русских кварталах старых городов — Ташкента, Самарканда, Коканда, Ура-Тюбе сосредоточивались

культурные учреждения, распространяющие передовые идеи, создавались промышленные предприятия и пр.

Поселок Кривошеино образовался в 1914 г. вблизи урочища Лайлак-Куль Голодной степи и был назван в честь главноуправляющего Управления землеустройства и земледелия, посетившего Туркестанский край в 1912 г., Кривошеина.[95] В том же году поселок был официально утвержден Самаркандским областным управлением как отдельное сельское общество. На первом сельском сходе старостой поселка выбран Павел Константинович Втрюк, а кандидатом — Сергей Тимохин. Вновь образованный поселок был поселком хуторского типа со 138 жителями хуторянами.[96] Впоследствии поселок Кривошеино вошел в состав вновь образованной Спасской волости Ходжентского уезда.[97]

Поселок Славянский, как и Кривошеино, появился в 1914 г. недалеко от станции Сыр-Дарьинской. Сведения о Славянском очень скудны. Согласно протоколу журнала общего присутствия Самаркандского областного управления, поселок рассчитан был на 344 двора. На деле в 1916 г. в нем проживало 124 домохозяйства, Славянский также входил в состав Спасской волости.[98]

В 1914—1916 гг. в Ходжентском уезде был образован ряд новых поселков. В «Известиях водворения и устройства переселенцев Самаркандской области» говорится, что 4 апреля 1915 г. в 5 верстах от станции Сыр-Дарья было образовано селение Самарское, а 5 апреля в 8 верстах от разъезда № 121 — поселок Сари-Тюбинский.[99] В докладной записке специалиста сельского строительства Ямщикова от 15 июня 1916 г. упоминается, что в четвертый технический участок Голодной степи входил поселок Шуруязский.[100] По видимому, он в том же году и возник, так как в отчете военного губернатора Самаркандской области за 1915 г. о нем не упоминается. Пять последних поселков еще находились в первоначальной стадии развития, т. е. еще были накануне обзаведения участками. Поэтому о хозяйственном развитии их имеется очень мало сведений.

Таким образом, в Ходжентском уезде Самаркандской области в общей сложности было 18 русских поселков (если не считать Запорожского, перешедшего в собственность Н. К. Романова). Те поселки, которые образовались в начале XX в. (кроме Ахман-Куля и Сыр-Дарьинского), в основном были законными, а не самовольными. Прежде чем основать какой-нибудь поселок, чиновники Переселенческого управления сперва определяли его место и после этого, раз-

бивая земли на мелкие участки, переселяли туда людей. Крестьяне, поселившиеся в Голодной степи в начале XX в., долго жили в других местностях Средней Азии и были более или менее знакомы с условиями жизни края. Поэтому переселенцы смотрели на местность прежде всего с точки зрения пригодности ее (в условиях Средней Азии) для сельского хозяйства, чего мы не наблюдали в отношении тех переселенцев, которые переселялись в конце XIX в. Это происходило потому, что последние стали заселять степь сразу после прибытия из России.

Таким образом, образование русских поселков в Ходжентском уезде шло главным образом, как и во всей Средней Азии, за счет отчуждения земель местного населения, что говорит о реакционно-грабительском характере колониальной политики царизма на завоеванной им территории. Однако, несмотря на эту реакционную политику, факт образования русских поселков в Голодной степи имел прогрессивное значение. Создавались новые селения, увеличивались площади обрабатываемых земель. В дальнейшем некоторые из этих поселков стали основой новых городов. К числу таких можно отнести станцию Голодная степь, которая при Советской власти переименована в Гулистон и в настоящее время является административным центром Сыр-Дарьинской области Узбекской ССР.

Образование русских поселков по соседству с местными кишлаками дало возможность дехканам познакомиться с жизнью русских крестьян. Этому способствовало и то обстоятельство, что некоторые семейства местного населения непосредственно стали жить во вновь образованных поселках. Например, в 1891 г. в Надеждинском поселке, наряду с русскими переселенцами, жили 2 семейства из местного населения. Первое из них — семейство отставного унтер-офицера Шаги Халикова, а второе — туркмена Мухаммада Раджаба Мухаммадова.[101] Живя бок о бок с русскими переселенцами, местные жители стали интересоваться их бытом и семейными отношениями, а также постепенно начали изучать русский язык.

Русские переселенцы на строительство домов стали приглашать местных мастеров плотников. Так, в 1881 г. строительство школы в Сретенском поселке было сдано подрядчику Толибу Ахмедбаеву, который без заключения какого-либо предварительного условия взялся за это дело.[102]

Станция Голодная степь. Кроме поселков, в Голодной степи было несколько железнодорожных станций, игравших

очень существенную роль в заселении Туркестанского края русскими переселенцами. К ним, в первую очередь, следует отнести станцию Голодная степь. Она появилась после проведения Среднеазиатской железной дороги на участке Самарканд—Ташкент и занимала центральное положение во всей Голодной степи. Исходя из местоположения станции, власти намеревались создать тут поселения городского типа обслуживающие население всей Голодной степи. Здесь был образован большой базар, где русские переселенцы могли сбывать товары. Напротив станции находилось княжеское имение, тоже носившее торговый характер. Там имелся базар с 97 лавками и 25 чайханами. Здесь были мясные, харчевни, колбасные, мучные, керосиновые лавки, лесной и угольный склады.[103] При станции Голодная степь имелась и аптека, что было новым в этих краях. Услугами аптеки пользовались и коренные жители. Лечение больных полноценными лекарствами в дальнейшем подорвало влияние знахарей. Большую пользу принесло и появление керосина: керосиновые лампы начали вытеснять масляные чираги-коптилки, вредные для здоровья людей.

На так называемом княжеском базаре русские крестьяне сходились с коренным населением, общаясь между собой, ближе узнавали друг друга, учились языку и пр.

Знакомство дехкан с бытом русского крестьянина весьма положительно сказывалось на их собственном.

Станция Черняево. Другой более или менее крупной станцией на Среднеазиатской железной дороге была станция Черняево—узловой пункт, соединивший Ташкент и Самарканд с Ферганской долиной. Неподалеку, в 40 км к северу от Ура-Тюбе, находился железнодорожный поселок Черняево. Станция была образована в 1898 г., когда прокладывалась железная дорога на участке Ташкент—Андижан—Маргелан. Ближайшие к ней земли были разделены на участки, которые продавались крестьянам и железнодорожным рабочим. Участки, далекие от станции, давались нижним и запасным чинам.

Вскоре выяснилось, что орошение земель селения Черняево, расположенного на возвышенности, исключено. Из-за нехватки воды часть жителей вынуждена была покинуть эти места. Оставленные ими участки передавались в казну и превращались в свободные государственные земли, при этом деньги бывшим хозяевам не возвращались.

Местное Управление земледелия и государственных имуществ стало вторично продавать эти участки. Это вызвало

недовольство переселенцев и в 1912 г. они обратились к самаркандскому военному губернатору с просьбой закрепить за ними землю, приобретенную в 1904 г. Они потребовали также оросить землю за счет денег, полученных у жителей селения во время земельных торгов, что было обещано еще в 1898 г.

Хотя в Черняево в 1914 г. насчитывалось 100 дворов,[104] оно развивалось очень плохо. Селение не могло стать земледельческим, во-первых, из-за нехватки воды (попытки орошения каризным способом из ближайшей горной местности за Ура-Тюбе) не увенчались успехом, во-вторых, потому, что 70% его жителей составляли рабочие-железнодорожники.

Станция и слобода Черняево, как и станция Голодная степь, играли в жизни коренного населения очень большую роль. При станции еще в 1900 г. открылся приемный покой на 10 коек; здесь имелись мастерские и депо, где работали 95 рабочих. Железнодорожные рабочие сыграли большую роль в победе Советской власти в Средней Азии.

Имелось здесь и нефтехранилище, рассчитанное на 50 000 пудов нефти.[105] Эта станция имела не земледельческий характер, как уже было сказано, а коммерческий. Только в одном 1900 г. сюда прибыло 12 329 пассажиров, а уехало — 2930. Грузов прибыло 89 930 пудов, отправлено — 332 919 (из них пшеницы — 134 934, изюма — 96 286, сушеных фруктов — 10 719).[106]

Таким образом, железнодорожное строительство имело громадное значение для развития производительных сил Средней Азии, в том числе и Ходжентского уезда. Оно ликвидировало хозяйственную замкнутость отдельных районов Средней Азии, увеличило вывоз сельскохозяйственных продуктов и ввоз промышленных и ремесленных изделий.

3. УПРАВЛЕНИЕ ПОСЕЛКАМИ

Первоначально русские поселки входили в состав Ура-Тюбинского участка. В 1895 г. в состав участка входили Надеждинский, Романовский и Николаевский, а в 1897 г. еще два—Обетованный и Верхне-Волынский поселки.[107] Только один Сретенский поселок входил в состав Уральской волости Ходжентского уезда. Согласно правилам устройства и образования поселков, сельским обществом считалось не менее десяти домохозяйств. В статье 116 «Положения об управлении Туркестанским краем» говорится: «Каждое селение, заселенное русскими и лицами, принадлежащими к ту-

земному населению, образует отдельное сельское общество».[108]

До образования волостей, сельская администрация подчинялась уездному начальнику. Но поскольку в Голодной степи Ходжентского уезда было самовольно образовано несколько русских поселков, 14 сентября 1889 г. актом особой комиссии они были переданы в ведение администрации Управления земледелия и государственных имуществ Туркестанского края. Для соблюдения порядка и проведения государственных мероприятий в каждом новообразованном сельском обществе избирался сроком на три года сельский староста (из лиц не моложе 25 лет) и его помощник. Выборы происходили на сельском сходе. Во время отсутствия или болезни старосты его обязанности выполнял помощник. В функции старосты входили созыв частых сходов для выполнения общественных работ, выбор уполномоченных на волостных съездах, присутствие на сходах (причем тут он мог только наблюдать за порядком выборов, но вмешиваться в их ход не имел права), сбор с населения всех податей и повинностей, выдача квитанций на получение денег, наблюдение за общественным порядком, представление собранных сумм в казначейство и пр.

Для ведения всех дел в поселках в 1899 г. был назначен участковый пристав с местонахождением на станции Черняево. Первым русским участковым приставом был назначен поручик 17-го Туркестанского линейного батальона Голов.[109] Саватский участковый пристав передал ему все дела, касающиеся поселков. Новый пристав был обязан следить за правильностью сельских сходов и выборами сельских старост без права вмешиваться в их ход, тем не менее каждый пристав старался влиять на ход выборов и проталкивать на должность старосты того кандидата, который его устраивал. Один из приставов даже просил военного губернатора Самаркандской области, вопреки 116-й статье «Положения», разрешить ему назначить старосту, упразднив выборы на сельском сходе. В 1891 г. исполняющий обязанности участкового пристава в Ура-Тюбе выступил против кандидатуры старосты, выдвинутой жителям поселка Надеждинского, мотивировав это тем, что из 17 семей, имеющих право участвовать в сходе, большую часть представляли лица «плохого качества», которые якобы не имели права выбирать или быть избранными. Кандидата же в старосты Марка Боева пристав обвинил в самоуправстве.[110] Но отвод не был принят, и старостой все же стал Боев.

В действительности же самоуправствовали представители власти. В нарушение правил, выборы сельских старост устраивались не через три года, а ежегодно, а то и чаще. Так упомянутого Марка Боева вскоре сменил Георгий Оленников. А через год были устроены новые выборы, на которых, по настоянию участкового пристава, старостой «избрали» Моисея Дуденко, которого губернатор не утвердил, так как на новые выборы не было официального разрешения. Очевидно, тут не обошлось без взятки, так как участковый пристав вряд ли в один и тот же год стал бы три раза возобновлять выборы и каждый раз представлять новую кандидатуру. Это могло случиться и потому, что в большинстве случаев на сельских сходах присутствовало малое число населения. «Приговоры, — пишет К. К. Пален, — сельских сходов в большинстве случаев составляются незначительным числом сходчиков».[111] Используя такой момент, участковый пристав старался направить их содержание в свою пользу.

Эти примеры говорят о том, что закон о выборе старост был чистой формальностью и администрация выдвигала и назначала угодных ей кандидатов. Правительство стремилось направить развитие поселков в нужное ему русло и держать переселенцев в поле зрения должностных лиц, ответственных за политику правительства в Средней Азии вообще и по отношению к переселенцам, в частности.

Такое положение дел привело к различным беспорядкам. «Общественное управление, — писал сенатор К. К. Пален, — в русских поселках совершенно не устроено, и контроля над сельским управлением почти никакого нет».[112] Сельские писари часто почти совсем были неграмотными. Иногда обязанности сельского старосты выполнял сам участковый пристав.

В некоторых поселках сельский сход становился источником грабежа новых переселенцев со стороны зажиточных старожилов. Так получилось, например, в Надеждинском. Там «был составлен приговор о том, чтобы с новоселов, желающих получить приемный приговор, взыскать деньги. Приговор этот исполняется так: с одного взыскали 27 рублей 75 коп., с другого больше, а с некоторых меньше».[113]

В наиболее крупных поселках существовали и должности полицейских. На этот пост выбирали трех человек из данного сельского общества, независимо от их местожительства. Иногда выбор падал на тех, кто жил в Ходженте или Ташкенте. После выбора, если они отказывались, их вызывали административным путем.[114]

В статье 116 «Положения» указывается, что с развитием колонизации в русских селениях можно образовывать волости. Причем они могут быть созданы из нескольких поселков, связанных между собой, или из одного отдельно взятого. В связи с этим в 1914 г. был поднят вопрос об образовании волостей в русских поселках Ходжентского уезда.

В журнале общего присутствия Самаркандского областного правления от 24 октября 1914 г. говорится: «Конъюнктура общественной жизни и задача общественно-административного управления в существующих русских поселках (Ходжентского уезда. — *Н. К.*) за последнее время усложнились настолько, что введение в голодностепском районе волостного управления стало неотложною необходимостью».[115] Количественный рост русских поселков, появление в связи с этим многочисленных хозяйственных споров между отдельными переселенцами усложняли деятельность заведующего водворением переселенцев — крестьянского начальника. Судебная функция последнего заключалась в решении споров мелкого характера, а крупные хозяйственные споры мог решать только мировой судья Ура-Тюбинского участка. Жители не могли каждый раз обращаться к нему из-за дальности расстояния.

Следовательно, надо было ввести должность волостного судьи, образовав волости. Волостные управители могли бы за счет переселенцев строить для них лечебницы, училища, ветеринарные пункты.

Вопрос об организации волостей еще в 1896 г. поднимал чиновник по сельскохозяйственной и оброчной части, агроном Позняков.[116] Но тогда из-за экономической несостоятельности поселков этот вопрос был оставлен без внимания. Теперь он решался положительно. В Ходжентском уезде образовались три волости: две в Голодной степи и одна в Дальверзине. Структура была такова: 1) Сретенская волость с центром в поселке Сретенском, 2) Спасская волость в центром в поселке Спасском, она состояла из поселков Спасского, Велико-Алексеевского, Кривошеино, Славянского и Самсоново; 3) Надеждинская волость с центром в поселке Надеждинском, в нее входили и поселки Надеждинский, Романовский, Конногвардейский, Николаевский, Обетованный, Верхне-Волынский, Нижне-Волынский и Ахман-Кульский. В каждой волости были избраны волостной старшина и кандидаты к нему.[117] Образование волостей увеличило управленческие штаты в русских поселках, а вместе с ним увеличило расходы на содержание волостных управителей и волост-

ных судей. Расходы на этих должностных лиц должны были нести русские переселенцы. В Сретенском поселке крестьяне ежегодно должны были платить каждому из двух волостных судей по 90 руб. С крестьян Спасской волости с каждого двора взимали по 2 руб. 40 коп., а с крестьян Надеждинской волости — по 3 руб.[118]

Расширение управленческого аппарата, с одной стороны, тяжело отразилось на положении крестьян, с другой, оно еще более бюрократизировало аппарат управления в русских волостях Ходжентского уезда.

Глава III

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ РУССКИХ ПОСЕЛКОВ

1. СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

По своему социальному происхождению русские крестьяне, переселенцы в Туркестанский край вообще и в Ходжентский уезд в частности, еще на местах выхода были в основном бедняками и середняками. Часть из них стояла между бедняками и середняками. В. И. Ленин в своей работе «Аграрный вопрос в России в конце XIX века» разделил русских крестьян центральных областей империи на следующие группы по земельным наделам; 1) бедные крестьяне, земельные владения которых составляли до 15 десятин; 2) среднее крестьянство — от 15 до 20; 3) зажиточное крестьянство (крестьянская буржуазия) — от 20 до 500 и, наконец, владельцы крепостнических латифундий — свыше 500 десятин.[1] В своей известной работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин к середняцкой группе относит тех крестьян, которые имели в среднем по 16,4 десятины земли.[2]

Что представляло собой хозяйство крестьян до переселения в Туркестанский край и к какой группе они относились? По данным материалов обследования переселенческих хозяйств, основная масса крестьянства на родине в своем хозяйстве имела по 1—5 десятин земли. Незначительный процент приходится на долю тех, кто обладал землей в размере 5—10 десятин.

По материалам обследования, произведенного в 1907 г., в трех поселках Ташкентского уезда группа дворов, имевших на родине до 1 десятины, составляла 7%, от 1 до 3 десятин — 28%, от 3 до 5 — 16,7%, от 5 до 10 — 26,2%, от 10 до 15 — 9,7% и, наконец, от 15 и более — 11%.[3] Следовательно, большинство (77,9%) составляли крестьяне, которые имели на родине по 1—10 десятин земли, тогда как на долю крестьян, владеющих 10—15 десятинами и более, приходилось 20,7%. Остальные 1,4%, по-видимому, принадлежали к сельскому пролетариату.

Такое соотношение мы видим и по другим уездам Туркестанского края. Так, по материалам обследования, произведенного в 1909 г. под руководством П. В. Скрыплева в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области, переселенцы, засевающие на родине до 1 десятины, составляли 3,4% (из общего числа жителей поселков названного уезда), от 1 до 3 — 26,01%, от 3 до 5 — 18,58%, от 5 до 10—19,19%, от 10 до 15 — 5,42% и, наконец, более 15—6,19%.[4] И тут на долю имеющих от 1 до 10 десятин земли приходилось 68,18%, а на тех крестьян, которые имели по 10—15 и более десятин, — 11,61%.

По данным П. Н. Шаровой, в 116 русских поселках, образованных только в 1906—1909 гг. в Туркестанском крае, более 50% переселенцев до своего переселения имели наделы земли от 2 до 5 десятин.[5] Такие же данные приведены и в работе П. Г. Галузо.[6]

Наконец, в поселке Велико-Алексеевском, который был образован в 1913 г. непосредственно на территории Ходжентского уезда, поселились крестьяне, из которых 12% до своего переселения имели наделы до 1 десятины, 35% — от 1 до 3, 16% — от 3 до 5, 13% — от 5 до 10, 3% — от 10 до 15, 8% — свыше 15, о 13% крестьян сведения отсутствуют.[7]

Следовательно, около 80% переселенцев относились к бедняцкой группе.

Что касается остальных поселков, то о них можно судить по отдельным косвенным фактам общего характера.

В отчете военного губернатора Самаркандской области за 1892 г. указывается, что из числа 2044 переселенцев Ходжентского уезда дворян было 3, мещан — 23, крестьян — 1117, казаков — 647, отставных и запасных нижних чинов — 254.[8] Следовательно, более половины, т. е. 54,6%, составляли крестьяне. В 1895 г. из числа 1276 человек обоего пола[9] в 4 поселках (Николаевском, Надеждинском, Романовском и Сретенском) уезда дворяне составляли 7, духовенство — 4, мещане — 69, льготные казаки — 65, крестьяне — 976, отставные и запасные нижние чины — 155 человек. Следовательно, большинство переселенцев 4 названных поселков были крестьяне — 76,4% от общего числа населения. В 1900 г. в 8 селениях Ходжентского уезда духовенство составляло — 5, мещане — 80, крестьяне — 1614, отставные и запасные нижние чины —112, уральские казаки — 66, узбеки (в Николаевском поселке) — 14 человек. Всего 1891 человек обоего пола. Более 85,3% переселенцев составляли кре-

стьяне[10] (здесь нет сведений о дворянах). Наконец, данные 1909 г. показывают, что в 9 русских поселках жило 4398 человек обоего пола.[11] Из них крестьян 4350, мещан — 17, духовенства и дворян — 29, других сословий — 2. Как видно, 98,8% переселенцев составляли крестьяне.

В этих обзорах сведения о крестьянах даны вообще, и поэтому невозможно разделить их по категориям. Тем не менее, основываясь на приведенных данных по другим уездам края и Велико-Алексеевскому поселку, можно предполагать, что в других поселках Ходжентского уезда селились в основном бедняцкие и середняцкие слои крестьянства. Переселение же зажиточных шло в очень незначительном количестве, в некоторых поселках их не было совсем. Это подтверждают высказывания С. А. Раджабова, который писал, что в Средней Азии «имелась значительная прослойка середняков и бедняков».[12] Однако, правильно решая вопрос о категориях переселявшихся в Среднюю Азию крестьян, С. А. Раджабов к вопросу о причинах переселенческой политики в Среднюю Азию подошел иначе. Он пишет: «Царское правительство в переселенческой политике исходило из военно-стратегических соображений. Оно боялось всевозможных волнений и восстаний со стороны местного населения и в связи с этим позаботилось о создании себе социальной опоры в лице русского кулачества».[13] Однако факты говорят о другом. Известно положение В. И. Ленина о том, что «колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны».[14] Поэтому основную причину переселенческой политики царизма надо искать внутри самой империи, а не на ее окраинах. Определяющим фактором в переселенческой политике самодержавия являлось «решение» аграрной проблемы. На наш взгляд, в другой своей работе С. А. Раджабов совершенно правильно говорит о том, что царизм переселением крестьян преследовал две цели: разрядку революционной обстановки в России и создание социальной опоры на окраинах для проведения колониальной политики.[15]

Что касается создания кулацкой прослойки, которая могла служить опорой царизму на территории края, то создание ее происходило не путем искусственного переселения кулаков в колонию, а путем поднятия экономики отдельных крестьян-переселенцев при помощи крупных ссуд, выделения им крупных земельных наделов. Такие мероприятия привели к тому, что отдельные русские переселенцы укрепили свое хозяйство и постепенно стали в положение кулаков.

Однако не все переселенцы стали эксплуататорами, как утверждают некоторые авторы.[16] Выше отмечено, что часть крестьян-переселенцев при помощи государственных льгот подняла свои хозяйства в экономическом отношении до уровня кулацких. Основная же масса крестьянства жила по-прежнему в нужде и нищете. Разложение, которое происходило еще на родине, на новых местах жительства стало усиливаться. Касаясь данного вопроса, В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» писал: «...Переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)».[17] Это положение В. И. Ленина относится и к переселенцам Средней Азии. Здесь также появилась прослойка кулаков-эксплуататоров типа Бондаренко в Велико-Алексеевском поселке, которые эксплуатировали не только дехкан, но и своих односельчан.

2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗЕМЛЕЙ И ВОДОЙ

Земельные отношения в русских поселках Ходжентского уезда были урегулированы не сразу. Дело в том, что не все поселки считались «законными», т. е. устроенными при помощи администрации края. К законно устроенным относились только Сретенский, Спасский и Велико-Алексеевский, остальные же считались самовольными. Правительство главное свое внимание направило на благоустройство законно устроенных поселков. Характерен тот факт, что чиновники особых поручений, прибывая в край, занимались только изучением устроенных поселков, а о самовольных упоминали как о существующих, и ничего больше. Такое положение дел не могло не отразиться на благоустройстве последних. Большинство из них первое время существования были брошены на произвол судьбы, земля им была отведена на глаз. Не были определены точные границы земельных наделов. Одним поселкам земля доставалась в размерах выше указанной законом нормы, а другим — значительно ниже. Были и такие крестьяне, которые вовсе не имели земельного надела. Впоследствии этот пробел постепенно был восполнен. По данным сенаторской ревизии графа Палена, мы знаем, что русским переселенцам названного уезда за норму надела приняли от 12 до 15 десятин в среднем.[18] Наиболее обеспеченными орошаемой землей были жители Сретенского поселка, наделенные землей по 15,5 десятины. В Рома-

новском и Конногвардейском поселках крестьянам дано по 12 десятин.

В начале 1912 г. была организована специальная комиссия по обследованию русских поселков Голодной степи. Она должна была определить твердую норму земельного надела переселенческих хозяйств Голодной степи. Объектом обследования стал поселок Спасский, как наиболее обеспеченный водой.

Результаты обследования доложены в записке «Об отводе русским переселенцам участков казенной земли в Голодной степи Самаркандской области» от 3 февраля 1913 г.[19] Комиссия, подсчитывая доходы и расходы переселенцев, отмечала, что при 8 десятинах земли валовый доход переселенцев составлял около 1310 руб.[20], а хозяйственные расходы определялись в следующих цифрах: расходы по полеводству — 347 руб., по скотоводству — 300 руб., на ремонт инвентаря и амортизацию — 140 руб., итого 787 руб. Таким образом, чистый доход каждого хозяйства, имеющего 8 десятин орошаемой земли, выразился в сумме 523 руб., т. е. на каждую десятину приходилось немногим более 65 руб.[21] Исходя из этого, «Записка» требовала, чтобы переселенцам Голодной степи определили норму по 8 десятин орошаемой земли.[22]

Однако и эта норма не считалась твердо установленной. Окончательные нормы надела могли быть установлены после завершения работ на Романовском канале. Законом от 21 июня 1914 г. переселенцам выделяли по 8—10 десятин земли на каждый двор.

Наряду с поселками с твердо установленной нормой наделов, существовали и такие, которые вплоть до 1916 г. не имели постоянного законного надела. Это Нижне-Волынский, Верхне-Волынский, Ахман-Кульский, Сыр-Дарьинский поселки. Что касается Обетованного, то жители его имели всего по 2,9 десятины орошаемой земли.[23]

Исключение составляло духовенство, представители которого иногда выполняли обязанности директоров приходских училищ. Сельским учителям и священникам выделяли по 20 десятин земли. В своем рапорте от 15 декабря 1907 г. в адрес Самаркандского областного правления ходжентский уездный начальник писал, что «чем лучше будут обеспечены материально эти лица (сельские учителя и священники. — *Н. К.*), являющиеся представителями интеллигенции в русских селениях, тем лучше людей возможно будет привлечь на службу в русские селения в качестве священников, псаломщиков и учителей».[24]

Как видно, чиновники Туркестанского края большое внимание уделяли представителям духовенства. Именно эти священники впоследствии могли стать опорой царизма и проводниками его политики во вновь завоеванном крае, включая и Ходжентский уезд.

Русские поселки Ходжентского уезда были устроены подворно, что соответствовало временным правилам о переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев. Согласно этим правилам, казенные земли предоставлялись переселенцам в общинное или подворное пользование. Выбор порядка пользования и выполнение его возлагались на сельский сход каждого вновь образованного сельского общества.[25]

Однако начиная с 1913 г. в Голодной степи применялась политика хуторского и отрубного хозяйства. До образования сельского общества Переселенческое управление землю под будущие поселки разбивало на отдельные участки, после чего переселяло крестьян на заранее подготовленные места. Первым поселком, который был отведен под хуторское и отрубное хозяйство в Ходжентском уезде, был Великo-Алексеевский. Затем каждый вновь образованный поселок был организован по типу хуторского и отрубного хозяйства.

Другим жизненно важным вопросом в хозяйстве русских поселков было водопользование. Он в то же время был одним из самых болезненных вопросов в жизни русских поселенцев Голодной степи. Выше было сказано, что проведение оросительной сети, связывающей магистральный канал с наделами земледельцев, шло очень медленно.

Поэтому проведением главного канала проблема водопользования русских поселков окончательно не была разрешена. Первым поселком, получившим воду в Голодной степи, был Романовский, который в 1897 г., получал ее через Арык царевны. Сретенский поселок с самого начала был обеспечен водой, так как образован на базе давно существующего местного арыка Дальверзин.

Государство не брало на себя обязанности проведения мелких арыков, прокладка их всегда возлагалась на самих переселенцев. Такое положение дел не могло тяжело не отразиться на их хозяйстве. Из-за неимения достаточных средств они не могли своевременно и качественно завершить оросительные работы, в силу чего долго оставались без воды. Но экономическая нужда заставляла переселенцев по мере возможности копить средства и проводить оросительные арыки. Из-за недостатка средств крестьяне часто

обращались за помощью к властям. Так, 29 октября 1907 г. заведующий переселенческим делом сообщал в Самаркандское областное правление: «В текущем году крестьяне названного поселка (Надеждинского. — *Н. К.*) обратились ко мне с просьбой об исходатайствовании им для продолжения сказанных работ (проведения мелкой сети. — *Н. К.*) дополнительной ссуды 3000 рублей».[26] Просьбы крестьян часто оставались без внимания или разрешались не в пользу их. Некоторым из них прямо отказывали, а другим под тем или иным предлогом задерживали выдачу ссуды.

Неточности границ земельных наделов приводили к спорам и недоразумениям между отдельными крестьянами и даже между целыми поселками, что сказывалось и на орошении.

30 января 1912 г. на совещании при Туркестанском управлении земледелия и государственных имуществ был обсужден вопрос водопользования из канала Николая I. На совещании председательствовал начальник управления Л. В. Успенский. Было отмечено, что до окончательного проведения мелких арыков на землях имения князя и вновь образованных поселков вдоль железной дороги излишнюю воду можно пропустить желающим хозяйствам с выплатой арендной платы в размере 1/10 валовой доходности посевов. Участники совещания высказались, что за «убытки, могущие произойти от недостатка воды от проведения проектируемых каналов через земли засеянные, а равно и от всех других причин, Управление земледелия никакой ответственности на себя не принимает».[27] Следовательно, ущерб, наносимый крестьянам во время проведения оросительных работ, оно на себя не брало.

Безответственный подход Управления земледелия привел к тому, что все мелкие оросительные сети были заброшены, вследствие чего утратили свое прямое назначение.

Упомянутое выше совещание приняло решение определить количество воды по числу дворов, причем за основу были взяты данные, относящиеся к 1 января 1900 г., согласно которым в 7 поселках уезда проживало 270 семейств, из них в Николаевском — 43, в Конногвардейском — 21, в Романовском — 50, в Надеждинском — 62, в Обетованном — 21, в Верхне-Волынском — 45 и в Нижне-Волынском — 18. Решено было на каждый двор выделить в среднем 11,54 десятины орошаемой земли, что составляло в общем 3000 десятин. Из них в Николаевском — 715,5, в Обетованном — 242,5, в Верхне-Волынском — 519 и в Нижне-Волынском — 208 десятин.[28]

Во время составления этой нормы не приняли во внимание изменения, которые произошли в течение 12 лет. Между тем за это время в каждом поселке число хозяйств увеличилось за счет естественного прироста населения и земли на каждое из них приходилось значительно меньше нормы. Естественно, это привело к различным жалобам и недовольствам. Крестьяне стали просить Областное управление об увеличении земельных наделов для всех хозяйств. Жалобы касались и водопользования. 15 июня 1912 г. по приказанию военного губернатора Самаркандской области была образована комиссия по вопросу водопользования из канала Николая I. Председателем комиссии был назначен Ходжентский уездный начальник подполковник П. П. Иванов. Побывав на местах и разобрав жалобы крестьян, члены комиссии пришли к решению за плату увеличить норму воды до 66,35 куб. фунтов для четырех поселков, что даст возможность дополнительно оросить 1988 десятин земли, из них в Николаевском — 194, в Конногвардейском — 157, в Романовском — 953 и в Надеждинском — 684 десятины.[29] Следовательно, вновь образованные хозяйства в этих поселках могли пользоваться водой только за плату. Что касается поселков Верхне-Волынского и Нижне-Волынского, то они не могли пользоваться водой из канала Николая I по причине отдаленности от него на 42 версты.

Недостатком водопользования было и то, что вода распределялась по старому обычаю местного населения. Статья 256 «Положения об управлении Туркестанским краем» утверждала местное право водопользования, дав ему силу закона. С другой стороны, правительство стремилось к подчинению этих прав администрации края. В статье 107 того же «Положения» говорится: «Заведывание главными оросительными каналами (арыками) возлагается на арык-аксакалов, а заведывание побочными арыками — на мирабов. Арык-аксакалы назначаются военным губернатором, который определяет им размер содержания из общественных сумм не выше содержания волостного управителя, а мирабы — по избранию сельских сходов».[30] Следовательно, арык-аксакалы, которые заведовали главными каналами, назначались генерал-губернаторами и зависели от него. Такой порядок привел к некоторым затруднениям и недоразумениям, особенно когда одним и тем же арыком пользовались и переселенцы, и местное население.

Из числа русских поселков Ходжентского уезда Сретенский пользовался местным арыком. Поэтому водопользова-

ние его, в отличие от других поселков Голодной степи, где переселенцы пользовались водой от казенного оросительного сооружения, было связано с арычной системой местного населения со всеми его правилами, выработанными на протяжении сотен лет.

Наделы сретенцев орошались не одним, а пятью арыками Дальверзинского канала: Бакчи-Хас, Хас-Яс, Катта-Токачи, Кал и Парча-Юз.[31] Этими же арыками пользовались местные дехкане. Поэтому между переселенцами и дехканами происходили частые споры, особенно они усиливались в годы спада воды, когда ее недоставало для орошения полей. Очистка арыков возлагалась и на русских крестьян, и на местное население. В исправном состоянии они содержались не всегда. На отдельных участках из-за их неисправности крестьяне не могли в достаточной мере обеспечить свои наделы водой, тогда как на некоторых других в результате разлива вода уходила бесцельно в степь, образуя там болота и превращая местность в источник различных болезней. Поэтому для своевременной очистки каналов были приняты крутые меры вплоть до лишения ссуды тех, кто не выходил на эти работы. Об очистке арыков в письме военного губернатора Самаркандской области от 6 ноября 1893 г. начальнику Ходжентского уезда было сказано: «Для указания работы будет командирован инженер (инженер Петровский, заведовавший ирригацией. — *Н. К.*), а для учета рабочих и наблюдения за работами имеете право назначать лица по своему усмотрению, причем прошу объявить жителям Сретенского поселка, что по приказанию г. туркестанского генерал-губернатора пособие мукой будет выдаваться лишь работающим на арыке».[32]

Работы по очистке арыков затягивались часто по той причине, что руководящие лица не всегда прибывали в срок. Иногда рабочие сутками ждали прибытия инженера на место назначения. Староста Сретенского поселка в своем донесении ходжентскому уездному начальнику от 7 марта 1894 г. сообщал: «...Рабочие пробыли на голове арыка двое суток, возвратились в поселок, так как к назначенному арык-аксакалом сроку инженер Петровский не прибыл на голову арыка. Теперь же инженер Петровский вторично требует рабочих для упомянутой выше работы. Крестьяне не отказываются от этой работы, но не выходят потому, что не имеют дневного пропитания и голодные не в силах выйти на арык. А потому прошу Ваше высокое благородие, не признаете ли возможным выдать крестьянам ссуду мукой, так как крестьяне действительно терпят в данное время го-

лод».[33] Ожидая прибытия инженера на голове арыка Дальверзин, крестьяне, очевидно, истратили свои запасы питания и вынуждены были возвратиться в поселок.

После очистки арыка Дальверзин крестьяне по-прежнему нуждались в воде. Об этом мы узнаем из многочисленных жалоб, поданных начальнику уезда. 23 апреля 1894 г. и. д ходжентского уездного начальника подполковник Глушанский прибыл на голову арыка Дальверзин для определения причин недостатка воды. Оказалось, что инженер Петровский в совершенстве не знал ирригации, канал был запущен, не расчищался и поэтому после водосливных работ не только не мог оросить поля, но даже не мог удовлетворить запросы рабочих, собранных для уничтожения саранчи, в питьевой воде.[34] Подобное положение угрожало посевам крестьян, ибо в самый разгар полива воды не было.

В документе говорится: «Вследствие же наступления жары в настоящее время ощущается постоянная потребность воды для полива посевов, и если таковые поливы не будут произведены теперь же, то посевы могут сильно пострадать, не говоря уже о том, что из-за недостатка воды нельзя приступить к посеву хлопчатника, джугары, маша, проса и других культур, несмотря на то, что количество посевов нынешнего года значительно менее количества засеваемых земель прежних лет. Так, например, в Сретенском поселке засеваемость прежде была более 400 десятин, в настоящем же году — около 200 десятин».[35]

Как мы видим, в результате безответственности областного правления ирригационные работы были доверены лицам, не имеющим ни малейшего понятия об ирригации, их действия привели не к улучшению оросительных систем, а к их порче.

Кроме того, мирабы, используя свои права и привилегированное положение, допускали произвол. Они по своему усмотрению отпускали воду на отдельные участки, обеспечивая их водой более чем достаточно, а другие лишали даже нормы.

Для пользования водой была установлена очередность, и некоторым поселкам приходилось ждать от 20 до 40 дней. Это объяснялось неисправностью мелких арыков. Ежегодный ремонт каналов также стал причиной недостатка полива, так как ремонты иногда происходили в самый разгар полевых работ.

В некоторых поселках не были построены водосбросы. Излишняя вода образовывала болота, пагубно действующие на посевы и являющиеся очагами болезней.

После проведения каналов в Голодной степи действие подпочвенных вод стало активнее и гибель посевов от засоления еще более участилась.

Как мы видим, вопросы водопользования и земельного устройства русских поселков в Голодной степи не были окончательно разрешены. Земельные наделы выделялись крестьянам не в одинаковом размере. Некоторые из поселков были образованы на основе хуторского и отрубного типа хозяйства, что было связано с завершением работ на Романовском оросительном канале (образование Велико-Алексеевского поселка). Поселки, образовавшиеся до 1913 г., были устроены подворно. Следовательно, в Ходжентском уезде существовали хозяйства подворного, хуторского и отрубного типа. Арыки систематически находились в неисправном виде, что усиливало нехватку воды, вызывало ссоры между местным крестьянством и русскими переселенцами. Кроме того, русские крестьяне не только не выполняли приказаний вышестоящих органов, но даже прибегали к самовольному захвату воды. В результате между властями и переселенцами происходили столкновения, доходившие до оружия. Существующий порядок использования воды служил отдельным лицам источником наживы и богатства.

Все это свидетельствует о гнилости и бюрократизме системы управления царизма на вновь освоенных землях.

3. ТЕКУЧЕСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ХОДЖЕНТСКОМ УЕЗДЕ

Состав переселенцев в русских поселках Ходжентского уезда был непостоянным. В одних поселках жители менялись быстро, в других этот процесс шел более медленно. Были и такие поселки, в которых состав жителей со времени их образования почти не изменился, т. е. они обосновались прочно, например, Конногвардейский. Постоянная смена переселенцев происходила во всей Голодной степи, что затрудняло выяснение их количества.

Причины текучести переселенцев в русских поселках заключались в их экономическом положении, которое в Голодной степи существенно отличалось от такового в других областях Средней Азии. Например, в Ферганской области крестьяне имели до некоторой степени возможность заниматься богарным земледелием, что оказалось почти неприемлемым для Голодной степи.

Причиной бегства крестьян явились плохие условия жизни и труда. Медицинская помощь почти отсутствовала.

Смертность была велика. В телеграмме самаркандского военного губернатора туркестанскому генерал-губернатору 1898 г. говорится, что в поселке Запорожском 41 семейство находится под открытым небом, многим переселенцам не хватает одежды и пищи. Большинство из них болеют разными болезнями, многие из больных погибают от малярии (50%) и желудочно-кишечных заболеваний (5%), так как истощенные организмы сразу им поддаются. Большая часть больных доставлена в г. Самарканд, но им требуется пища. Поэтому военный губернатор просил разрешения генерал-губернатора на 1000 руб. кредита для нужд запорожцев.[36] Это был не единственный критический момент в жизни поселян Ходжентского уезда.

Нужда и голод заставляли их неоднократно подавать прошения на имя военных губернаторов и генерал-губернатора о помощи.

В обращении романовских поселенцев к военному губернатору Сыр-Дарьинской области от 21 декабря 1887 г. говорится: «...Теперь мы остались на долгую зиму в Романовском выселке без гроша и без куска насущного хлеба». В ответ военный губернатор Гродеков наложил резолюцию следующего содержания: «Оставить без последствий».[37] Крестьяне-переселенцы и в последующие годы продолжали просьбы о помощи. В сентябре 1900 г. они обратились к начальнику Самаркандского отделения Управления земледелия и государственных имуществ о выдаче им ссуды на озимые посевы.[38] Еще раньше, в апреле 1900 г., они обратились к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой о нарезке им надела и ассигновании ссуд на приобретение семян для полей.[39] Такое же письмо было подано на имя ходжентского уездного начальника 3 мая 1900 г.[40] Как мы видим, в течение только одного года крестьяне четыре раза подавали прошения представителям правительства. Зная, что просьбы часто остаются без внимания, крестьяне подали свои прошения сразу нескольким должностным лицам. Но им было отказано во всем. Отклонения мотивировались тем, что ссуды даются только крестьянам, которые были причислены к поселкам, а большинство жителей Романовского не причислены к нему.

Такие же отказы поступали и на просьбы крестьян других поселков Ходжентского уезда.

22 августа 1901 г. Совет генерал-губернатора, обсуждая рапорт военного губернатора Самаркандской области по вопросу о выдаче ссуды переселенцам Николаевского поселка,

наложил резолюцию следующего содержания. «Определив, ходатайство о выдаче ссуды переселенцам Николаевского поселка Ходжентского уезда оставить без удовлетворения, так как по установившемуся порядку ссуды переселенцам края могут быть выдаваемы лишь по причислении их к поселкам, между тем как из 16 переселенцев Николаевского поселка, подававших в августе месяце 1900 года прошения о выдаче им под круговую поруку ссуды в 500 рублей, причислено в настоящее время к названному поселку только 3».[41] Здесь обращает на себя внимание тот факт, что рассмотрение прошения крестьян на Совéте генерал-губернатора происходило через год после подачи его, что свидетельствует о хладнокровном отношении властей к нуждам крестьян.

Часто такие прошения оставались без внимания. Поэтому переселенцы вынуждены были покидать свои места и искать новые участки, пригодные для земледелия. Нищета и нужда стали главной причиной перекочевки переселенцев-крестьян с одного места на другое. Смена переселенцев происходила так часто, что члену сенатской ревизии графу Палену не удалось установить состав населения и место выхода крестьян-переселенцев Надеждинского, Обетованного, Верхне-Волынского и Нижне-Волынского поселков.

Из переселенцев, которые прибывали в Ходжентский уезд, не все сразу попали в него непосредственно из центральных областей России, часть из них приезжала сюда после странствований по Сибири, Семиреченской области, Закавказью. Части из них приходилось бродить по разным местам по пять, шесть, а иногда и по пятнадцать лет, пока находили они себе подходящее для занятия сельским хозяйством место. Некоторые находили себе работу, а другие, не находя ее, нищенствовали.

4. ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Устраивая жизнь на новом месте, переселенцы должны были строить жилые дома, обрабатывать пашню и позаботиться о пропитании семьи до нового урожая. Многие из них первое время жили в шалашах и землянках.

Первые жилые постройки сооружались на скорую руку, без фундамента, из кирпича-сырца. Строительные материалы, кроме сырцовых кирпичей, привозились из г. Ура-Тюбе, от которого ближайший поселок находился в 45 верстах. Это требовало больших затрат времени и средств, которых у крестьян почти не было.

Дома русских переселенцев Ходжентского уезда существенно отличались от жилищ местного населения. Они строились по-европейскому образцу — с односкатными и двухскатными крышами, которые покрывались камышом и обмазывались глиной. В первое время дома с железными крышами встречались очень редко.[42] Окна жилищ были обращены на улицу, что являлось новшеством в этих краях. Отапливались дома русской печью. Улицы в русских поселках были широкими и прямыми, и на обеих сторонах их находились усадьбы переселенцев. Некоторые улицы озеленялись тополями, которые в условиях Голодной степи растут очень быстро. Таким образом, по планировке русские поселки отличались от кишлаков существенно. Улицы местных кишлаков были узкие, дома тесные, настроенные «друг на друга». По обеим сторонам улиц возводились высокие стены-дувалы с калитками во дворы,[43] в которых размещалось жилье. Оконные проемы (дарича) никогда не выходили на улицу, что было одной из причин темноты в комнатах. Вместо печей использовались сандалы (жаровня под табуретом, покрытым большим одеялом).[44]

Строительные методы русских крестьян и тип русских жилищ были более удобными, чем у местного населения. Поэтому постепенно среди местного населения стал распространяться русский тип жилищ. «Жилищная архитектура переселенцев из Южной России, — пишет Т. В. Станюкевич, — оказала благотворное влияние на строительную деятельность местного населения».[45]

С другой стороны, местное население также оказало влияние на строительные приемы русских переселенцев. Они переняли приемы возведения построек, приспособленных к местным условиям (в частности каркасные дома), а также красочные среднеазиатские орнаменты, «по своей интенсивности превосходящие яркость раскраски русской архитектурной резьбы».[46]

Первоначальные постройки русских переселенцев, которые были без фундамента и цоколя, вскоре пришли в негодность. Грунтовые воды Голодной степи отрицательно сказывались на стенах домов. От сырости они быстро разваливались. Поэтому был принят ряд мер. За постройку более прочных помещений было объявлено вознаграждение в следующих размерах: за фундамент и цоколь с прокладкой толя — 50 руб., за стены из сырцового кирпича — 12 руб., за глино-соломенную или железную крышу — 6 руб., за кирпичные полы — 15 руб., за голландскую печь из жженого кирпича — 12

руб.[47] Помимо того, приняты и другие меры. Так, в докладной записке специалиста отдела сельского строительства Ямщикова о строительстве переселенцев Самаркандской и Сыр-Дарьинской областей от 15 июня 1916 г. говорится, что для обеспечения их необходимыми строительными материалами при станции Сыр-Дарья открыт склад стройматериалов. В нем имелись: железо, оконные и дверные ручки и печные заслонки, замки, бетонные камни, краски, толь, цемент, жженый кирпич и лесные материалы.[48] Такой же склад в 1916 г. был оборудован при поселке Самсоновском. При станции Сыр-Дарья, кроме того, была открыта мастерская бетонных изделий, где изготовлялись бетонные блоки. В 1916 г. намечалось соорудить завод при поселке Славянском. В поселке Надеждинском была организована передвижная мастерская с двумя станками, где также готовились бетонные пустотелые камни, блоки, которых к 1 мая 1916 г. было изготовлено 300 шт.[49] Кроме того, намечалось соорудить цементный завод близ станции Хилково, который должен был вступить в строй весной 1917 г. Топливным материалом всем этим так называемым кирпичным заводам служил янтак-коночка, который в Голодной степи рос в значительном количестве. Эти меры диктовались не великодушием чиновников, а были связаны с создавшейся в поселках обстановкой.

На кирпичном заводе при станции Сыр-Дарья и в других мастерских работали военнопленные и месячные рабочие, число которых доходило до 50 человек.[50] Кирпичный сырец для заводов готовило местное население. За тысячу кирпичей в сыром виде платили по 4 руб. 20 коп.[51]

Рельеф и почвы Голодной степи были разными. Последние можно разделить на две категории: почвы участков, расположенных поблизости от р. Сыр-Дарья (низменная часть), и почвы на возвышенной части рельефа. Первая категория была образована наносами реки и имела в своем составе органические отложения, благодаря чему она была наиболее плодородна, чем вторая. Вторую категорию почв можно разделить на две группы: 1) лессы; 2) солонец. Лесс в Голодной степи легко обрабатывался, что было связано с его особенностями; являясь супесчаным, он был быстро промачиваемым, долго сохраняющим влагу. Кроме того, после высыхания почва эта не трескалась. Наряду с супесчанной почвой, встречался и глинистый лесс, где влага быстро испарялась. Это делало его по отношению к супесчаному более трудоемким для обработки и менее плодородным.

Климатические условия Средней Азии давали возможность земледельцам собирать по два, иногда по три урожая в год. Поэтому крестьянин, имевший 8—10 десятин земельного надела, мог считаться зажиточным. Однако только ничтожным группам переселенцев Ходжентского уезда жилось хорошо. Земельные наделы, которые были предоставлены русским крестьянам в Голодной степи, являлись целинными, и для поднятия целины требовалось много усилий и хлопот. При нехватке живого и мертвого инвентаря, а также рабочих рук в хозяйстве многие крестьяне не могли полностью использовать свои земельные наделы. Им приходилось или оставлять большую половину своего надела без обработки, или часть его отдавать в аренду своим односельчанам, о чем речь будет идти ниже.

Земли под озимые подготавливались с осени, а под яровые весной. С подготовки земель начинался сезон сельскохозяйственных работ. Кончался он обмолотом хлебов и доставкой его в амбары. Запашка земли в основном производилась один раз в год, в редких случаях два раза под один посев. За посевом производили боронование полей 2—3, а иногда 6—8 раз.[52] Многократное боронование необходимым становилось потому, что на землях Дальверзинской и Голодной степей часто после дождя появлялась почвенная корка. Для взрыхления ее применялась очень часто борона зиг-заг.

В первые годы русские крестьяне вынуждены были жить на мизерные заработки от разных работ, в основном на ирригационных сооружениях. Одновременно некоторые из них занимались и земледелием на самовольно захваченных у коренного населения землях. В поселках переселенцы ввели метод севооборота; в одних принято было пятиполье, в других — трехполье, а иногда в одном и том же поселке — и то и другое. При трехпольном севообороте сельскохозяйственные культуры чередовались следующим образом: два-три года подряд сеяли пшеницу, затем люцерну, а затем хлопчатник, последний сеяли подряд два года, а после — снова пшеницу или же землю оставляли под пар на один год. Пятипольные севообороты применялись реже. В этом случае в первом году сеяли такие культуры, которые использовались как удобрение, во втором — хлопчатник, в третьем — свеклу, кукурузу, а также и джугару (иногда в качестве удобрения), в четвертом — хлопчатник и, наконец, в пятом — маш. Маш иногда использовался как зеленое удобрение, а иногда высевался на зерно.[53] Люцерну сеяли во всех поселках Голодной степи, в том числе и в Сретенском.

Такой метод землепользования повышал плодородие земель и увеличивал производительность труда. Для повышения производительности труда и продуктивности сельскохозяйственных культур русскими переселенцами вместе с навозом использовались и химические удобрения, такие, как суперфосфат. Они широко стали применяться после окончания работ на Романовском канале, что способствовало увеличению производства хлопка. Местные же крестьяне, видя при новых методах землепользования русских крестьян-переселенцев большую устойчивость и доходность урожаев, также стали применять их в своих хозяйствах. Внедрение новых методов в хозяйство местных крестьян было одной из прогрессивных сторон возникновения русских поселков в Ходжентском уезде.

Русские крестьяне вместе с новыми методами обработки земли применяли и новые виды сельскохозяйственных орудий, которые постепенно видоизменялись. Например, во время пребывания А. А. Половцева у русских переселенцев в основном применялись деревянные плуги.[54] У некоторых крестьян Сретенского поселка имелись и двухлемешные плуги, но их было немного, поэтому сретенцы стали пользоваться местным омачом. По материалам А. А. Половцева, в 1896 г. *омачи в хозяйствах сретенцев встречались в большом* количестве и даже в некоторых случаях ими была вытеснена борона.[55] Следовательно, еще до 1896 г., через 11 лет после образования поселка, сретенские крестьяне не имели необходимой суммы денег для приобретения нужного им сельхозинвентаря, что не могло не влиять на развитие их хозяйств. Постепенно положение менялось, но разнообразными видами орудий сельского хозяйства располагали не все крестьяне-переселенцы. В Спасском поселке крестьянами использовались для сельскохозяйственных работ железные плуги (производство заводов баронов Донских, эккертовские и др.), сохи, которых насчитывалсоь во всем поселке 12 штук. Из сельхозмашин стали применять экстирпаторы, пропашники, окучники. Таких машин в Сретенском насчитывалось 20. Борон железных было 62, деревянных с железными зубьями — 92 и французских — 2. Кроме того, в хозяйстве спасских крестьян появились бороны системы зиг-заг и саковские.[56]

После прокладывания оросительных сетей по Голодной степи у крестьян Спасского поселка появились сеялки, которых насчитывалось 10, жатвенные машины — 4, веялки — 11 и сортировки.[57] Появление в поселке новых орудий произ-

Таблица 3

Использование инвентаря в русских поселках

Поселок	Число хозяйств, имеющих сельхозинвентарь	Число хозяйств, не имеющих сельхозинвентаря	Из них пользуются инвентарем			Из них не пользуются инвентарем
			совместно с родственниками	наемным способом	неизвестно с кем	
Николаевский	47	21	17	4	—	—
Конногвардейский	26	2	1	—	—	1
Романовский	98	29	21	6	—	2
Надеждинский	93	12	8	2	2	—
Обетованный	36	10	6	4	—	—
Верхне - Волынский	57	33	8	12	6	7
Нижне - Волынский	67	33	5	7	2	19
Ахман - Куль	17	83	2	19	9	53
Сыр - Дарьинский	9	73	—	—	1	79
Велико - Алексеевский	110	23	2	14	7	—
Спасский и Духовский	207	46	1	35	2	8
Сретенский	141	32	17	3	2	10
Итого	908	397	88	106	31	179

водства главным образом было связано с развитием хлопководства. Относительно высокие доходы от культуры хлопчатника позволили крестьянам приобрести сельхозтехнику.

Во время статистико-экономического обследования русских поселков Ходжентского уезда в 1914 г. под руководством заведующего экономическими работами Главного управления землепользования и земледелия, экономиста В. Ф. Караваева были зафиксированы следующие виды сельскохозяйственных орудий: плуги с двумя и более лемехами, сохи (омач), мала, бороны деревянные, зиг-заг, французские, катки, культиваторы, пропашники, сеялки хлопковые и зерновые, жатвенные машины, сенокосилки, конные грабли, веялки и соломорезки, культиваторы и пропашники, которые использовались для междурядной обработки полей, в первую очередь хлопчатника. О наличии сельхозинвентаря в русских поселках свидетельствует табл. 3.[58]

Итого, во всех поселках Ходжентского уезда сельскохозяйственными орудиями владело 908 хозяйств, не имели его

397, что составляет около 1/3. Наибольшее количество сельхозинвентаря было сосредоточено в Сретенском, Спасском и Алексеевском поселках, т. е. в тех, которые были образованы при помощи Переселенческого управления. В распоряжении остальных, так называемых «самовольных» поселков находилась меньшая половина сельхозорудий. Это подтверждает сказанное о том, что правительство уделяло им недостаточное внимание.

Следует отметить, что в трудах В. Ф. Караваева допущена идеализация жизни русских поселков. По его данным, в поселке Спасском сельскохозяйственной техникой не пользовалась только 1/4 часть населения. Между тем, по данным А. П. Скрыплева, к 1913 г. около половины населения Спасского не имели мертвого инвентаря. «Рабочий инвентарь, — пишет он, — применяемый в хозяйстве спасских поселенцев, довольно богат и разнообразен, хотя в то же время 42,4% хозяйств совершенно не располагают мертвым инвентарем».[59]

Как мы видим, не все русские переселенцы имели собственные орудия производства. В некоторых поселках до половины населения не имело никаких видов сельхозтехники. Это было на руку более зажиточным крестьянам. Они, предоставляя своим односельчанам и жителям других поселков в аренду тот или иной вид сельхозтехники, за их использование брали крупные денежные суммы. Так, например, один из переселенцев Голодной степи, приобретая жнейки для уборки хлеба, использовал их как источник дохода. Хозяин машины после уборки хлеба со своих полей предоставлял ее другим своим односельчанам. Те крестьяне, которые брали ее в аренду, платили ее хозяину по 4 руб. с каждой убранной десятины земли. «Нам передавали, что соблазненные дешевизной работы крестьяне поселка Духовского предложили владельцу жнейки скосить у них 25 десятин люцерны. Так что за одно лето цена жнейки почти окупится (230 рублей)».[60]

Владелец машины за одно лето почти возмещал израсходованную сумму, а дальнейшее использование ее давало хозяину чистый доход.

Применение новых орудий в сельском хозяйстве имело большое значение. Оно намного облегчило труд крестьян, экономило время, повышало продуктивность сельскохозяйственного производства, уменьшало себестоимость продуктов сельского хозяйства и улучшало обработку полей. Особенно большое значение в условиях Голодной степи имело приме-

нение бороны. Она очищает поле от снеговой плесени и отмерших растительных остатков. Применение бороны давало возможность переселенцам быстро обрабатывать свои наделы и получать более высокие урожаи, чем это было у местных дехкан. Сельскохозяйственные машины в поселках Ходжентского уезда были оценены местным дехканством. Вначале местное население относилось к ним с опасением, но постепенно дехкане сами начали ими пользоваться. Примером могут служить машинопрокатные и зерноочистительные пункты в некоторых кишлаках. 1915 г. один из таких пунктов был открыт в кишлаке Каль Каракульского района.[61] Функционирование такого пункта говорит о том, что местное население было заинтересовано в нем. Независимо от масштабов полезности этих пунктов, в их организации заключалась одна из прогрессивных сторон образования русских поселков в Ходжентском уезде.

Раньше других земледелием начали заниматься крестьяне Сретенского поселка, а несколько позже Романовского и Надеждинского. Это объясняется тем, что сретенцы, как уже упоминалось, были обеспечены землей и оросительной водой. Жители других поселков из-за отсутствия собственных наделов осваивали земельные участки, где придется. О земледельческих занятиях русских переселенцев архивные материалы дают противоречивые сведения. Наиболее достоверные данные о сельском хозяйстве в русских поселках относятся к 1891 г. Табл. 4 составлена исполняющим должность секретаря Статистического комитета, колежского асессора М. Вирского. Сведения им были собраны в ноябре 1891 г. во время поездки в Ходжентский уезд.[62]

Из таблицы видно, что первое место как по численности дворов, так и по количеству засеваемых земель принадлежит крестьянам Сретенского поселка. В среднем на каждый двор обрабатывалось по 4 десятины. Если учесть, что на каждый из них был выделен участок в 15 десятин, то станет ясно, что земельные наделы полностью не использовались переселенцами.[63] Не обрабатывалось по 10—11 десятин земли, очевидно, это связано со слабостью хозяйств, нехваткой воды, рабочего скота и инвентаря.

Урожайность культур была следующей: пшеницы — от 22 до 90 пудов с десятины, хлопчатника—от 10 до 60, ячменя — от 20 до 112, овса — от 50 до 160, маша — от 15 до 60, кунака—от 28 до 100, кунжута — от 15 до 40 и проса — от 25 до 100.[64] Урожайность большинства культур была низкой. Это происходило по ряду причин: из-за нехватки воды,

Таблица 4

Структура посевных площадей в 1891 г.

Название поселка	Число дворов	Количество земли в десятинах											
		хлопок	пшеница	ячмень	овес	маш	кунак	кунжут	просо	подсолнух	джугара	картофель	лен	итого
Сретенский	199	408,125	226	8	9,625	23 625	10,5	44,5	34,125	8,125	3,75	0,25	0,125	776,75
Романовский	30	—	4	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Надеждинский	79	—	6	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Итого	308	408,125	236	10	10,625	23,625	10,5	44,5	34,125	8,125	3,75	0,25	0,125	789,75

очередности, приводившей к перерывам в поливе, что не могло не отразиться на росте и развитии растений; семена как государственная ссуда выдавались нерегулярно и несвоевременно, в результате очень часто обработанные поля оставались незасеянными.

Другие два поселка сеяли на богаре, так как еще не имели орошаемых полей. Небольшие посевы романовцев и надеждинцев уничтожались налетами саранчи или же выгорали в результате засушливости весны. Кроме них, в Ходжентском уезде было еще несколько поселков, большинство которых находилось в стадии первоначального устройства. Жители их не включались в сельскохозяйственные работы и жили на заработки от проведения оросительных сетей и других строительных работ.

Через некоторое время и другие крестьяне русских поселков включаются в сельскохозяйственные занятия. Например, если в 1891 г. сельским хозяйством занимались крестьяне только 3 поселков, то в 1898 г., т. е. спустя 7 лет, число их доходит до 8. Включение в сельское хозяйство все новых и новых поселков привело к увеличению посевных площадей как богарных, так и орошаемых. О сельскохозяйственных занятиях русских крестьян-переселенцев за 1898 г. свидетельствует табл. 5.[65]

Таблица 5

Структура посевных площадей 1898 г.

Название поселка	Огороды и бахчи		Пшеница						Ячмень						Овес			Рис	
			поливая			неполивная			поливной			неполивной							
	запашка в десятинах	урожай в пудах	запашка в десятинах	семян в четвертях	урожай в четвертях	запашка в десятинах	семян в четвертях	урожай в четвертях	запашка в десятинах	семян в четвертях	урожай в четвертях	запашка в десятинах	семян в четвертях	урожай в четвертях	запашка в десятинах	семян в четвертях	урожай в четвертях	запашка в десятинах	урожай в пудах
Николаевский	32,5	—	40	50	400	10	10	50	45	46	500	4	4	32	2	2,5	40	8	64
Сретенский	31,5	—	204	350	1450	90	90	50	29	35	350	—	—	—	25	40	400	—	—
Конногвардейский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бетованный	10	—	8	8	60	—	—	—	4	4	32	—	—	—	—	—	—	—	—
Верхне-Волынский	18	—	40	45	380	—	—	—	9	9	72	—	—	—	—	—	—	—	—
Нижне-Волынский	—	—	23	25	230	—	—	—	5	5	40	—	—	—	—	—	—	—	—
Надеждинский	2	—	7	7	56	4	3	25	14	14	80	3	3	24	—	—	—	—	—
Романовский	1	—	8	8	60	3	3	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	150
Итого	95	—	330	493	2636	107	106	150	106	113	1074	7	7	56	27	42,5	440	21	214

В среднем урожайность поливной пшеницы с каждой десятины была около 8,53 четверти[66], а неполивной — около 5,3 четверти; ячменя поливного немного более — 9,3 четверти, неполивного—8 четвертей; овса — 11,4 четверти; риса — 2,42 пуда (табл. 6). Как мы видим, более высокий урожай дали те земли, которые поливались. Несмотря на небольшую урожайность поливных земель по отношению к богарным, все же урожайность их была очень низкой.

Таблица 6

Урожайность с каждой десятины по культурам

Название поселка	Пшеница в четвертях		Ячмень в четвертях		Овес в четвертях	Рис в пудах
	поливная	неполивная	поливной	неполивной		
Николаевский	10	5	11,5	8	6,8	2
Сретенский	7,2	0,6	12	—	16	—
Обестованный	7,5	—	8	—	—	—
Верхне-Волынский	9,5	—	8	—	—	—
Нижне-Волынский	10	—	8	—	—	—
Надеждинский	8	6,25	5,7	8	—	—
Романовский	7,5	8,3	—	—	—	28,4

Очевидно, низкие урожаи в рассматриваемое время были связаны с тем, что обрабатываемые земли являлись целинными и русские переселенцы еще не так хорошо освоили поливное земледелие.

Из табл. 5 видно, что из 8 русских поселков только Конногвардейский не имел посевов, так как он образовался недавно и жители его были заняты строительством жилья, подсобных помещений и пр.

Помимо перечисленных культур, русские переселенцы сеяли также джугару, просо, махсар, кунжут, лен, горох, овощи и дыни. Во всех названных поселках в 1898 г. было засеяно 874 десятины, не считая посевов хлопчатника, из них в Николаевском — 192,5, в Сретенском — 509,5 в Обетованном — 22, в Верхне-Волынском — 67, в Нижне-Волынском — 28, в Надеждинском — 30 и в Романовском — 25. Как видно, значительное количество засеянных наделов прихо-

дится на долю сретенцев. Если разделить посевы по культурам, то мы увидим следующую картину: под пшеницей — 437 десятин, под ячменем — 113, под рисом — 21, под овсом — 27, под джугарой —13, под махсаром — 78, под просом — 51, под кунжутом — 35, под льном — 2, под горохом — 2, под огородными и бахчевыми — 95. Первое место среди посевов занимают хлебные культуры, предназначенные главным образом для потребления в семье крестьянина. Однако не всегда и не во всех семьях производимое зерно удовлетворяло потребности в нем, переселенцы вынуждены были пополнить свои запасы с базаров Ходжента, Ура-Тюбе и Нау.

Приведенная табл. 5 показывает, что площадь обрабатываемой земли вообще по сравнению с 1891 г., несмотря на увеличение числа поселков, втянутых в сельскохозяйственные работы, намного сократилась. Сокращение это шло в основном за счет посевов хлопчатника. О причине мы будем говорить ниже. А что касается других культур, то посевы их, несомненно, увеличивались. Так, если в 1891 г. под хлебными и другими культурами было 416 десятин, то в 1898 г. — 874 десятины.

Обрабатываемые площади постепенно расширяются. Такое расширение шло за счет увеличения площади одного отдельно взятого поселка (расширение площади отдельных переселенцев) и за счет образования все новых и новых поселков.

В 1914 и 1915 гг. русскими поселками Ходжентского уезда было обработано в общей сложности 5255,24 десятины земли под зерновые культуры. Что касается остальных поселков, то некоторые из них не имели постоянного надела, а другие образовались совсем недавно. Расширение обрабатываемой площади дало возможность продавать излишние продукты на базарах. Так, в 1915 г. в одном Велико-Алексеевском был продан 951 пуд пшеницы на общую сумму 1040 руб. 40 коп.[67]

Русские переселенцы Ходжентского уезда занимались и богарным земледелием. С таким методом ведения земледельческого хозяйства они были знакомы еще на родине. У них в этом отношении был накоплен большой опыт, который они стали применять в новых условиях. «Лет 19 — 20 тому назад, — пишет М. Вирский, — зазимовавшие в Катта-Кургане менониты-колонисты произвели посев богарной пшеницы в местности близ города, которую туземцы до того обходили. Пашню они поднимали своими плугами на 6—7 верш-

ков, бороновали также своими боронами, высевали зерно 8 пудов на десятину вместо принятых туземцами 4—6 пудов, и несмотря на неособенно благоприятные атмосферные условия весны, пшеница, на удивление всей округе, вышла высокая, густая и необыкновенно урожайная, в то же время на близлежащих полях туземцев сбор пшеницы не превышал обычного количества».[68]

Хлопководство, одна из главных отраслей сельского хозяйства в русских поселках, в процессе развития прошло ряд этапов. В 1891 г. переселенцами Сретенского поселка под хлопчатник было отведено 408,125 десятины. Остальные поселки по причине отсутствия поливных земель не могли заниматься этой культурой. Постепенно посевная площадь под хлопчатником сократилась. Например, если в 1891 г. русскими переселенцами было засеяно 408,125 десятины, то в 1898 г. — всего 71,[69] а в 1899 г. 109 десятин.[70] Как видно, в 1899 г. посев хлопчатника несколько увеличился, хотя уровня 1891 г. не было достигнуто. В последующие годы происходит дальнейшее сокращение посевов хлопчатника, и начиная с 1900 г. вплоть до 1909 г. площади, занятые им, были мизерными. Например, в 1909 г. под этой культурой было 79,95 десятины.[71] Если учесть, что до 1900 г. производством хлопка занимались только жители Сретенского поселка, а впоследствии в него включились еще и другие поселки Голодной степи, то становится ясным, что, несмотря на это, посевы хлопчатника на хозяйство сократились до максимального предела. Поэтому во время своей ревизии Пален пришел к заключению, что в поселках Голодной степи крестьяне не занимаются этой культурой.[72]

Причины постепенного сокращения посевов хлопчатника в русских поселках были разные. Главная из них состояла в том, что русский крестьянин до прибытия на новое место не был знаком с этой культурой, ему приходилось учиться многому у местного дехканина, что требовало времени. Он еще не знал системы полеводства на орошаемых землях, поэтому посевы развивались ненормально, а порой совсем погибали. «Подъем уровня грунтовых вод, вызванный орошением, сразу не вызывает соленакопления в верхних горизонтах почвогрунтов, а угнетает корневую систему культурных растений, т. е. вреден не столько процесс подъема грунтовых вод, сколько его последствия».[73] Переселенцы еще не знали, какие пагубные последствия несут грунтовые воды. Кроме того, сельскохозяйственные работы были очень трудоемкими и требовали больших затрат денег. Хлопкоробу в течение

полугода требовалась непрерывная затрата своего труда, труда всей его семьи, включая и детей, приходилось нести расходы на недостающую рабочую силу, на покупку орудий производства и семян, на ремонт и приобретение инвентаря, покупку недостающего скота. Как мы видим, занятие хлопководством требовало более крупных денежных расходов, чем занятие зерноводством. Крестьянину, у которого не было достаточной суммы денег не под силу было заниматься первое время хлопководством. Помимо всего, переселенцам приходилось конкурировать в этом с местными жителями, которые имели многовековой опыт.

Временное сокращение посевов хлопчатника не означает, что русские крестьяне в дальнейшем перестали заниматься этой культурой. Наоборот, с 1910 г. начинается постепенное увеличение площадей под хлопчатником. Этому способствует ряд обстоятельств: увеличение спроса на хлопок-сырец в центральных областях России для обеспечения сырьем текстильных фабрик, повышение цен на сырец, широкое развитие системы кредита хлопкоробам, проведение оросительной сети в Голодной степи и пр. С другой стороны, такому росту способствовало и приобретение русскими переселенцами опыта по возделыванию хлопчатника, опыта поливного земледелия и укрепление хозяйств крестьян-переселенцев. Начиная с 1909 г. посевы под хлопчатником из года в год увеличиваются.

Согласно записке об отводе русским переселенцам участков казенной орошенной земли в Голодной степи от 3 февраля 1913 г., в Спасском поселке в 1909 г. выращиванием хлопчатника занимались 9,2% хозяйств, что составляло менее 1/10 всех их. В следующем, 1910 г., к такому посеву приступили 38,4% хозяйств, а в 1911 г. число их достигло 58%.[74] Причем рост хлопководства происходил не только путем увеличения количества хозяйств, занимающихся посевом хлопчатника, а также путем расширения обрабатываемой площади под этой культурой. Так, если в 1909 г. на каждое хозяйство приходилось в среднем 1,8 десятины хлопковых посевов, то в 1910 г. это количество достигло 1,93 десятины, а в 1911 г. — 4 десятин.[75] Такой рост продолжался и в последующие годы. В 1913 г. в том же Спасском поселке посевом хлопчатника занималось 80% дворов, а площадь под культурой хлопчатника достигла 30%,[76] т. е. 1/3 земельной площади.

Рост числа хозяйств, занимающихся хлопководством, в 1913 г. объясняется тем, что земли новоселов (в этом году

Таблица 7

Состояние хлопководства в Ходжентском уезде в 1911—1914 гг.

Год	Спасский		Николаевский		Конногвардейский		Романовский		Надеждинский		Сретенский		Итого по 6 поселкам	
	число хозяйств	площадь в десятинах	число хозяйств	площадь в десятинах	число хозяйств	площадь в десятинах	число хозяйств	площадь в десятинах	число хозяйств	площадь в десятинах	число хозяйств	площадь в десятинах	число хозяйств	площадь в десятинах
1911	85	502,7	4	7	2	4	7	20,5	4	6,5	99	170,5	201	711,2
1912	104	636	9	17	11	37	18	27,5	11	16	110	210,6	263	944.1
1913	119	965,5	22	26	16	45	33	39	28	51,5	130	263,7	348	1390,7
1914	228	2339	42	83,7	26	119,5	111	321,2	96	309	154	485	657	3657,4

был образован новый поселок — Велико-Алексеевский, жители его сразу не могли заниматься этим видом сельского хозяйства. — *Н. К.*) «были использованы для этой цели арендаторами из хлопководов поселка Спасского».[77]

Данные, собранные В. Ф. Караваевым, ясно указывают на развитие хлопководства (табл. 7).[78]

Из таблицы видно, что число хозяйств, занимающихся производством хлопка, за 4 года увеличивалось более чем в 3 раза, а площадь под хлопчатником — более чем в 5,5 раза. Кроме того, она показывает, что хлопчатник начали сеять и такие русские поселки, которые до 1911 г. или совсем не занимались этой культурой, или занимались периодически. Например, крестьяне Сретенского поселка после десятилетнего перерыва опять приступили к ее посеву. Были и такие поселки, которые не занимались хлопководством (Обетованный, Верхне-Волынский, Нижне-Волынский, Сыр-Дарьинский и Ахман-Куль). Первым двум администрация края не выделила орошаемой земли, а что касается остальных, то им совсем не были выделены земельные наделы. В приводимой таблице не указаны посевы крестьян Велико-Алексеевского поселка, жители которого в 1914 г. посеяли 749,75 десятины,[79] а по данным В. В. Бартольда, — 975 десятин.[80] В целом в 1914 г. в русских поселках Голодной степи, а также в Сретенском было посеяно 4407,15 десятины хлопчатника.

Выше было отмечено, что хлопководство требовало затраты большой суммы денег и поэтому переселенцы вынуждены были прибегать к ссудам разных форм. Если для обработки 1 десятины посева пшеницы или ячменя крестьянам приходилось расходовать 20—25 руб.,[81] то для такого же количества посевов хлопчатника при использовании труда членов семьи требовалось 60 руб.[82] Обработка 3—5 десятин посевов хлопчатника требовала соответственно 180—300 руб. Естественно, что при тогдашних условиях бедным переселенцам приходилось прибегать к «помощи» извне.

Анализ хозяйств русских крестьян показывает, что хлопководство большие выгоды приносило зажиточным хозяйствам, чем бедняцким.

В 1914 г. из числа 821 хлопкороба кредитом пользовалось 764, ими были получены ссуды под будущий урожай на сумму 207,725 руб.[83] Как мы видим, крестьяне не могли обойтись без кредита. Такими кредиторами в 1914 г. в Голодной степи были два: Вадьяевское торгово-промышленное товарищество и Торгово-промышленное товарищество по орошению земель в Туркестанском крае — М. Н. Ермолаев,

С. А. Калинин, А. А. Князев, Б. Г. Гарут и К°.[84] Эти фирмы, давая деньги в кредит непосредственным производителям, преследовали свои корыстные цели, а именно стремились поставить крестьян в зависимость от себя и скупать весь их урожай по дешевым ценам. Деньги этими обществами обычно давались крестьянам в самый разгар сезона полевых работ, когда они шли на все условия ради сохранения урожая. Между кредитором и производителем заключались договора, согласно которым крестьянин должен был сдать весь свой хлопок только ему и по такой цене, которая будет указана фирмой в день сдачи хлопка. Систему выдачи денег фирмой крестьянам В. Ф. Караваев обрисовывает следующим образом: «Доверенный фирмы, приезжая в степь, набирает клиентов и прежде всего отбирает у них векселя. Эти векселя двоякого рода — один вексель на ту сумму, которую должен получать поселенец в качестве ссуды, и другой обыкновенно на 200—300 руб. в обеспечение неустойки на случай отказа от сдачи хлопка (штрафной, как говорят поселенцы)».[85] Далее тот же автор описывает картину полного ограбления крестьян: «Что касается приемки, то таковая сопровождается уже многими особенностями. Прежде всего цена объявляется категорическая, без лишних объяснений положения рынка, мало известного поселенцам, но если возникают на этой почве препирательства, то появляются тотчас же на рынке «покупатели», которые дают еще более низкую цену. Далее приказчики фирмы взвешивают на своих весах и, по словам крестьян, не любят «подпускать к ним хозяев», а за мешки вычитают 5 фунтов, тогда как они весят меньше. Если мешки были от фирмы, то за порчу их тоже вычитается, в случае нехватки у поселенца некоторого количества хлопка, не вследствие отказа от сдачи, а благодаря браку, неурожаю и пр., то за каждый несданный пуд взимается по 20 копеек неустойки, тогда как полная несдача — чего, однако, почти не бывает — карается согласно договору штрафом по безденежному векселю, данному фирме ранее».[86]

Как мы видим, здесь была разработана целая система ограбления русских крестьян. Выдача ссуды была одной из форм закабаления крестьянских масс. Иногда крестьянам кредит давали непосредственно не сами фирмы, а их доверенные лица, которые, беря крупные суммы у фирмы, давали эти деньги крестьянам, но с условием принять хлопок у крестьян по удешевленным на 15% ценам по сравнению с фирмой. Таким образом, в Голодной степи появилась си-

стема посредничества, ставшая впоследствии грабительской для непосредственных производителей. Такими посредниками могли стать кулаки из среды самих переселенцев. Так, например, в 1915 г. в Велико-Алексеевском поселке из среды крестьян выделился Николай Бондаренко. Он являлся и скупщиком хлопка у своих односельчан, и кредитором, дающим каждую весну крестьянам задатки под хлопок. Он раздавал ссуду под урожай в сумме 10 тыс. руб., причем размеры ее определялись от 300 до 1000 руб. Порядок выдачи ссуд им отличался от порядка, установленного фирмами в Голодной степи. Бондаренко свою ссуду давал крестьянам всегда к концу апреля, т. е. тогда, когда по всходам хлопчатника можно было предварительно определить будущий урожай. Крестьянин, беря ссуду у него, давал ему вексель, обязывающий отдать ему за неустойку 20% полученной ссуды. Причем хлопок крестьянами сдавался Бондаренко не по базарной цене. Если крестьянин отказывался от сдачи хлопка, то на этих условиях кредитор требовал неустойку в размере 20%. Прием хлопка производился во дворе у Николая Бондаренко. Во время приемки он старался как можно больше ограбить крестьян. Например, с каждого мешка делал скидку по 20 фунтов под тем предлогом, что товар якобы сырой, или еще под каким-нибудь. При несогласии крестьян Бондаренко угрожал отказаться от покупки хлопка и требовал неустойку в размере 20% полученной суммы.[87] Это был произвол, никем не наказуемый. Кредитор от затраченного своего капитала получал чистый доход не менее 40%. Приобретая хлопок-сырец в Алексеевском поселке, Бондаренко привозил его в Ташкент и очищал на заводе Большой Ярославской мануфактуры, затем продавал его или оставлял в кредит в Русско-азиатском банке из расчета 10% годовых под залог хлопка. В начале сезона, когда еще хлопок привозили в большом количестве, цена чистого волокна за 1 пуд равнялась 12 руб. 80 коп., а в середине января цена на хлопок поднималась до 17 руб. за пуд.[88] Повышение цен на хлопок ничего не давало непосредственным производителям. Все эти доходы шли в карманы фирм и отдельных посредников. Таким образом, в русских поселках Ходжентского уезда в сельское хозяйство начинают проникать капиталистические методы ведения хозяйства, появляются отдельные лица типа Бондаренко, эксплуатирующие не только местное, но и русское крестьянство.

Кредиты под будущий урожай давались, кроме хлопчатника, и на другие технические культуры. Например, пересе-

ленцы Спасского поселка занимались также выращиванием сахарной свеклы. Она, так же как и хлопчатник, была очень трудоемкой и требовала больших затрат труда и средств. Поэтому крестьяне, которые занимались выращиванием сахарной свеклы, также прибегали к кредиту. Кредиторами были не отдельные частные фирмы, а промышленные предприятия, например, Каунчинский свекло-сахарный завод. Завод по договору с отдельными хозяйствами выплачивал часть денег вперед под будущий урожай, беря с крестьян векселя. Деньги выдавались не сразу, а по частям: первый раз — перед вспашкой, второй — перед посадкой и т. д., до уборки.[89] Видимо, из-за боязни потери всей суммы выплачиваемой ссуды завод перешел к системе выплачивания денег по частям. Таким образом, он следил за всем процессом обработки посевов свеклы и ее урожайностью. Когда убеждались в том, что свекла выращена достаточно хорошо и даст прибыль заводу, выплачивали и остальную сумму ссуды.

Иногда из-за нехватки рабочих рук и средств посевы забивались сорняками и урожайность снижалась. Представители завода не считались с этим и требовали от крестьян всю сумму, указанную в векселе. При этом непосредственным производителям нечем было расплачиваться, и поэтому многие из них оставались должниками завода. Иногда сумма таких долгов доходила до 100 и 300 руб. на каждое отдельно взятое хозяйство.[90] Как мы видим, задаток или кредит под будущий урожай для крестьян русского поселка являлся петлей, из которой невозможно было высвободиться. Такой кредит, или покупка урожая заранее, закабалял крестьянские массы русских поселков Ходжентского уезда.

Другим немаловажным фактом в жизни русских поселков Ходжентского уезда стала аренда земли. Среди русских крестьян-переселенцев Голодной степи были известны следующие виды аренды: издольная и за деньги. Сдача земли в тот или иной вид аренды зависела от налаженности хозяйства переселенца, наличия живого и мертвого инвентаря и количества рабочих рук в семье. Те переселенцы, которые имели достаточно рабочих рук в семье, рабочего скота, хозяйства которых экономически были крепкими, мало прибегали к сдаче земли в аренду, а порой сами брали ее у своих односельчан. Наоборот, маломощные хозяйства с малым количеством рабочих рук и рабочего скота прибегали к сдаче земли в издольную аренду, а совсем не имеющие живого и мертвого инвентаря и экономически слабые сдавали свои наделы в денежную аренду.

Издольная аренда выступает здесь в трех видах: сдача $^1/_4$, $^1/_3$ и $^1/_2$ урожая. Если арендатор пахал, засевал свои семена, проводил мелкие арыки, самостоятельно собирал урожай, словом, все сельскохозяйственные работы производил сам, а хозяин предоставлял только землю, то землевладелец получал $^1/_4$ часть урожая. Если хозяин, кроме предоставления земли, дает арендатору половину семян, а иногда выполняет часть работы, то он мог получить $^1/_3$ урожая. При половинной аренде все распределялось поровну—и семена и работа.[91] Таким образом, во всех формах издольной аренды непосредственным работником считался арендатор.

Сдача в денежную аренду практиковалась главным образом среди наиболее бедных слоев переселенцев. В 1910 г. только в одном Спасском поселке 27% переселенческих хозяйств сдавали свои наделы в аренду за деньги.[92] По данным В. Ф. Караваева, в 1914 г. в Голодной степи в денежную аренду сдавали свои земли 57% хозяйств.[93] В зависимости от качества земли и степени обеспеченности ее водой за 1 десятину земли арендаторы платили от 20 до 25 руб. в год.[94] Сдача в аренду за деньги богары практиковалась очень редко, и цена на такие земли по сравнению с поливными наделами была ниже до 19 руб. в год.[95]

Денежная аренда практиковалась прежде всего среди более зажиточных крестьян-переселенцев. Они арендовали земли не только у своих односельчан, но также у казны и у крестьян вне пределов своего поселка. Например, в 1914 г. жители Конногвардейского и Спасского поселков арендовали у казны 1320,75 десятины земли.[96] Из них 900 десятин было снято только одним крупным арендатором поселка Спасского Сурковым. В 1915 г. жителями Велико-Алексеевского поселка было арендовано 150 десятин, из них 147 находились в самом поселке. Из общей площади арендованной земли за деньги арендовали 70,41 десятины, что составляет 46,94%, издольно — 71,43 десятины, что составляет 47,62%, и за смешанную плату, частично деньгами, частично издоли, — 8,16 десятины, что составляет 5,44%.[97] Таким образом, по словам В. И. Ленина, «чем зажиточнее крестьянство, тем больше оно арендует, несмотря на большую обеспеченность его надельной землей».[98] Беднейшие крестьяне уходили на заработки. Следовательно, сельский пролетарий, наряду с продажей своей рабочей силы, извлекал доход также и от сдачи в аренду своего надела.[99] Кроме того, были и такие хозяйства, которые совсем не обрабатывали своих наделов. Например, в 1914 г. из 1386 хозяйств не·се-

яли совсем 283, или 20,4% всех хозяйств.[100] Эти факты говорят о том, что среди русских переселенцев шел процесс дифференциации.

В русских поселках Ходжентского уезда было широко распространено применение наемных рабочих в сельском хозяйстве. Такому крупному арендатору, как Сурков, требовалось много рабочих рук. Поэтому он для успешного ведения хозяйства набирал рабочих в Самарской и Саратовской губерниях с выплатой путевых расходов.

Рабочие из числа местных и русских крестьян нанимались как поденные, годовые, сезонные и месячные. Годовые рабочие выполняли работы, связанные с сельским хозяйством, и платили им в среднем за год от 116 до 173 руб., месячные получали от 15 до 25 руб. в месяц. На поденные работы нанимались не только мужчины, но и женщины. Несмотря на то, что они выполняли работу наравне с мужчинами, им платили меньше. Например, если женщинам на уборке хлопка платили в среднем от 90 коп. до 1 руб. 30 коп., то мужчинам — от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. В русских поселках практиковался наем и сдельных рабочих. Им платили с десятины. За 1 скошенную десятину люцерны или маша в Сретенском поселке сдельные рабочие получали 7—8 руб.

Местным рабочим платили немного меньше, чем русским переселенцам. Например, в Николаевском поселке русские получали по 130—180 руб. в год, а местные по 98—148 руб., хотя они выполняли одну и ту же работу. Следует сказать, что оплата в поселках не была одинаковой. Это зависело от степени зажиточности поселка и от спроса на рабочие руки. Там, где более широко практиковалась денежная аренда, спрос на рабочие руки повышался и рабочим приходилось платить несколько больше. Например, если в Надеждинском и Романовском поселках месячным рабочим платили от 15 до 25 руб. в месяц, то в Спасском и Велико-Алексеевском — по 17—18 руб.[101]

Развитие денежной аренды и применение наемных рабочих в сельском хозяйстве русских крестьян-переселенцев Ходжентского уезда говорит о том, что в него проникли капиталистические отношения. Сельским рабочим платили деньгами, а не натурой. Но это не говорит о том, что издольная аренда не практиковалась среди переселенцев. При денежной аренде покупалась не сама земля, а ее продукты и арендатор, продавая этот товар, вновь приобретал деньги,

но с большим доходом. С развитием денежной аренды земля хотя и принадлежала юридически крестьянину, экономически переходила в руки более зажиточных групп переселенцев. Денежная аренда от издольной отличалась и тем, что при ней арендатором могли стать в большинстве случаев только более зажиточные, имеющие определенную сумму денег переселенцы, а при издольной арендаторами являлась беднейшая часть крестьянства, которая за свой труд получала часть урожая натурой, а не деньгами.

Русские переселенцы также занимались и огородничеством. Только в одном 1898 г. на огородах и полях русских поселков было выращено 18 504 пудов овощей и продано на сумму 5551 руб. В том же году огурцов собрано 96 тыс. шт. и продано на 300 руб., арбузов и дынь собрано 218 200 шт., а продано на сумму 4364 руб. В общей сложности в 1898 г. крестьяне 7 русских поселков продали на базаре огородных и бахчевых на сумму 12 915 руб. С 1 десятины земли крестьяне Спасского поселка в 1910—1911 гг. собирали по 2500—4000 шт. арбузов и дынь.[102] Количественный подсчет огурцов кажется несколько сомнительным, так как, точно учесть количество огородной продукции в каждом хозяйстве невозможно. Но общая сумма от продажи указывает на то, что из года в год широкое развитие получало овощеводство. В 1914 г. под бахчевыми, огородными и садовыми культурами в 12 русских поселках было занято 194,25 десятины земли.[103]

Садоводство и виноградарство в жизни русских поселков по сравнению с овощеводством играло незначительную роль. Сады и виноградники разводились главным образом на приусадебных участках. Переселенцы не сразу стали заниматься виноградарством. Во время пребывания А. А. Половцева в Сретенском оно не было распространено.[104] Однако в дальнейшем положение постепенно меняется. Русские переселенцы, помимо выращивания местных сортов винограда, стали культивировать привезенные лучшие сорта европейских лоз.[105] Распространение новых сортов винограда среди местного населения было положительным явлением. В 1912 г. только в Спасском поселке 189 хозяйств занимались садоводством и виноградарством. «В садах, — пишет П. Скрыплев, — разводятся яблони, груши, сливы, абрикосы, вишня, персики, черешня, орех, миндаль и тут. В среднем сад каждого хозяина состоит из 70 различных фруктовых деревьев. Преобладают из них яблони, составляя 38,3%, и вишня — 25,2% общего числа фруктовых деревьев. Затем идут абри-

косы — 13,9%, груши — 7,6%, сливы — 7,4%, персики — 6,6% и пр., разводится также и виноград, всего в поселке насчитывается до 2000 корней».[106] В среднем на каждое хозяйство приходилось немногим более 7 корней. Как мы видим, площадь, занятая виноградником и садом, была незначительна и продукты от садоводства и виноградарства главным образом шли на потребности самих переселенцев и не могли стать объектом продажи на базарах.

Не все переселенцы занимались виноградарством. Если в 1914 г. в поселке Велико-Алексеевском под виноградником было занято 0,15 десятины земли на одно хозяйство, то в Обетованном виноградарством не занимались совсем. В 1906 г. корреспондент газеты «Туркестан» писал: «Среди знойной степи, в солончаке возвышается поселок... Жалкие хибарки, слепленные на скорую руку, кругом ни деревца — почти голая пустыня — и это поселок с причудливым названием «Обетованный». В колодцах вода — раствор «глауберовой соли»... переселенцы — пришельцы из Саратовской, Самарской и Херсонской губерний занимаются, кто чем может и горазд, а о земледелии и помину нет... Часть идет на отхожие промысла, «на чугунки», часть занимается скотоводством, пользуясь лугами р. Сыр-Дарьи».[107] Как мы видим, в Обетованном не только не было фруктовых деревьев, но даже ни одного деревца.

Русские крестьяне в борьбе против болезней и вредителей виноградников стали применять метод опрыскивания. В 1914 г. в своем отчете военный генерал-губернатор Самаркандской области писал: «Лечение виноградников путем обсыпки серой, возбуждавшее сначала крайне скептическое отношение со стороны туземцев, получило довольно широкое распространение».[108] Изложенное свидетельствует о том, что, несмотря на незначительное распространение виноградарства в русских поселках, переселенцы привезли с собой и внедрили новые сорта винограда и впервые использовали химические средства против сельхозвредителей. Как мы видим, и в этом отношении пример русских крестьян для местного населения оказался положительным.

Климатические условия края, тугайные заросли побережья Сыр-Дарьи способствовали занятию животноводством. Русские крестьяне Ходжентского уезда разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, свиней, ослов и др.

В 1895 г. в четырех поселках уезда — Николаевском, Романовском, Надеждинском и Сретенском насчитывалось 4032 головы крупного рогатого, лошадей и мелкого скота (табл. 8).[109]

Таблица 8

Распределение скота по поселкам

Название поселка	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы	Итого
Надеждинский	97	469	1000	91	1657
Сретенский	203	411	623	—	1237
Романовский	100	214	460	24	798
Николаевский	87	136	110	7	340
Итого	487	1230	2193	122	4042

Как мы видим, первое место по количеству занимали овцы, затем рогатый скот, козы и лошади. В основном рабочим скотом считались волы и частично лошади. Лошади использовались также как средство транспорта при перевозке навоза, семян и продуктов сельского хозяйства.

Из материалов, собранных П. В. Позняковым в 1898 — 1899 гг., видно, что в 8 русских поселках (кроме Запорожского) в 1898 г. в общей сложности было 5819 голов скота, из которых крупного — 3383, а мелкого — 2439.[110] В среднем на каждый поселок приходилось более 423 голов крупного и по 305 голов мелкого скота. Однако не все хозяйства имели свой скот. По хозяйствам они распределялись следующим образом: в Николаевском лошадей не имели 33 двора, коров — 47 дворов, в Конногвардейском лошадей не имели 5 и коров — 5 дворов, в Романовском лошадей не имели 6, мелкого скота — 19 дворов, в Надеждинском лошадей не имели 6, коров 12, мелкого скота — 50 дворов, в Обетованном лошадей не имели 1, коров — 4 двора, в Верхне-Волынском лошадей не имели 5, коров — 3 двора, в Нижне-Волынском коров не имели 18, мелкого скота — 10 дворов. В 1898—1899 гг. количество скота в поселках колебалось. Если в Николаевском поселке 47 дворов не имели рогатого скота, что составляло 47,8% их, то в Конногвардейском лошадей не имели 38,4% дворов.[111] Наряду с ними, среди переселенцев были такие хозяйства, которые имели по нескольку тысяч голов мелкого скота. В других поселках были отдельные хозяйства, имеющие по 100 и более голов крупного рогатого скота и лошадей. Все это говорит о том, что в Ходжентском уезде шел усиленный процесс дифферен-

циации русского крестьянства. Одни хозяйства владели и крупным и мелким скотом, другие совсем его не имели.

Через некоторое время количество скота и число хозяйств, занимающихся скотоводством, несколько увеличилось. В 1909 г. во всех поселках насчитывалось 8447 голов скота, из них рогатого 5789 и мелкого — 2658.[112] Следовательно, количество скота в 1909 г. по сравнению с 1898 — 1899 гг. увеличилось на 2626 голов. В основном увеличение шло за счет образования новых поселков.

Местом выпаса скота, кроме притугайного побережья Сыр-Дарьи, в весенние месяцы (март—май) могла служить степь, покрытая зеленью. Остальные месяцы местом выпаса скота служили тугайные берега реки. Затем переселенцы по примеру местного населения стали угонять свой скот в предгорья Туркестанского хребта.[113] Для выпаса скота нанимали пастухов из среды переселенцев каждого поселка. Их труд оплачивался из расчета за каждую голову скота по 80 коп. деньгами и по 5 фунтов хлеба в год.[114]

Наряду с местной киргизской породой коров, содержали астраханскую и помесь киргизской с европейской породой. В результате продуктивность скота повысилась. Например, киргизская корова давала по 60—70 ведер молока в год, метисная — по 80—85. Излишнее молоко реализовалось на базарах. Из-за отсутствия сыроваренных и маслобойных предприятий вблизи русских поселков скотоводу приходилось продавать свои продукты в отдаленных городах — в Ташкенте и частично в Ура-Тюбе. Дальность базаров не давала крестьянам возможности полностью сбывать излишний товар, особенно в летний период года, когда из-за сильной жары часть молочных продуктов портилась. Поэтому крестьяне предпочитали из молока приготовлять творог, масло и сметану для продажи. Для этого ими использовались сепараторы. Во время ревизии К. К. Палена в русских поселках было зарегистрировано 85 сепараторов, 15 из которых были в Нижне-Волынском.[115]

Скотоводство, так же как и земледелие, не всегда шло удачно. Были случаи, когда в результате суровой зимы и бескормицы происходил массовый падеж скота. В приложении к отчету военного губернатора Самаркандской области за 1899 г. говорится: «По сравнению с 1898 г. в первых селениях количество скота уменьшилось на 1390 голов, что является прямым следствием бывшей в конце отчетного года суровой зимы и бескормицы, когда мелкий скот — овцы и козы гибли в значительном количестве, неся одинаковую участь

со скотом близлежащих кочевников-киргизов».[116] В этом русские переселенцы были в одинаковом положении с местными кочевниками.

До и во время сельскохозяйственных работ большая масса переселенцев была также занята и на каналах. Рабочим-землекопам платили очень мало, и поэтому работа шла медленно. Учитывая трудные ее условия и первоочередную важность, администрация вынуждена была несколько раз повышать зарплату. «В первоначальной смете, — пишет инженер путей сообщения А. Курсиш, — стоимость рабочего дня-землекопа была принята равною 60 коп. В действительности же в первые годы работ эта стоимость устанавливалась равною 80 коп., а потом, постепенно возрастая, в 1910 г. дошла до 1 руб. 20 коп.».[117] Как мы видим, крестьянину приходилось в течение четверти века (с 1885 по 1910 гг.) работать при очень низкой оплате труда. Однако самая высокая плата не могла в достаточной мере обеспечить семьи землекопов. Так, если в среднем каждая семья состояла из 5 человек, то при 1 руб. 20 коп. зарплаты на каждого члена семьи приходилось по 24 коп.

Кроме того, русские переселенцы работали на железной дороге, на заводах г. Ташкента и занимались различными видами ремесла (плотничное, столярное, кузнечно-слесарное, сапожное). Три последних вида занятий в поселках Голодной степи были очень слабо развиты из-за нехватки материалов, доставка которых ремесленникам обходилась очень дорого. Помимо того, крестьяне работали и на кирпичных заводах (вернее, печах), существовавших в Голодной степи. Более состоятельные переселенцы занимались привилегированным трудом, а менее состоятельные становились чернорабочими. Состоятельные переселенцы занимались мелкой торговлей, служили на опытном поле Голодной степи. Владея капиталом, они сами отказывались от земледелия, переходили на торговлю хлебом и скупали хлопок.

Таким образом, в жизни рабочих переселенцев Ходжентского уезда все крепче укоренялись капиталистические отношения, усиливался процесс разложения крестьянских хозяйств, часть которых стала широко использовать наемный труд сельских рабочих.

Между русскими переселенцами и местным населением шло широкое общение. В архивных документах немало фактов, подтверждающих, что, несмотря на усилия царизма и его чиновников разжечь национальную рознь между коренными жителями и пришельцами-русскими, переселенцы и

дехкане жили дружно, во многих случаях помогая друг другу. Взаимопомощь особенно была заметна в период стихийных бедствий. Так, дружба между киргизами и русскими крестьянами проявлялась в разных формах. Например, в 1885 г. жители г. Токмака, где в основном жили переселенцы, добровольно собрав 3 тыс. пудов хлеба, безвозмездно передали его киргизам, голодающим после массового падежа скота.[118] Такие факты взаимопомощи имели место и в других местностях Средней Азии. Например, когда началась первая мировая война, приносившая народу большие бедствия, большинство глав семей переселенцев были призваны в армию. Семьи их, оставаясь без рабочих рук, не могли своевременно убирать урожай, нуждались в помощи извне. Такую помощь могло оказать только местное население. В отчете военного губернатора Самаркандской области за 1915 г. говорится: «Семействам, призванным в войска, испытывавшим при уборке урожая недостаток в рабочих руках, посильную помощь оказывали соседи крестьян. Кроме того, на помощь этим семьям послано было 800 туземцев, которые за минимальную плату оказывали им свою помощь в уборке урожая. Благодаря этому уборка урожая семьям призванных в войска была своевременно закончена».[119] Как мы видим, нуждающимся в рабочих руках семьям переселенцев помогали не только их соседи — русские переселенцы, но и местные дехкане. Эти факты свидетельствуют о новых отношениях между переселенцами и дехканами. Подобные отношения могли сложиться в результате присоединения Средней Азии к России, заложившего фундамент дружбы между народами окраин с великим русским народом. После Великой Октябрьской социалистической революции эти отношения закрепились и стали братскими.

Этим колонизация окраин русскими крестьянами существенно отличается от колониальной системы Англии. Если колонизация окраин России, вопреки желаниям царизма и помимо его воли, привела к дружбе с местным населением, то в английских колониях мы этого не находим. Дело в том, что в английских колониях отсутствовало общение между трудовыми народом Англии и населением колоний. Непосредственными колонизаторами в этих странах были английские капиталисты, которые ради наживы и обогащения творили неслыханное беззаконие. Касаясь колониальной системы Англии, В. И. Ленин писал, что «нет конца тем насилиям и тому, грабежу, который называется системой английского управления Индией».[120]

5. КРЕДИТНЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА

Одним из признаков зарождения и развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве русских поселков Ходжентского уезда являются выдачи ссуд под будущий урожай и образование кредитных обществ. Выдача ссуд связывала непосредственного производителя с рынком. Дело в том, что крестьянин-переселенец, получая ссуду под будущий урожай, становился должником кредитора. Для того чтобы расплачиваться с долгами, он непосредственно обращался к рынку. Продукты сельского хозяйства, прежде всего хлопок, стали предметом продажи на базаре. Однако выдача ссуд, как уже упоминалось выше, стала одним из способов закабаления беднейшего крестьянства со стороны более зажиточного. Ссуды часто отпускались через посредников фирмы, которые, в свою очередь, давали их отдельным крестьянам при условии выплаты ее продуктами сельского хозяйства, главным образом хлопком, по установленным кредитором удешевленным ценам. Подобная раздача ссуд не могла не закабалить непосредственного производителя.

Для противодействия посредникам фирм в русских поселках были открыты кредитные товарищества, которых в поселках Ходжентского уезда насчитывалось 6. Во время статистико-экономического обследования 1914 г. действовало 5 таких товариществ — Надеждинское, Нижне-Волынское и Сретенское, образованные в 1912 г., Спасское и Конногвардейское, образованные в 1913 г.[121] Надеждинское кредитное общество, помимо поселка Надеждинского, обслуживало также поселки Романовский и Обетованный. Денежные обороты его за 1913 г. выразились в сумме 20 тыс. руб. Нижне-Волынское кредитное товарищество, кроме своего поселка, обслуживало и поселок Верхне-Волынский. Денежные средства его в 1913 г. выразились в сумме 12 тыс. руб. Спасское кредитное товарищество обслуживало только Спасский поселок. Касса его в 1913 г. исчислялась в 12 тыс. руб. Конногвардейское кредитное товарищество, помимо поселка Конногвардейского, обслуживало и Николаевский поселок. Обороты общества за 1913 г. выразились в сумме 5 тыс. руб. Сретенское кредитное товарищество, так же как и Спасское, обслуживало только свой поселок, и в 1913 г. средства его выразились в сумме 15 886 руб.[122]

Как мы видим, уже во второй год образования денежные обороты товариществ выражались в крупных суммах. Это говорит о том, что они охватили более половины жите-

лей поселков и широко кредитовали население. Например, Конногвардейское товарищество из 96 дворов зоны своего действия в 1914 г. объединяло 63 (65,6%), Надеждинское из 278—223 (80,2%), Верхне-Волынское — из 192—167 (87%), Спасское — из 253—238 (94,1%), Сретенское — из 173 — 146 (84,4%).[123] В среднем около 85% дворов всех поселков, которые находились в районе действия товариществ, были членами последних.

Помимо перечисленных, в русских поселках в 1914 г. намечалось образование Велико-Алексеевского кредитного товарищества.[124] Устав этого товарищества был утвержден в 1915 г.[125]

Большую роль в деятельности кредитных товариществ играл Государственный банк. Кредитное товарищество, беря в заем деньги в Госбанке, в свою очередь, раздавало их непосредственным производителям. Например, в 1914 г. Конногвардейское кредитное товарищество сделало заем в Госбанке на сумму 7 тыс. руб.[126] Таким образом, русские переселенцы через кредитные товарищества были связаны с Государственным банком.

Образование кредитных товариществ имело прогрессивное значение, так как кредит, по словам К. Маркса, «усиливает элементы разложения старого способа производства».[127]

В Сретенском поселке, наряду с кредитными товариществами, действовала также и ссудная касса. Источником капитала в этой кассе послужила сдача в аренду пустующих земель, принадлежавших обществу сретенцев, местному населению. В 1890 г. выручка за аренду составила 1 тыс. руб. После этого общество ходатайствовало перед областным правлением о разрешении открыть в поселке свою ссудную кассу. Самаркандское областное правление со своей стороны не препятствовало этому и ссудная касса была открыта в 1890 г.

Вновь открытая касса находилась в ведомстве 6 выборных лиц от членов общества. Порядок выдачи ссуд был следующий. Переселенец, нуждающийся в деньгах, подавал прошение в сельское общество. Последнее определяло выдаваемую сумму. Размер ссуды был от 5 до 15 руб. Ссудополучатель обязывался дать в пользу кассы 6% за полугодие от суммы ссуды.[128] Выдача ссуды производилась только «под поручительством более благонадежных хозяйств».[129] Ее в основном могли получать более состоятельные крестьяне. Бедные крестьяне не всегда могли пользоваться ссудой,

а те, которым удавалось получать ее, попадали в зависимость от состоятельных. Таким образом, порядок выдачи ссуд превратил ссудную кассу Сретенского поселка в один из источников эксплуатации крестьянства.

Следует отметить, что, несмотря на все эти отрицательные стороны, появление ссудной кассы способствовало развитию товарно-денежных отношений в русских поселках. Крестьянин для возвращения своих долгов прибегал к продаже излишних продуктов на базарах.

Функционирование ссудной кассы и кредитных товариществ, а также развитие товарного хозяйства в русских поселках Ходжентского уезда привели к образованию ряда базаров. Первый базар был открыт в Сретенском поселке в 1897 г. Это один из 26 базаров Самаркандской области.[130] В дальнейшем он расширился, и в 1914 г. о нем упомянулось как о большом базаре в Ходжентском уезде.[131] Торговали не только русские крестьяне, но и местные жители. Например, на Сретенском базаре торговал местный торговец из Ходжента Мирзо Нозим Касымов.[132]

Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений привело к образованию еще нескольких базаров в русских поселках. В 1912 г. базар был открыт в поселке Нижне-Волынском,[133] а в 1914 г. — в Романовском.[134] В отличие от Сретенского базара, на Нижне-Волынском главным предметом торговли вместо хлопка были продукты животноводства и хлеб. Базары во всех перечисленных поселках происходили в неделю один раз, по понедельникам. Другие поселки свои товары сбывали в основном на великокняжеском базаре в Голодной степи и в городах Чиназе, Ура-Тюбе и Ташкенте.

Таким образом, образование ссудной кассы, кредитных товариществ, а также выдача ссуд под будущий урожай в какой-то мере способствовали проникновению капиталистических отношений в сельское хозяйство Ходжентского уезда. С другой стороны, эти кассы и товарищества стали одним из источников закабаления крестьянской бедноты из русских переселенцев, разоряли маломощные крестьянские хозяйства, усиливали процесс дифференциации в поселках.

6. ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН

Русский крестьянин-переселенец, поселившийся в Средней Азии, отличался революционным духом, имел революционный опыт борьбы против нищеты и засилия, против царизма. В Ходжентском уезде переселение в основном было са-

мовольным, что может свидетельствовать о недовольстве крестьян порядками, господствующими в центральных областях России. Самовольное переселение было своего рода протестом существующего строя. Недовольство крестьян в уезде было связано с ухудшением их экономического положения. Одной из причин ухудшения положения переселенцев, кроме безразличного отношения властей к их устройству, были также непосильные государственные налоги, повинности и беспорядочные земские сборы. Из-за перемещения крестьян с одного места на другое казенная палата не имела точных сведений о количестве дворов, а также и о количестве земель, используемых русскими переселенцами. Представители администрации края без какого-либо основания в своих сведениях увеличивали количество земельных наделов, тогда как число жителей ими в большинстве документов сокращалось. Подобные действия администрации приводили к тому, что налоги год от года увеличивались, а платежная способность переселенцев сокращалась. Крестьяне могли вносить ежегодные налоги, но за ними все время оставались недоимки, сумма которых превосходила сумму годового налога. Например, в 1908 г. временная оброчная подать с русских поселков составляла 2831 руб. 85 коп., в 1910 г. — 2955 руб. 80 коп., а в 1911 г. — 3063 руб. 60 коп., земский сбор с них же в 1908 г. равнялся 212 руб. 89 коп., в 1910 г. — 236 руб. 47 коп., а в 1911 г.—666 руб. 45 коп.[135] А задолженность населения русских поселков к 1919 г. определялась 2831 руб. 85 коп. по оброчной подати и 212 руб. 89 коп. по земскому сбору, к 1911 г. она определялась соответственно 1036 руб. и 78 руб. 69 коп., а к 1913 г. — 4414 руб. 18 коп. и 1732 руб. 42 коп.[136]

Кроме того, налоги увеличивались еще и потому, что чиновники Переселенческого управления в своих донесениях давали казенной палате общее количество земли, относящееся к тому или иному поселку, не определяя ее пригодности к использованию поселянами. Например, в Надеждинском поселке по экспликации плана 1902 г. насчитывалось 5430 десятин земли, а именно: приусадебные участки, пашни, чистый выгон, выгон с кустарником и кочковатый с камышом, камыши, перелог земли под рекой, озером, арыками, оврагами, уступы, дороги, солонец, кладбище, т. е. включены были все виды земель, как удобных, так и неудобных.[137] Кроме того, по этому плану надеждинцам не была выделена орошаемая земля, где они могли заниматься успешно земледелием. Следовательно, основная часть вышеперечисленных

земель не была пригодна для сельского хозяйства. Тем не менее в 1902 г. переселенцы должны были внести: оброчной подати 1543 руб. 79 коп. и земского сбора 988 руб. 96 коп., всего 2523 руб. 75 коп.[138], т. е. налогом были обложены все виды земель. «С самого начала, в 1902 г., — пишет Пален,— крестьяне были обременены непосильным обложением: одной оброчной подати приходилось с каждого двора в поселке (т. е. Надеждинском.—*Н. К.*) около 65 руб.».[139] Поэтому во время сенаторской ревизии графа Палена за крестьянами Надеждинского поселка числились недоимки в сумме 6710 руб. 36 коп.[140] В таком же положении находились и другие поселки Ходжентского уезда. Например, за крестьянами Николаевского поселка было 649 руб. недоимок от оброчных податей и земского сбора, а в Романовском — 700 руб.[141]

Непосильные налоги не могли не привести к недовольству переселенцев. По этому поводу в архивах хранится многочисленная переписка. Касаясь этого вопроса, ходжентский уездный начальник 20 августа 1908 г. писал в канцелярию Самаркандского отдела сенаторской ревизии, что «обложение селения Надеждинского временной оброчной податью вызвало со стороны крестьян много возражений и по этому делу возникла обширная переписка».[142] Но казенная палата, не учитывая положения крестьян, дала указание о взыскании всех недоимок.[143]

Другим тяжелым бременем для переселенцев была очистка оросительных каналов и восстановление дамб, разрушаемых селевыми потоками в разгар полевых работ. Требовалось принятие экстренных мер. Собираемые с крестьян земские сборы для таких работ расходовались не по назначению. И тут, как и при борьбе с саранчой, все работы производилось крестьянами, иногда в принудительном порядке. Ходжентский уездный начальник полковник Лыкошин в своем предписании от 1 мая 1908 г. саватскому участковому приставу писал: «Если администрация канала императора Николая I будет еще продолжать работу по очистке этого канала, примите все зависящие меры к принуждению русского и туземского населения принять участие в этих работах за плату, о последующем донести мне».[144] Очистка канала происходила в разгар весенних полевых работ (в апреле и мае), и царская администрация принимала меры принуждения. Из этого донесения видно, что насильно привлекалось к работе и местное и русское крестьянство.

Ухудшение положения крестьян-переселенцев было связано также с налетами саранчи. Иногда такие налеты происходили повсеместно. В результате посевы полностью уничтожались и крестьяне оказывались в трудном положении. Например, в 1898 г. у крестьян Сретенского поселка саранчой было уничтожено 486 десятин 2074 сажени пшеницы, 60 десятин 249 саженей ячменя, 36 десятин 790 саженей овса, 29 десятин 136 саженей проса, 6 десятин 2190 саженей бахчевых культур, 3 десятины 800 саженей кунжута, 2 десятины 61 сажень картофеля, 23 десятины 1644 сажени хлопчатника, 600 саженей джугары, 1120 саженей гороха и 1600 саженей маша. Всего только за один год крестьяне понесли убытки в размере 664 десятин 1246 саженей посевов, что в денежном отношении составляло 9391 руб. 60 коп.[145] Не имея возможности бороться против саранчи, некоторые переселенцы вынуждены были бросить сельское хозяйство и заниматься мелкой торговлей или перевозкой навоза для удобрения полей. Такие случаи зафиксированы Позняковым в 1898—1899 гг. в поселке Сретенском.

Иногда налеты саранчи повторялись несколько лет подряд, о чем свидетельствуют многочисленные прошения о помощи. Администрация края недостаточно уделяла внимания борьбе с этими вредителями. В основном она ограничивалась мобилизацией на борьбу с ними жителей городов и селений. Подобное положение не могло не оказать отрицательного влияния на хозяйства. По словам очевидца, «одним из тяжелых бедствий народного хозяйства, которое посещает Самаркандскую область ежегодно в течение почти двадцати последних лет, является саранча (собственно, марокканская кобылка), борьба с которой, производящаяся главным образом натуральной повинностью — нарядом рабочих от населения, подрывает экономическое благосостояние, экономику его, так как отрывает рабочие силы населения в самую горячую пору земледельческих работ от хозяйственного дела, не терпящего отлагательств».[146]

7. НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Конец XIX и начало XX столетия для царской России явились периодом крупных политических событий. Центр мирового революционного движения переместился с Запада на Восток. Рабочий класс России был самым революционным классом в мире. Россия стала родиной ленинизма. Революционные рабочие России имели свою партию, партию

нового типа, которая выработала четкую самостоятельную политическую программу революционного пролетариата.

Крестьянство России в своей борьбе против классовых врагов шло рука об руку с рабочим классом. Образовался союз рабочего класса и крестьянства, авангардом которого был рабочий класс. Революционные выступления народных масс особенно усилились в начале XX в. Неизбежен был революционный взрыв. Такая обстановка не могла не беспокоить царизм, который, чтобы отвлечь внимание трудового народа от классовой борьбы, в январе 1904 г. поспешно начал войну с Японией. Однако эта война не остановила надвигающейся революции, а наоборот, ускорила ее. Подъем революционного движения в центральных районах России не мог не повлиять и на окраины страны. В Туркестанском крае происходили многочисленные выступления крестьянских масс, в которых принимали участие и крестьяне-переселенцы.

Большинство крестьян-переселенцев, особенно из самовольных, значительное количество которых жило в Ходжентском уезде, имело многочисленный опыт борьбы против царизма. На окраинах России они включились в активную борьбу против всякого произвола и беспорядка. Примером тому может служить такой факт. На плантациях Акционерного товарищества К. Кудрин и К°, организованном в Ходжентском уезде, работали местные мардикоры и русские переселенцы.[147] За трудодень они получали по 25 коп. и по одной лепешке, тогда как рабочий день продолжался 12 часов. Положение было невыносимым, и они совместно объявили забастовку. Число бастующих достигло более 800 человек,[148] что говорит о массовом ее характере.

Управляющий товариществом для подавления забастовки прибегнул к коварным методам. Он старался подкупить отдельных мардикоров, т. е. нанять штрейкбрехеров, и этим парализовать забастовку. Однако это ему не удалось. Тогда он обратился за помощью к администрации уезда.[149] Для подавления забастовки был послан военный отряд, с помощью которого она прекращена.[150]

Первые самостоятельные выступления крестьян-переселенцев Ходжентского уезда выразились в форме отказа от работ по очистке оросительных каналов и невыполнения приказаний администрации. Так, 12 декабря 1893 г. арык-аксакал Дальверзинской оросительной сети сообщал ходжентскому уездному начальнику, что для расширения арыка Хас-Яс Сретенское общество вовсе не выставило рабочих

и в дальнейшем выставлять не хочет. Через несколько дней, 16 декабря, Зимин телеграфировал уездному начальнику о том, что сретенцы совсем не выходят на чистку арыка.[151]

Русские переселенцы, пребывая в крае, совершили многочисленные «преступления», о которых с беспокойством писали в своих отчетах военные губернаторы. Так, в разделе «Народная нравственность» годового отчета за 1895 г. военного губернатора Самаркандской области генерал-лейтенанта Ростовцева говорится: «Развитие преступления не может быть отнесено на туземную среду и находится в несомненной зависимости от наплыва в города области из Европейской России, Закавказья, Хивы и Бухары рабочих и прочих привлеченных сюда весенними заработками на железнодорожных работах. Подтверждением этого положения служит тот факт, что в общем числе обвиняющихся было лиц, не принадлежащих к коренному населению, главным образом крестьян, 35%, таких же лиц, обвиняющихся с 1894 г., было 30%».[152]

Недовольство русских переселенцев вызывалось и самоуправством в распределении оросительной воды. «Управление земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае, — пишет А. В. Пясковский, — сообщало самаркандскому военному губернатору о том, что 9 марта 1904 года русские крестьяне селения Духовского, обнаружив, что в так называемый «казенный отвод» пропущена вода из канала для станции «Голодная степь» Среднеазиатской железной дороги, отправились сообща к головному сооружению станционного отвода и, разломав головную подпруду этого отвода, захватили всю воду в свой отвод; вместе с тем они заявили, что не позволят брать воду на станцию».[153] Переселенцы были недовольны действиями мелких чиновников, арык-аксакалов, мирабов, сельских старост, т. е. представителей царской власти на местах.

В начале XX в., особенно в годы первой русской буржуазно-демократической революции, крестьяне-переселенцы стали грозной силой, направленной против царизма. Царизму не удалось создать себе опору в борьбе против национально-освободительных и революционных выступлений. Русские переселенцы в Средней Азии, включая и Ходжентский уезд, показали себя как непримиримые классовые враги царизма. Поэтому царские власти приступили к контрмерам, отбирая в поспешном порядке винтовки у переселенцев.

Опасения правительства имели объективные причины. Среди русских переселенцев усиливались революционные брожения. Революционные идеи в первую очередь проникали в их среду, а затем и в среду местного населения. Большая часть переселенцев тесно была связана с центральными областями России. Через своих родственников они всегда были в курсе событий, происходящих в стране. В 1900 г. среди русских крестьян Конногвардейского поселка стали распространяться слухи о скором падении царизма, что расценивалось властями как государственное преступление. После окончания расследования стало известно, что распространителем их был Увар Ермоленко, который предсказал священнику Сретенского поселка смерть государя и воцарение Михаила Александровича, убийство последнего и установление в стране республики, где не будет ни царей, ни духовенства.[154] Несмотря на наивность таких слухов, сам факт их распространения говорит о том, что в среду переселенцев проникали демократические идеи.

В русских поселках происходили также крупные аграрные выступления. Например, в поселке Нижне-Волынском[155] 28 августа 1904 г. между крестьянами Ирджарской волости и переселенцами упомянутого поселка произошел спор из-за выгонов. Для урегулирования этого вопроса саватский участковый пристав поручик Афанасьев вместе с ирджарским волостным управителем выехали в Нижне-Волынский. По их прибытии в поселке начались открытые выступления крестьян. В рапорте саватского участкового пристава ходжентскому уездному начальнику подполковнику Глушановскому от 2 сентября 1904 г. говорится: «Из разных концов поселка сбегались люди с палками, видимо, ранее оповещенные о моем приезде в поселок, не разбирая, в чем дело, кидались на волостного управителя и меня, причем в общей гармонии голосов часто слышались возгласы касательно раздела земли (тугаев). Ясно было, что крестьянами этого поселка ранее был обдуман план беспорядка и насилия...».[156] Крестьянин Никифор Винярский с дубиной в руках кинулся на Афанасьева. Все это свидетельствует о том, что ненависть крестьян к царизму зародилась давно и была сильнее желания разрешить спор из-за участка воды или земли. Для расправы с повстанцами было выслано из состава 2-го уральского казачьего полка 15 конных казаков с тремя офицерами, во главе которых стоял помощник военного губернатора Самаркандской области генерал-майор Чернявский.[157] Прибыв в Нижне-Волынский 7 сентября 1904 г., они

быстро расправились с крестьянами. В рапорте военного губернатора Самаркандской области, и. д. туркестанского генерал-губернатора от 11 сентября 1904 г. говорится: «...Следствие в поселке Нижне-Волынском закончено успешно, двух главных виновных арестовали и отправили под конвоем на ст. Черняево, староста сменен, порядок в поселке восстановлен, и казаки возвращены обратно».[158]

Аграрные волнения в Нижне-Волынском были подавлены силами конных казаков. Причина волнений заключалась в необеспеченности землей и тяжелых условиях жизни переселенцев. Частые, порой случайные ссоры между крестьянами русских поселков и коренными жителями были лишь поводом к открытым выступлениям. Направив солдат и офицеров в поселок, администрация края серьезно оценила события в Нижне-Волынском поселке и расправилась с крестьянами со всей строгостью. Арест двух главных «виновников» еще раз подтверждает наши предположения о том, что идея оказания сопротивления зародилась у крестьян давно, они кипели ненавистью и встретили уездного начальника, как подобает. Вероятно, крестьяне имели своих руководителей, которых нам пока не удалось установить.

В дальнейшем подъеме народных волнений в Туркестане большое значение имели революционные выступления в центральных областях России. Революция 1905—1907 гг. оказала влияние и на крестьян русских поселков Ходжентского уезда. Огромный вклад в это вложили члены социал-демократической организации края, которые действовали здесь еще до революционных событий 1905—1907 гг.

Революционные выступления железнодорожников Ходжентского уезда, где работали передовые представители революционного рабочего класса под руководством Туркестанской группы РСДРП, влились в общий поток революционной борьбы. Весть о кровавых событиях 9 января 1905 г. дошла до Туркестана в феврале и марте, когда край был охвачен экономической забастовкой. Эти забастовки начались среди рабочих Среднеазиатской и Оренбургской железных дорог в Ташкенте. Они быстро распространились по всем железнодорожным станциям, в том числе были и на станции Черняево Ходжентского уезда.[159] Эти события вынудили железнодорожную администрацию пойти на уступки и установить 9-часовой рабочий день. «Эти движения (экономические стачки. — *Н. К.*), — пишет А. В. Пясковский,— явились фактически несколько запоздалым откликом на кровавое воскресенье в Петербурге».[160] Экономическая стачка

21 февраля 1905 г. на станции Черняево окончилась только подачей прошения об улучшении положения рабочих.

Более организованно и решительно выступили рабочие депо ст. Черняево в апреле 1905 г., когда руководство забастовкой перешло к Ташкентской группе РСДРП. Эта группа 2 апреля выпустила листовку «К рабочим Среднеазиатской железной дороги», в которой говорилось: «Прислушаемся же мы, рабочие Среднеазиатской железной дороги, к голосу русского пролетариата, зовущего нас на борьбу, прислушаемся и дружно присоединимся к нему, твердо став на путь борьбы с правительством, которое мешает нам бороться с капиталистами. Товарищи! Для улучшения своего положения мы не должны просить смиренно, как это делают рабочие депо Черняево, а должны дружно, бросивши работу, требовать от управления дороги, чего нам надо».[161] И рабочие депо Черняево, которые в период экономических забастовок железнодорожников в конце февраля 1905 г. ограничились лишь подачей прошения начальству об улучшении своего положения, быстро восприняли призыв ташкентских большевиков и уже с 9 апреля дружно забастовали».[162] Забастовка продолжалась до 15 апреля и приняла политический характер. Этот факт говорит о том, что только при помощи Ташкентской группы РСДРП рабочие депо станции Черняево выступили дружно, организованно и решительно.

Среди крестьян русских поселков и рабочих железнодорожных станций члены групп РСДРП действовали не только путем распространения листовок и прокламаций, но и через своих пропагандистов, которые имели постоянную связь с ними. Так, член Самаркандской группы РСДРП инженер В. Б. Дембовский, приезжая на станцию Черняево, разъяснял железнодорожным рабочим решения III съезда РСДРП[163] и держал рабочих в курсе событий, происходивших в центре.

Наряду с забастовочным движением рабочих железнодорожных станций, в русских поселках Ходжентского уезда продолжались крестьянские выступления.

Заведующий ирригационной системой канала Николая I в Голодной степи в своем рапорте от 2 марта 1907 г. доносил Управлению земледелия и государственных имуществ Туркестана, что в 1905 г. жители Николаевского поселка самовольно устраивали подпруды, поэтому вода шла в канале в малом количестве. Самовольное распределение воды крестьянами было одним из методов выражения недовольства администрацией края. Самоуправство крестьян Нико-

лаевского поселка продолжалось в течение ряда лет. Так, в том же рапорте говорится, что «27 февраля сего года (1907 г. — *Н. К.*). крестьяне села Николаевского, отстранив посланного мною стражника, самовольно раскопали дамбу канала у перепада и провели новый отвод в высокой насыпи».[164] Аналогичные выступления в Средней Азии в ноябре — декабре 1905 г. приняли всеобщий характер.

Всеобщая политическая стачка началась после кровавого события в ночь на 15—16 ноября, когда восстание гарнизона Ташкента было жестоко подавлено. Весть о кровавом событии быстро облетела край. В знак протеста всюду в центральных городах и на железнодорожных станциях происходили стачки. Ярким примером этого протеста могут служить события, происходившие на станции и в поселке Черняево. Черняевские рабочие после получения вести о событиях 15—16 ноября в Ташкенте активно включились в общеполитическую стачку. Рабочие станции и жители пристанционного поселка вышли на демонстрацию с красными флагами и с пением революционных песен. На второй день после объявления стачки, т. е. 18 ноября 1905 г., к стачечникам присоединились и нижние чины. С красными флагами и возгласами «Долой самодержавие» и пением «Дубинушки» демонстранты подошли к пристанционному поселку Черняево. Отличительной чертой стачечного движения на ст. Черняево было то, что всеми демонстрациями и выступлениями рабочих и солдат руководила группа РСДРП. Руководителями этой группы были большевики Дембовский и Малинин. До конца ноября поселок и станция Черняево находились под полным контролем железнодорожного стачечного комитета.[165] Когда стало известно, что из ст. Вревской казаки направились в сторону Черняево, во избежание кровопролития было принято решение не сопротивляться.[166]

Революционный 1906 год также не прошел бесследно для русских поселков Ходжентского уезда. Выше было сказано, что русские крестьяне Романовского поселка в 1906 г. самовольно перепрудили канал Николая I и не пускали воду в знак протеста против царских порядков.

Из материалов ревизии графа Палена выясняется, что события были на грани вооруженного столкновения между уездной администрацией и переселенцами. Только после увеличения нормы поливной воды было предотвращено кровопролитие.[167]

25 августа 1907 г. своим рапортом ходжентский уездный начальник донес в Самаркандское областное правление о

том, что крестьяне Надеждинского поселка на сельском сходе обсуждали вопрос об открытии канала Русалка и пуске воды на свои поля. За допущение обсуждения такого вопроса на сельском сходе старосте Надеждинского поселка был объявлен строгий выговор, а крестьяне были предупреждены, «что попытка их самовольно открыть арык повлечет строжайшее взыскание».[168]

Факты говорят о том, что противодействия русских крестьян продолжались и в 1907 г. и администрация края для предотвращения назревшего конфликта прибегала к угрозам и силе.

Самовольный захват воды продолжался и в последующие годы. Так, например, 27—28 мая 1913 г. военный губернатор Самаркандской области на прошение уездного начальника наложил следующую резолюцию: «Начальнику уезда и заведующему переселением переселенцев! Принять меры, чтобы самовольные ирригационные работы (устройство запруд — *Н. К.*) и захват воды были уничтожены».[169] Виновников предлагалось строго наказать.

Движение крестьян в русских поселках и рабочих железнодорожных станций Ходжентского уезда не прекратилось событиями 1905—1907 гг. Отдельные выступления русских крестьян происходили и в годы столыпинской реакции. Например, в апреле 1910 г. на ст. Голодная степь произошла забастовка рабочих, принимавших участие в истреблении саранчи. Они требовали повышения заработной платы и составления правильных расчетов.[170] Подобное происходило и среди жителей поселка Черняево. Однако эти выступления не были массовыми и носили частный характер. Например, 20 апреля 1912 г. саватский участковый пристав своим рапортом донес ходжентскому уездному начальнику следующее: «18 апреля 1912 г. казак Полтавской губернии Осип Яковлевич Маленко публично на базаре селения Черняево поносил императора России». За это Маленко был арестован и направлен в тюрьму г. Ходжента. В свою очередь, уездный начальник донес о случившемся прокурору Ташкентской судебной палаты.[171] Случай с Маленко может свидетельствовать о том, что в годы нового подъема революционного движения в России, особенно после расстрела рабочих на Лене, в Туркестане не было спокойно. Поэтому администрация уезда поспешно заключила Маленко в тюрьму, чтобы прекратить распространение «вредных его действий» среди других русских переселенцев.

Обстановка в русских поселках Ходжентского уезда в последующие годы была напряженной. Не случайно журнал общего присутствия Самаркандского областного правления от 24 октября 1914 г., касаясь вопроса об образовании волостей в русских поселках Ходжентского уезда и характеризуя отрицательные качества русских переселенцев, указал на моральную порочность, непослушание и самоуправство. Бороться с порочностью и недисциплинированностью населения невозможно за неимением волостных судов, путем наложения на провинившихся взысканий крестьянским начальником и без привлечения их к судебной ответственности. Но, указывалось далее, административно-карательная власть крестьянским начальникам предоставлена заведующим водворением скорее в целях поднятия их престижа, а не как средство борьбы с порочностью населения, так как заведующий водворением не может предусмотреть всех проступков и дисциплинарные взыскания, налагаемые последним, носят скорее случайный характер и обусловливаются его личным усмотрением. Наиболее верным и действенным средством борьбы с порочностью населения может служить только местный волостный суд.[172]

В эти же годы стали широко распространяться передовые революционные идеи. В 1914 г. Ходжентская почтово-телеграфная контора получила из Петербурга ежемесячный литературный, научный и политический журнал «Современный мир». В первых номерах его было напечатано несколько статей большевиков. Особенно интересным оказался мартовский номер, в котором была опубликована статья В. Ильина (В. И. Ленина). «Еще одно уничтожение социализма».[173] Люди, которые получали журналы со статьями большевиков и особенно В. И. Ленина были большевиками или придерживались большевистских идей. Они вели большую пропагандистскую работу среди населения. Естественно, одним из объектов их работы были русские поселки.

Наряду с распространением отдельных произведений В. И. Ленина, в Ходженте стали издаваться журналы прогрессивного характера. Одним из них был «Красное солнышко». Он издавался в период разгула столыпинской реакции, в 1909 г. Год выхода в свет журнала говорит о том, что прогрессивная общественная мысль действовала в уезде даже в самые трудные годы. Издатели «Красного солнышка» вели пропагандистскую работу среди широких слоев как местного, так и русского населения. Одним из издателей журнала был Георгий Маркиянович Рык-Богданико. Г. М. Рык-Бог-

данико родился в 1865 г. в Латвии, в крестьянской семье. «С 90-х годов, — пишет А. Дун, — Г. М. Рык-Богданико вел пропагандистскую работу в крестьянских и солдатских кружках, активно сотрудничал в прогрессивной печати. За это он неоднократно подвергался репрессиям, был судим».[174] Впоследствии он был участником установления Советской власти в г. Ходженте, ревностным пропагандистом идей Великого Октября в буржуазной Латвии. После возвращения в 1926 г. в СССР он стал работать в коллегиях окружного суда в г. Ходженте.

О задачах журнала на его страницах было сказано: «Редакция ставит на первое место интересы трудящегося класса как пришлого, так и местного населения».[175] Следовательно, журнал носил интернациональный характер. Насколько эти задачи, выполнялись, можно судить по его содержанию.

В рассказе «Шлемкина выдумка», напечатанном на страницах журнала, автор призывает людей объединиться и вместе *бороться против национальной розни, за дружбу и сплоченность* трудящихся разных национальностей.[176]

Большой интерес представляет стихотворение «Углекопы». В нем неизвестный автор старался показать силу рабочих шахтерских рук, которые могут разрушить не только каменные стены шахт, но и гнилую стену самодержавия:

Тук да тук... в борьбе упорной
Силой гору мы свернем,
Тронем камень непокорный,
Сдвинем сталью и огнем.
Тук да тук... в немую стену
Бей мозолистой рукой!
Упадешь — тебе на смену
Живо явится другой.[177]

В журнале печатались статьи по аграрному вопросу. Их авторы выражали недовольство результатами реформы 1861 г., говоря, что, несмотря на давность отмены крепостного права, крестьяне до сего времени не являются хозяевами своей земли.[178]

Издатели журнала стремились к тому, чтобы он стал достоянием широких народных масс. Поэтому среди крестьян его распространяли по низкой цене. Издание антиправительственного журнала было запрещено. Несмотря на запрещение журнала, Рык-Богданико не прекращал свою прогрес-

сивную деятельность. В 1915 г. им издана газета «Заря Туркестана».[179]

О событиях последующих лет достоверных сведений пока не обнаружено. Известно только, что в марте 1916 г. при станции Голодная степь имели место беспорядки, «которые были прекращены после вмешательства полиции».[180]

События в русских поселках и действия передовых представителей русского народа оправдывались. Существование русских поселков не могло не повлиять и на местное крестьянство. Движение среди переселенцев имело огромное значение в повышении революционной сознательности местного населения. По примеру русских крестьян местное крестьянство начало делать самовольные перепруды. Например, сретенский мираб 5 октября 1892 г. донес ходжентскому уездному начальнику, что жители аула Каль самовольно перепрудили арык и отвели воду на свои участки.[181]

Все это свидетельствует о том, что во время революции 1905—1907 гг. в России рабочие и крестьяне Туркестанского края не оставались в стороне. Они боролись доступными им методами.

Некоторая пассивность по сравнению с центральной Россией может объясняться отдаленностью края от центра революционных событий, слабостью социал-демократических организаций, разбросанностью русских поселков, малочисленностью рабочего класса и слабостью связей с местным населением.

Главной причиной аграрных волнений являлась необеспеченность крестьян орошенными землями и водой. Поэтому волнения эти были локальными: если в одних поселках крестьяне выступали за обеспечение их землей, то в других они боролись за оросительную воду. У переселенческих крестьянских масс не было единого плана действий. Борьба их в основном была направлена против царских администраторов, мелких чиновников и др. Союз крестьянства и рабочих не был еще прочным. Организованная работа намечалась в крупных городах и на железнодорожных станциях, где была сосредоточена главная масса рабочих.

Задолго до начала революции в Туркестанском крае образовались социал-демократические группы, члены которых руководили революционными выступлениями рабочих. В результате борьба рабочего класса приобрела политический характер. На отдельных железнодорожных пунктах, таких, как станция Черняево, руководство движением целиком находилось в руках железнодорожных комитетов, созданных

большевиками. В целом авангардом в революционных выступлениях 1905—1907 гг. в Туркестане был рабочий класс, за ним шли многочисленные крестьянские массы.

8. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Русские крестьяне-переселенцы в основном были неграмотными. Это устраивало правительство, которое стремилось держать народ в темноте и невежестве. Не во всех поселках были открыты школы. А там, где они функционировали, программа обучения строилась согласно с целями и порядками царизма, установленными в крае.

Здесь были открыты начальные приходские школы. Такие училища в России существовали еще в 1804 г. и действовали до 1917 г. Они находились при церковных приходах и предназначались только для «низших» сословий. Учебная программа их была несложной и несколько раз изменялась. В первый год образования в Ходжентском уезде имелись школы одноклассные (с трехлетним курсом обучения) и двухклассные (с пятилетним курсом обучения). По некоторым сведениям, в уезде действовали первые.

Первая школа была открыта в поселке Сретенском в 1891 г.[182] К 1909 г. их насчитывалось до 7: кроме Сретенского приходского училища, школы открыты в Надеждинском, Николаевском, Романовском, Конногвардейском, Нижне-Волынском и Спасском.[183] В 1912 — 1916 гг. школы открывались и в других поселках Ходжентского уезда. Теперь их насчитывалось 10, из которых 2 функционировали в Спасском поселке.

В каждом училище был заведующий, учитель или учительница и один законоучитель. Последним мог стать только священник, в исключительных случаях — заведующий училищем. Жалованье учителям назначалось 360 руб. в год, или 30 руб. ежемесячно. Заведующему назначалось жалованье 500 руб. в год, включая 100 руб. за преподавание закона божьего, каждому священнику-законоучителю — от 100 до 120 руб. в год.[184] Из них удерживали на пенсии: у заведующего ежемесячно по 2 руб. 50 коп., у учителя по 1 руб. 80 коп., у законоучителя 60 коп., или 6% жалованья. Часто бывали случаи, когда жалованье учителям не давали несколько месяцев. Например, инспектор училища Самаркандской области донесением от 8 марта 1914 г. сообщил ходжентскому уездному начальнику, что служащие Надеждинского поселка ни за январь, ни за февраль 1914 г. не получили своего содержания и что он просит о быстрейшей вы-

плате такового.[185] Подобное имело место и в приходском училище Верхне-Волынского в феврале 1916 г.

Кроме названных школ, в Ходжентском уезде при железнодорожных станциях были открыты и железнодорожные начальные школы. Одна из них находилась при станции Черняево, в двух классах которой обучались 75 учеников.[186] Это в основном были дети железнодорожных рабочих.

Преподавание в школах было поставлено очень плохо. Преподаватели приходских училищ были малограмотными. Кроме отдаленности края, здесь сказывалась незаинтересованность царизма в просвещении народа. Малограмотность учителей и пороки программы обучения не давали возможности ученикам получить необходимое образование. Занятия в классах проводились без всякого надзора со стороны директоров училищ или уездной администрации. Посещаемость учеников не контролировалась. Теснота школьных зданий не позволяла полностью охватить обучением всех детей школьного возраста. В каждом классе занималось по 50 детей обоего пола, что не соответствовало педагогическим требованиям. Иногда в классах было 70 учеников вместо 30. Некоторые из них из-за тесноты помещения сидели в коридорах.[187] В зимнее время школьные здания не всегда отапливались, что не могло не повлиять на посещаемость детей. Иногда сами родители не хотели пускать детей в школу, жалуясь на недоброкачественные уроки учителей. А. А. Половцев пишет, что в Сретенском поселке в 1891 г. 15 учеников оставались вне школы по причине того, что учитель плохо учил и родители не пускали их в школу.[188]

В приложении к отчету военного губернатора за 1909 г. говорится, что в 7 приходских училищах русских поселков Голодной степи училось всего 167 учеников (вместе с Федоровским поселком Катта-Курганского уезда)[189], тогда как детей школьного возраста здесь насчитывалось 297—167 мальчиков и 130 девочек. Следовательно, 130 детей остались вне школы.

В основном детей обучали рукоделию (преподавателями были преимущественно женщины) и законам религии. Только в начальных железнодорожных школах преподавали арифметику. Уроки длились 2 часа и более без перерыва. По этому поводу газета «Самарканд» писала: «Учеников в двух классах уже набралось 75, есть учитель и учительница. Дела идут хорошо, только дети наши что-то очень долго засиживаются в школе. Туда идут в 8, а приходят в три часа. Как будто немножко много науки для наших малышей.

Правда, детям совсем не задают уроков на дом, это, вероятно, не во многих учебных заведениях можно встретить. Да и нельзя задавать на дом, другому негде и учить, когда 2—3 семьи помещаются в одной казарме. Подчас, неизвестно почему, классные уроки затягиваются; бывает, что $1^1/_2$ — $2^3/_4$ часа дети заняты одним и тем же предметом без передышки. Особенно для таких предметов, как арифметика, например, это слишком продолжительное напряжение внимания, и лучше бы избегать столь длинных уроков».[190]

Уроки были очень скучными, и дети во многих случаях оставляли школу.

Таким образом, царизм, создавая в русских поселках приходские училища, старался ограничить преподавание законом божьим. Однако создание начальных школ при железнодорожных станциях, где преподавали также арифметику, имело большое значение.

ПРОГРЕССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКИХ ПОСЕЛКОВ В ХОДЖЕНТСКОМ УЕЗДЕ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России посвящены многочисленные монографии, статьи и выступления советских историков. Об этом говорится в трудах Б. Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении», С. А. Раджабова «Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии», З. Ш. Раджабова «К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с русским народом», в коллективных трудах «История таджикского народа», т. 2, ч. II. «История Узбекской ССР», т. 1, ч. II, и др. Поэтому в нашу задачу не входит всестороннее рассмотрение этого вопроса. В этом разделе мы касаемся прогрессивной роли русских крестьян-переселенцев в Ходжентском уезде.

Образование русских поселков в Ходжентском уезде имело прогрессивное значение в экономическом, политическом, культурном и бытовом отношениях.

Русские крестьяне-переселенцы внесли известный прогресс в сельское хозяйство. С появлением русских поселков в Голодной степи появился ряд новых экономических районов, расширилась площадь обрабатываемых земель, получили дальнейшее развитие производительные силы Ходжентского уезда. Были проведены оросительные каналы, такие, как канал Николая I и Романовский. Последний был проложен на основе инженерных расчетов, которые не были известны местному населению. Оросительные мероприятия царизма не имели филантропических намерений, а были связаны с его колониальной политикой в Средней Азии. Но несмотря на это, факт сооружения каналов имел положительное значение.

Переселение русских крестьян в Ходжентский уезд имело важное экономическое значение. Русские переселенцы не только просто заседали на испокон веков отрабатываемых землях местного населения и занимались сельским хозяйством, им приходилось поднимать такое степное пространство,

как Голодная степь. Огромное пространство Голодной степи, площадь которой составляет свыше 10 тыс. кв. верст, имело экономическое значение только в короткое время года (март — май), а в остальное время степь выглядела как безжизненное пространство. Один из русских исследователей так описывает Голодную степь: «Залегая между западными отрогами горной системы Тянь-Шаня на севере и Памиро-Алтая на юге, Голодная степь представляет обширное, площадью свыше 10 тыс. кв. верст, почти совершенно равное пространство, которое на северо-западе постепенно переходит в песчаную пустыню Кызыл-Кум, а на юго-востоке, у Ходжента, сливается с Ферганской долиной. Почва Голодной степи состоит из темно-серой глины; местами попадаются солонцы. Вода получается исключительно из колодцев и при этом почти всегда солоноватая или соленая. В летнее время Голодная степь представляет сожженную солнцем, мертвую, желто-серую равнину, которая при палящем зное и полном отсутствии жизни вполне оправдывает свое название. Раннею весною картина степи совершенно изменяется; благодаря запасам влаги в почве и перепадающим дождям, она покрывается зеленой травой, зарослями гигантских зонтичных и цветами, наполняется мириадами птиц, черепах и других животных и служит приютом для стад кочевников, находящих здесь обильный корм после зимней голодовки. Но недолго жизнь кипит ключом в Голодной степи; уже в мае трава желтеет, краски блекнут, стада угоняются в пески, улетают птицы, черепахи прячутся по норам и степь снова обращается в безжизненное, спаленное солнцем пространство, на горизонте которого вырисовываются едва заметные в раскаленном воздухе, далекие снежные пики. Здесь и там разбросанные кости верблюдов и лошадей и разметанные ветром куски стеблей зонтичных, похожие на кости, еще более усиливают гнетущие впечатление, производимое в это время Голодной степью».[191]

Русские переселенцы, заселяя это «безжизненное, спаленное солнцем пространство», вложили большой вклад в развитие производительных сил уезда, основали ряд новых экономических районов.

Русские переселенцы ввели в уезде новый сельскохозяйственный инвентарь. До прихода их среди местного населения не были известны железные плуги, пропашники, окучники, жатвенные машины, бороны системы зиг-заг, веялки, сортировки и др. Русские переселенцы в процессе своей трудовой деятельности знакомили местное население с метода-

ми пользования этим инвентарем. Постепенно эти орудия труда появились в хозяйстве местных крестьян. В одном из архивных документов мы читаем: «Из реальных итогов агрономической деятельности нужно отметить прежде всего появление со стороны туземного населения спроса на сельскохозяйственные машины и на искусственные удобрения».[192]

Русские крестьяне культивировали также новые виды сельхозкультур, таких, как картофель, клубника, смородина и малина.[193] Эти культуры в конце XIX и в начале XX вв. появились в хозяйстве коренных жителей. «В XIX в., — пишет С. А. Раджабов, — картофель выращивался преимущественно в хозяйствах русских переселенцев, но сначала XX в. картофель все в больших масштабах стал возделываться и в хозяйствах местного населения».[194]

Культура сахарной свеклы, широко распространенная в хозяйствах русских поселков Ходжентского уезда (особенно в Спасском поселке), также быстро распространилась и среди хозяйств местного населения. Сам факт открытия Кавучинского сахарного завода, которому переселенцы продавали сырье, говорит о широком распространении этой культуры.

С приходом русских, стал широко использоваться передовой опыт в сельском хозяйстве, особенно в хлопководстве Средней Азии, в том числе и Ходжентского уезда. Непосредственно вблизи русских поселков в Голодной степи были организованы хлопковые опытные станции. Одной из таких опытных станций была Голодностепская, которая стала широко распространять американский сорт хлопчатника. Впоследствии для всестороннего изучения сельскохозяйственного опыта Голодностепского района при той же станции в 1914 г. был организован ряд отделов и подотделов станции: химический, хлопководческий, селекционный, энтомологический и испытательно-ирригационный.[195] Для ознакомления населения с усовершенствованными приемами хлопководства в хозяйствах русских крестьян Ходжентского уезда и местного населения — в 1914 г. действовало 97 показательных участков.

Русские крестьяне-переселенцы на своих полях стали применять химические удобрения, такие, как суперфосфат, а также ядоматериалы, обсыпку виноградников серой, которая дала возможность предохранить их от болезней. Этот опыт также начал распространяться среди местного населения, в результате чего крестьяне стали получать более высокие урожаи.

Широкая кампания, начатая русскими учеными по изучению истории Средней Азии, не могла не привлечь местных жителей. Помощниками русских ученых всегда были представители местного населения. Из среды местных жителей выходили отдельные знатоки наук, которые работали рука об руку с русскими учеными. Например, русскому ученому Н. И. Веселовскому помогали археолог и собиратель древностей, узбек Акрамов, самаркандской купец Мирза Бухари и др.[196]

Влияние русских переселенцев Ходжентского уезда сказывалось не только в сельском хозяйстве и культуре, но также и в быту. Некоторые русские поселки были расположены вблизи кишлаков. Иногда русские и местные крестьяне жили вперемешку. В 1900 г. только в одном Николаевском поселке жило 14 человек из местного населения.[197] Это дало им возможность близко ознакомиться с жизнью и бытом русских переселенцев. Они стали осваивать типы жилищ русских крестьян. Архитектура русских поселков оказала соответствующее влияние на строительную деятельность таджикских и узбекских мастеров-зодчих.

Со своей стороны, русским переселенцам также приходилось многому учиться у местного населения. Они заимствовали у него методы ведения поливного хозяйства. В русских поселках широко стали распространяться каркасные дома, более приемлемые в условиях Средней Азии. Для строительства таких домов привлекались местные мастера-строители, которые передавали свой опыт русским мастерам. В употреблении русских переселенцев появились теша, кетмень и др.

Более широкому развитию отношений русских крестьян и местного населения на основе экономических взаимовыгод мешала колониальная политика царизма. Царизм не мог полностью использовать производительных сил края. Особенно это было заметно в его оросительных мероприятиях. В этом деле можно было добиться более крупных успехов, чем существующее положение. Только при Советской власти орошение новых земель стало всенародным делом. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин уделял большое внимание орошению Голодной степи. В мае 1918 г. был издан декрет об оросительных работах в Туркестанском крае, где говорится: «Утвердить план работ по увеличению обеспечения русской текстильной промышленности хлопком, заключающийся в орошении 50 тыс. десятин (545 тыс. га) Голодной степи».[198]

В дальнейшем партия и правительство также большое внимание уделяли орошению Голодной степи. В 1940 — 1941 гг. Романовский канал был удлинен на 115 км, в результате чего оросительная способность его достигла 44,8 тыс. га против 12,6 тыс. га в 1914 г. С этого времени он стал называться каналом им. Кирова. 14 июня 1958 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем расширении и ускорении работ по орошению и освоению земель Голодной степи». Согласно этому постановлению орошаемая площадь земли должна была достичь 380 тыс. против 300 тыс. га.

На базе этих мероприятий в Голодной степи появился ряд новых хлопководческих районов, таких, как Гулистанский, Сыр-Дарьинский и Пахтааральский. В 1963 г. в Узбекской ССР была образована новая, Сыр-Дарьинская область с центром в Гулистане. В годы Советской власти такие новые хлопководческие районы появились и в таджикской части Голодной степи. Например, поселок Зафарабад. Принятые меры позволили Мирзочул (Голодная степь) превратить в Гулистон (Цветущий край). Таких успехов советские люди достигли благодаря мудрой ленинской национальной политике.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] П. Г. Галузо. Туркестан—колония. Ташкент, 1935.

[2] А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959.

[3] В. И. Ленин. ПСС, т. 3. М., 1958. (Далее ссылки на 5-е изд-е).

[4] Там же, т. 7.

[5] Там же, т. 16.

[6] Там же, т. 17.

[7] Там же, т. 21.

[8] Там же, т. 23.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] А. А. Половцев. Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб., 1898.

[12] П. В. Позняков. Русские поселки в Голодной степи Самаркандской области в 1898—1899 гг. В кн. Справочная книжка Самаркандской области, вып. 7. Самарканд, 1902.

[13] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910.

[14] Н. Гаврилов. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестанском крае осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911.

[15] П. Скрыплев. Хлопководство и русские переселенцы. Сб. Вопросы колонизации, № 12. СПб., 1913.

[16] А. В. Кривошеин. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край. Сб. Вопросы колонизации, № 12. СПб., 1913.

[17] В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 35.

[18] В. Ф. Караваев. Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Статистическо-экономический очерк (по исследованиям 1914 г. составил В. Ф. Караваев). Пгр., 1914.

[19] А. Курсиш. Голодная степь. Очерк работ по орошению северо-восточной ее части. СПб., 1913.

[20] Орошение в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. СПб., 1910 (в дальнейшем «Орошение в Туркестане»).

[21] Первый поселок Велико-Алексеевский на землях орошаемых систем Романовского канала. По данным статистико-экономического об-

следования Переселенческого управления. Сб. Вопросы колонизации, № 12. СПб., 1915.

[22] В. И. Масальский. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. 19. Туркестанский край. СПб., 1913.

[23] А. А. Кауфман. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

[24] Там же, стр. 262.

[25] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1913 (отд. оттиск ГУЗ и З). СПб., 1914; его же. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963.

[26] П. Н. Шарова. Переселенческая политика царизма в Средней Азии. Ист. зап., № 8, 1940.

[27] А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период); его же. К истории дореволюционного орошения Голодной степи. Уч. зап. Ташкентск. гос. пед. ин-та им. Низами, 6, 1957.

[28] С. А. Раджабов. Присоединение Средней Азии к России. В кн. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959; его же. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955, и др.

[29] А. В. Пясковский. Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России. В кн. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959; его же. Революция 1905 — 1907 гг. в национальных районах России. М., 1955; его же. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958.

[30] П. А. Шмачков. Роль русских крестьян-переселенцев в развитии сельского хозяйства Туркестана (1867—1917). Вестн. Кара-Калпакск. филиала АН Уз. ССР, № 1 (3). Нукус, 1961; его же. О дружбе русских переселенцев и дехкан Туркестана (1867—1917). Тр. Самаркандск. гос. ун-та им. Алишера Навои, вып. 101, ч. 2. Самарканд, 1960; его же. Крестьянское переселение в Туркестан (1867—1917). Автореф. канд. дисс. М., 1962.

[31] М. Бабаханов. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве северных районов Таджикистана в конце XIX и начале XX веков. Сб. Из истории Таджикистана, вып. 1. Душанбе, 1957.

[32] С. А. Стеценко. Зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Ходжентского уезда. В кн. Вопр. истории Таджикистана, т. 1. Душанбе, 1957.

[33] И. А. Стеценко. Из истории народных движений в Таджикистане в конце XIX и начале XX вв. (1870—1917). Душанбе, 1963.

[34] П. Д. Верещагин. Об объективно прогрессивном значении переселения крестьян в Среднюю Азию и Казахстан. Уч. зап. Могилевск. гос. пед. ин-та, вып. 2. Минск, 1956; его же. Переселенческая политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции. Автореф. канд. дисс. М., 1951.

[35] История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947.

[36] Б. Д. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959.

[37] С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963.

[38] А. Ф. Лачко. Аграрная политика царизма в Киргизии в годы столыпинской реакции. Автореф. канд. дисс. Л., 1961.

[39] Б. Сулейманов. Аграрный вопрос в Казахстане. Последняя треть XIX — начало XX в. Алма-Ата, 1963.

[40] А. Б. Геллер. Переселенческая политика и колонизация Казахстана в XX в. (по материалам Семиреченской области). Автореф. канд. дисс. Л., 1954.

[41] А. П. Фомченко. Русские поселки в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958.

[42] П. Д. Верещагин. Об объективно прогрессивном значении переселений крестьян в Среднюю Азию и Казахстан, стр. 57.

[43] Г. Галузо. Ук. соч.

Глава I

Переселенческая политика царизма в Средней Азии

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 327.
[2] История народов Узбекистана, т. 2, стр. 339.
[3] Там же.
[4] История народов Узбекистана, т. 2, стр. 339.
[5] Е. М. Брусникин. Переселенческая политика царизма в конце XIX века. «Вопросы истории», № 1, 1965, стр. 32.
[6] М. Михайлов. Забытые вопросы. «Туркестанские ведомости», № 12, 1882.
[7] Е. М. Брусникин. Ук. соч., стр. 36.
[8] Там же.
[9] Там же, стр. 37.
[10] Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, стр. 77.
[11] В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 327.
[12] Сб. Вопросы колонизации, № 7. СПб., 1910, стр. 442.
[13] А. А. Кауфман. Переселение и колонизация. СПб., 1905, стр. 218.
[14] В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 68.
[15] В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 326.
[16] История народов Узбекистана, т. 2, стр. 343, 348.
[17] В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 265.
[18] В. И. Ленин, ПСС, т. 23, стр. 265.
[19] Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во 2-й половине XIX в., ч. I. Душанбе, 1962, стр. 185.
[20] Там же, стр. 186.
[21] Объяснение Б. И. Искандарова.
[22] ЦГВИА, ф. 400. Главный штаб по азиатской части, д. 1 за 1866 г. л. 10; цит. по Б. И. Искандаров. Ук. соч., стр. 190.
[23] Б. И. Искандаров. Ук соч., стр. 202.
[24] В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 186.
[25] В. И. Масальский. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. 19. Туркестан. СПб., 1913, стр. 320—321.
[26] В. В. Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, стр. 319.
[27] В. И. Масальский. Ук. соч., стр. 320—321. По утверждению В. В. Бартольда, там жило не 15 тыс., а 14 413 человек обоего пола (В. В. Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1, стр. 321).
[28] В. В. Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1, стр. 321.
[29] В. В. Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1, стр. 321.
[30] ЦГИАЛ, ф. 954, оп. 1, ед. хр. 120, лл. 1—3.
[31] ЦГИАЛ, ф. 954, оп. 1, ед. хр. 120, лл. 1—3.
[32] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа (в кратком изложении), т. 1, изд-е 3-е. М., 1955, стр. 428.
[33] ООА, ф. 6, оп. 17, ед. хр. 129, б, л. 20.

[34] История народов Узбекистана, т. 2, стр. 341.

[35] А. А. Половцев. Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае, стр. 94.

[36] ЦГА Уз. ССР, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 14157, л. 1.

[37] Там же, л. 6.

[38] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 96.

[39] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 172.

[40] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 96.

[41] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 173.

[42] Там же, стр. 174.

[43] М. Мирзоев. Амляковая форма феодальной собственности в Бухарском ханстве. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1954; И. Джалилов. Основные черты земельного права дореволюционного Туркестана. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1960.

[44] А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929; А. Мухтаров. Очерк истории Ура-Тюбинского владения XIX в. Душанбе, 1963; Материалы по истории Ура-Тюбе. М., 1963 (сборник актов XVII—XIX вв. Составитель А. Мухтаров) см. предисловие.

[45] А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), стр. 95.

[46] История народов Узбекистана, т. 2, стр. 341.

[47] Там же, стр. 342.

[48] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 14 780, л. 12.

[49] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 9, л. 1.

[50] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 14 780, л. 12.

[51] В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 175.

[52] Обзор Сыр-Дарьинской области за 1893 г. Ташкент, 1895, стр. 47—48.

[53] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 136.

[54] Обзор Сыр-Дарьинской области за 1895 г. Ташкент, 1897, стр. 42—43.

[55] Там же.

[56] Об этом подробно см. П. Н. Шарова. Переселенческая политика царизма в Средней Азии. «Ист. зап.», № 8, 1940, стр. 18—19.

[57] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 179.

[58] *Материалы по обследованию переселенческого хозяйства* в Туркестанском крае. Опыт определения нормы надела переселенцев, по данным исследования селений Черняевского, Кауфманского и Константиновского Ташкентского уезда. Агроном В. И. Юферев. Ташкент, 1907, стр. 5.

[59] Материалы Всероссийских переписей 1920 г., ч. 1, вып. 5, Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924, стр. 7—8.

[60] См. Материалы Всероссийских переписей, ч. 1, вып. 2. Поселенные итоги Аму-Дарьинской области. Ташкент, 1923; Сельское население Ферганской области, вып. 4. По материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1924.

[61] Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. П. А. Скрыплев. Ташкент, 1909, стр. 15.

[62] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 1520, л. 17, 18.

[63] Там же, оп. 1, ед. хр. 624, л. 6.

[64] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 180.

[65] Там же.

[66] Н. Гаврилов. Ук. соч., стр. 7.

[67] История народов Узбекистана, т. 2, стр. 341.

[68] П. Н. Шарова. Ук. соч., стр. 4.

[69] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 181—182.
[70] Там же.
[71] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 184, л. 366.
[72] М. Ю. Юнусходжаева. *Из истории землевладения в Туркестане.* Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1964, стр. 8.
[73] История СССР, ч., 2, Учебник для педагогических институтов М. 1964, стр. 261.
[74] П. Н. Шарова. Ук. соч., стр. 5.
[75] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1867, л. 146.
[76] Там же.
[77] Там же, л. 149.
[78] Н. Гаврилов. Ук. соч., стр. 15.
[79] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 190.
[80] П. Н. Шарова. Ук. соч., стр. 5.
[81] В. В. Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1, стр. 325.
[82] Там же (примечание).
[83] История народов Узбекистана, т. 2, стр. 343.
[84] *К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 209.*
[85] Там же.
[86] Там же, стр. 217.
[87] Н. Гаврилов. Ук. соч., стр. 13.
[88] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, ед. хр. 458, лл. 136—137.
[89] В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 103.
[90] Обзор Самаркандской области за 1895 год. Самарканд, 1896. стр. 47.
[91] Там же.
[92] П. Н. Шарова. Ук. соч., стр. 20.
[93] В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 104.
[94] Государственная дума, второй созыв. Стеногр. отчеты. 1907 г., сессия вторая, т. 2, заседание 31—53. СПб., 1907, стр. 1106.
[95] Подробно см. П. Н. Шарова. Ук. соч., стр. 7—9.
[96] *П. Г. Галузо. Ук. соч., стр. 159.*
[97] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб., 1909, стр. 10.
[98] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 224, 237.
[99] Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанском крае в 1912 г. Сб. Вопросы колонизации. № 12. СПб., 1913 (в дальнейшем «Записка...»); В. Вощинин. Очерк нового Туркестана, свет и тени русской колонизации. СПб., 1914.
[100] Записка..., стр. 337.
[101] Там же, стр. 338.
[102] Там же, стр. 346.
[103] Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сб. законов и распоряжений. Составил В. П. Вощинин. Под ред. Г. В. Чиркина. Пгр., 1915, стр. 40.
[104] В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 153.
[105] Там же.
[106] П. Н. Шарова. Ук соч., стр. 31.
[107] П. А. Шмачков. Крестьянское переселение в Туркестане (1867—1917 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1962, стр. 11, 13.
[108] Там же, стр. 6.
[109] Там же.
[110] В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 405.
[111] П. Д. Верещагин. Переселенческая политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции. Автореф. канд. дисс., М., 1951, стр. 11.

Глава II

Образование русских поселков в Ходжентском уезде

[1] А. Курсиш. Голодная степь. Очерк работ по орошению северо-восточной ее части. СПб., 1913, стр. 4.

[2] М. Ю. Юнусходжаева. Из истории землевладения в Туркестане, стр. 9., А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), стр. 228.

[3] В. В. Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1, стр. 326.

[4]. Орошение в Туркестане, стр. 475.

[5] ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 17, ед. хр. 69, лл. 25—26, 46, 52.

[6] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 37.

[7] М. Ю. Юнусходжаева. Ук. соч., стр. 12.

[8] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, ед. хр. 99, л. 59.

[9] Орошение в Туркестане, стр. 468.

[10] А. Курсиш. Ук. соч., стр. 16.

[11] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, ед. хр. 99, л. 68.

[12] А. Курсиш. Ук. соч., стр. 17.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), стр. 231.

[16] А. Курсиш. Ук. соч., стр. 34.

[17] Известия Туркестанского отдела Императорского русского географического общества, т. 10, вып. 1. Ташкент, 1914, стр. 250.

[18] Материалы по производительным силам Узбекистана, вып. 16. Ташкент, 1964, стр. 8.

[19] Там же.

[20] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2054, л. 20.

[21] ЦГИАЛ, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 777, л. 102.

[22] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2054, л. 30.

[23] Материалы по производительным силам Узбекистана. вып. 16. Ташкент, 1964, стр. 8.

[24] ЦГИАЛ, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 777, л. 102.

[25] А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), стр. 234.

[26] З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. Душанбе, 1957, стр. 230.

[27] Азиатская Россия. Изд-е Переселенческого управления землеустройства и земледелия, т. 2. СПб., 1914, стр. 231.

[28] В. Ф. Караваев. Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Статистико-экономический очерк (по исследованиям 1914 г. составил В. Ф. Караваев). Пгр., 1914.

[29] П. В. Позняков. Русские поселки в Голодной степи Самаркандской области, вып. 7. Самарканд, 1902.

[80] В. Ф. Караваев, Ук. соч., стр. 92.
[81] П. В. Позняков. Ук. соч., стр. 4.
[82] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 92.
[83] 1 танап — 0,25 га (С. Айни. Куллиёт, ч. 1, сах. 17).
[84] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 9, л. 6.
[85] Там же, л. 5.
[86] Там же, л. 4.
[87] Там же, оп. 1, ед. хр. 1325, лл. 1—17.
[88] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 9, л. 24.
[89] В. Ф. Караваев. Ук соч., стр. 92.
[90] ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, ед. хр. 124, л. 59.
[91] М. Ю. Юнусходжаева. Ук. соч., стр. 13.
[92] ЦГА Тадж. ССР, оп. 1, ф. 1, ед. хр. 1325, л. 10.
[93] ЦГА Уз. ССР, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 14421, л. 1.
[94] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 94.
[95] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 10, л. 1.
[96] ЦГА УзССР, ф. 18, оп 1, ед. хр. 11584, л. 30.
[97] Там же, л. 31.
[98] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1314, л. 83—84.
[99] Там же, ед. хр. 1325, л. 8.
[100] П. В. Позняков. Ук. соч., стр. 4.
[101] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 95.
[102] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6492, лл. 4—5.
[103] Там же, ед. хр. 6869, лл. 21—22.
[104] Там же, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 14421, л. 32.
[105] С. А. Стеценко. Ук. соч., стр. 29.
[106] И. А. Стеценко. Ук. соч., стр. 68.
[107] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 95.
[108] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1488, л. 5.
[109] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 96.
[110] П. В. Позняков. Ук. соч., стр. 4.
[111] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 6.
[112] Там же, л. 9.
[113] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 97.
[114] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6869, л. 21—22.
[115] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 9.
[116] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6869, лл. 7—8 и 21—22.
[117] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 99; П. В. Позняков. Ук. соч., стр. 4.
[118] Молокане — религиозная секта в России, возникшая в 18 в. и гонимая царем.
[119] Справочная книжка Самаркандской области, вып. V. Самарканд, 1897, стр. 26—27.
[120] ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 12, ед. хр. 293, л. 9.
[121] ЦГА Тадж. ССР, ч. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 9.
[122] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 100.
[123] Там же.
[124] П. В. Позняков. Ук. соч., стр. 48.
[125] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 103.
[126] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, ед. хр. 99, л. 2.
[127] Там же.
[128] П. Скрыплев. Ук. соч., стр. 208.
[129] Там же.
[130] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 108.

[81] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 9.
[82] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 109.
[83] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 3.
[84] Там же.
[85] Там же, л. 7.
[86] Там же, ед. хр. 2092, л. 27; ед. хр. 945, л. 7.
[87] Там же, л. 27.
[88] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 36, л. 11.
[89] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 112.
[90] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 36, л. 11.
[91] В. Ф. Караваев. Ук соч., стр. 112.
[92] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 36, л. 11.
[93] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, лл. 1—2.
[94] Там же.
[95] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2092, лл. 24—28.
[96] Там же, л. 30.
[97] Там же, ед. хр. 945, лл. 1—2.
[98] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 7380, л. 6.
[99] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 12—13.
[100] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, ед. хр. 169, л. 20.
[101] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1325, л. 13.
[102] Там же, ед. хр. 1280, л. 74.
[103] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 119.
[104] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 121.
[105] Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской ж. д. Под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1903, стр. 344.
[106] Там же.
[107] А. Мухтаров. Очерки истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964, стр. 114—115.
[108] Положение об управлении Туркестанским краем с изменениями и дополнениями по 1 января 1901 г. Ташкент, 1901, стр. 39.
[109] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 605, лл. 6 и 9.
[110] Там же, л. 8.
[111] Сельское управление русское и туземное. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером К. К. Паленом. СПб., 1910, стр. 179.
[112] ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, ед. хр. 124, л. 44.
[113] Там же, л. 46.
[114] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 925, л. 4.
[115] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 7.
[116] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 925, л. 4.
[117] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, лл. 1—2.
[118] Там же, лл. 10—11.

Глава III

Социальный состав и основные занятия населения русских поселков

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 67.
[2] Там же, т. 3, стр. 70.
[3] В. И. Юферов. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. Опыт определения нормы надела переселенцев, по данным исследования селений Черняевского, Кауфманского и Константиновского Ташкентского уезда. Ташкент, 1907, стр. 7.
[4] Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1909, стр. 17.
[5] П. Н. Шарова. Ук. соч., стр. 6.
[6] П. Г. Галузо. Ук. соч., стр. 159.
[7] Сб. Вопросы колонизации, № 17. СПб., 1915, стр. 166.
[8] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 222, л. 9.
[9] Обзор Самаркандской области за 1895 г. Самарканд, 1896, стр. 49.
[10] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 609, лл. 70—71.
[11] Обзор Самаркандской области за 1909 г. Самарканд, 1912, стр. 30.
[12] С. Раджабов. Присоединение Средней Азии к России. В кн. Объединенная сессия, посв. прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959, стр. 46.
[13] Там же.
[14] В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 70.
[15] История таджикского народа, т. 2, ч. 2. М., 1964, стр. 152.
[16] П. Г Галузо. Ук. соч., стр. 68.
[17] В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 175.
[18] К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, стр. 265.
[19] ЦГИАЛ, ф. 426, оп. 1, ед. хр. 930, л. 15.
[20] Там же.
[21] Там же, л. 29.
[22] Там же, л. 23.
[23] В. Ф. Караваев. Ук соч., стр. 180.
[24] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6508, л. 9.
[25] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб., 1909, стр. 5.
[26] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6545, л. 1.
[27] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2051, л. 33.
[28] Там же, л. 35.
[29] Там же, л. 56.
[30] Положение об управлении Туркестанским краем с изменениями и дополнениями по 1 января 1901 г., стр. 37.
[31] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1505, лл. 125—131.
[32] Там же, оп. 1, ед. хр. 1395, л. 124.
[33] Там же, ед. хр. 1395, л. 183.

[34] Там же, ед. хр. 1458, лл. 23, 25.
[35] Там же, лл. 23, 25.
[36] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, ед. хр. 69, л. 71.
[37] Там же, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 14429, л. 166.
[38] Там же, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 13018, л. 22.
[39] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1756, л. 112.
[40] Там же, л. 107.
[41] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 13019, л. 9:
[42] К. К. Пален. Ук. соч., стр. 251.
[43] Материалы Всероссийских переписей, вып. V. Сельское хозяйство населения Ферганской области. По материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1924, стр. 23.
[44] В. И. Неровецкий. Обзор Яны-Курганской волости Самаркандского уезда в экономическом и бытовом отношении. В кн. Справочная книжка Самаркандской области за 1897 г., вып. V. Самарканд, 1897, стр. 185.
[45] Т. В. Станюкевич. У русских переселенцев в Средней Азии Кр. сообщ. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая, V. М.—Л., 1948, стр. 89.
[46] Там же, стр. 90.
[47] ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, ед. хр. 169, лл. 3—4.
[48] Там же л. 32.
[49] Там же, л. 19.
[50] Там же, л. 20.
[51] Там же, л. 21.
[52] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 142.
[53] ЦГИАЛ, ф. 426, оп. 1, ед. хр. 930, л. 28.
[54] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 149.
[55] Там же, стр. 188.
[56] ЦГИАЛ, ф. 432, оп. 1, ед. хр. 777, л. 75.
[57] П. Скрыплев. Ук. соч., стр. 218.
[58] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 167.
[59] П. Скрыплев. Ук. соч., стр. 218.
[60] Газ. «Самарканд», 1904, № 66, 22 июля.
[61] Туркестанский сельскохозяйственный календарь на 1915 г. Ташкент, 1915, стр. 35.
[62] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1325, лл. 1—17.
[63] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 188.
[64] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1325, л. 3.
[65] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1325, лл. 1—17.
[66] Там же, лл. 1—17.
[67] Сб. Вопросы колонизации, № 17. СПб., 1915, стр. 289.
[68] М. Вирский. Хлопководство и хлопковая промышленность в Самаркандской области. Обзор хлопководства за 1896 г. Справочная книжка Самаркандской области за 1897 г., вып. V. Самарканд, 1897, стр. 69.
[69] Обзор Самаркандской области за 1898 г. Самарканд, 1900, стр 33—34.
[70] Там же, стр. 10.
[71] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 228.
[72] К. К. Пален. Ук. соч., стр. 293.
[73] Н. А. Канесырин. Влияние ирригационных факторов на формирование грунтовых вод Голодной степи. В кн. Материалы к освоению Голодной степи. Госиздат УзССР, Ташкент, 1959, стр. 65.
[74] ЦГИАЛ, ф. 426, оп. 1, ед. хр. 930, л. 16.
[75] Там же.

[76] Там же, л. 17.
[77] В. В. Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1, стр. 329.
[78] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 229.
[79] Первый поселок Велико-Алексеевский на землях орошаемых системой Романовского канала. По данным статистическо-экономического обследования Переселенческого управления (Сб. Вопросы колонизации, № 17. СПб., 1915, стр. 179).
[80] В. В. Бартольд. Соч., т. 2, ч. 1, стр. 328.
[81] М. Бабаханов. Ук. соч., стр. 64.
[82] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 220.
[83] Там же, стр. 224.
[84] Там же, стр. 221.
[85] Там же, стр. 222.
[86] Там же, стр. 223.
[87] Сб. Вопросы колонизации, № 17. СПб., 1915, стр. 185.
[88] Там же.
[89] П. Скрыплев. Ук. соч., стр. 220.
[90] Там же.
[91] Первый поселок Велико-Алексеевский на землях, орошаемых системой Романовского канала.
[92] Сб. Вопросы колонизации, № 17, СПб., 1915, стр. 174; П. Скрыплев. Ук. соч., стр. 212.
[93] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 158.
[94] Сб. Вопросы колонизации, № 17. СПб., 1915, стр. 174.
[95] П. Скрыплев. Ук. соч., стр. 214.
[96] В. Караваев. Ук. соч., стр. 193.
[97] Сб. Вопросы колонизации, № 17, СПб., 1915, стр. 174.
[98] В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 87.
[99] Там же, стр. 68.
[100] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 195.
[101] Там же, стр. 161.
[102] П. Скрыплев. Ук. соч., стр. 219.
[103] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 203.
[104] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 188.
[105] ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 1, д. 624, л. 7.
[106] П. Скрыплев. Ук. соч., стр. 221.
[107] А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 годов в Туркестане. М., 1958, стр. 39.
[108] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 36, л. 7.
[109] Обзор Самаркандской области за 1895 г. Самарканд, 1896, стр. 50.
[110] П. В. Позняков. Ук. соч., стр. 24.
[111] Там же, стр. 26.
[112] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6869, лл. 7—8.
[113] Н. Г. Малицкий. Ягнобцы. Изв. Туркестанского отдела русск. геогр. об-ва, т. 1, вып. II. Ташкент, 1900, стр. 170.
[114] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 189.
[115] ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 50, 57—58.
[116] Обзор Самаркандской области за 1898 г. Самарканд, 1900, стр. 67.
[117] А. Курсиш. Ук. соч., стр. 17.
[118] К. Усенбаев. Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1958, стр. 19.
[119] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, д. 34, л. 7.
[120] В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 178.
[121] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 227.
[122] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 6—7.

[123] В. Ф. Караваев. Ук. соч., стр. 227.
[124] Там же.
[125] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 17.
[126] Там же.
[127] К. Маркс. Капитал, т. 3. М., 1950, стр. 454.
[128] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 190.
[129] Там же.
[130] М. Вирский. Ук. соч., стр. 71.
[131] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 945, л. 7.
[132] Там же, ед. хр. 1505, л. 94.
[133] Там же, ед. хр. 2031, л. 7.
[134] Там же, ед. хр. 945, л. 6.
[135] ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6618, лл. 38, 25; д. 6976, л. 29. Цит. по И. А. Стеценко. Ук. соч., стр. 61.
[136] ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6618, лл. 38, 25; ед. хр. 6976, л. 29.
[137] ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, ед. хр. 2466, л. 151.
[138] Там же.
[139] К. К. Пален. Ук. соч., стр. 330.
[140] Там же, стр. 329.
[141] Там же, стр. 330.
[142] ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д 247, л. 150.
[143] Там же.
[144] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1955, л. 7.
[145] Обзор Самаркандской области за 1899 г. Самарканд. 1900, стр. 69 — 70.
[146] В. Л. Вяткин. О борьбе с саранчой в Самаркандской области с 1890 по 1909 гг. Справочная книжка Самаркандской области, вып. X. Самарканд, 1912, стр. 138.
[147] История таджикского народа, т. 2, ч. 2, стр. 160.
[148] С. А. Стеценко. Ук. соч., стр. 44.
[149] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 123, л. 1 (Цит. по кн. История таджикского народа, т. 2, ч. 2. М., 1964, стр. 160).
[150] История таджикского народа, т. 2, ч. 2, стр. 161.
[151] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 530, лл. 12—13. Документ представлен А. Мухтаровым.
[152] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1395, л. 146.
[153] А. В. Пясковский. Ук. соч., стр. 72; ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 1953, л. 1.
[154] А. Мухтаров. Ук. соч., стр. 155.
[155] А. В. Макашов. К истории революционного движения трудящихся Таджикистана в 1905 — 1907 гг. Душанбе, 1955, стр. 18.
[156] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 737, лл. 1—3.
[157] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 1656, л. 3.
[158] Там же, л. 4.
[159] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, ч. 1, Ташкент, 1958, стр. 39; А. В. Пясковский. Ук. соч., стр. 111.
[160] А. В. Пясковский. Ук. соч., стр. 111.
[161] Там же, стр. 118—119.
[162] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, ч. 1, стр. 71.
[163] А. В. Пясковский. Ук. соч., стр. 309.
[164] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 2211, л. 7.
[165] Об этом наиболее подробно см. А. В. Пясковский. Ук. соч., стр. 304—309.

[166] Газ. «Самарканд», № 245, 27 ноября 1905 г.
[167] К. К. Пален. Ук., соч., стр. 276.
[168] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 1940, л. 30.
[169] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2075, л. 15.
[170] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, ч. I Ташкент, 1958, стр. 133.
[171] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2221, лл. 1 и 3.
[172] Там же, ед. хр. 945, л. 8.
[173] Н. Морозов. О чем рассказывают документы. «Коммунист Таджикистана», 19 апреля 1964 г.
[174] А. Дун. «Красное солнышко». «Коммунист Таджикистана», 29 декабря 1964 г.
[175] Там же.
[176] Там же.
[177] Там же.
[178] Там же.
[179] Б. Литвинский. Еще о «Красном солнышке». «Коммунист Таджикистана», 24 января 1965 г.
[180] М. Бабаханов. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве северных районов Таджикистана во второй половине XIX и начале XX вв. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1957. стр. 15.
[181] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1340, л. 161.
[182] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 190.
[183] Обзор Самаркандской области за 1909 год. Самарканд, 1912, стр. 31.
[184] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 287, л. 14—15; ед. хр. 302, л. 5—6; ед. хр. 303, л. 3—4; ед. хр. 305, л. 5—6; ед. хр. 308, л. 5—6; ед. хр. 321, лл. 11—12.
[185] Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2251, л. 1.
[186] Газ. «Самарканд», № 20, 27 января 1905 г.
[187] ЦГА Тадж. ССР, оп. 1, ед. хр. 1280, лл. 60—61.
[188] А. А. Половцев. Ук. соч., стр. 190.
[189] Обзор Самаркандской области за 1909 год, стр. 31.
[190] Газ. «Самарканд», 1905 г., № 20, 27 января.
[191] В. И. Масальский. Ук. соч., стр. 29—30.
[192] ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 36, л. 7.
[193] А. А. Семенов. Роль русского народа в развитии хозяйства и культуры народов Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, 2(17), 1958, стр. 7.
[194] С. Раджабов. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955, стр. 55.
[195] Всеподданнейший отчет военного губернатора Самаркандской области за 1914 г. ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 36, л. 5.
[196] Б. В. Лунин. Археолог и собиратель древностей Акрамов. Изв. АН УзССР, серия обществ. наук, № 6, 1960, стр. 69; его же. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари. «Обществ. науки в Узбекистане», № 6, 1963, стр. 36.
[197] Ведомость о народонаселении по сословиям в русских поселках Ходжентского уезда. ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 609, л. 70—71.
[198] Материалы к освоению Голодной степи, стр. 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. Переселенческая политика царизма в Средней Азии. 14

Глава II. Образование русских поселков в Ходжентском уезде. 46

1. Орошение Голодной степи . . . . . —
2. Образование поселков 53
3. Управление поселками 70

Глава III. Социальный состав и основные занятия населения русских поселков 75

1. Состав населения . . . . . —
2. Обеспечение переселенцев землей и водой . . 78
3. Текучесть переселенцев в Ходжентском уезде . . 85
4. Основные занятия 87
5. Кредитные товарищества 114
6. Положение русских крестьян 116
7. Народные волнения 119
8. Народное образование 130

Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде (вместо заключения) 133

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН Таджикской ССР

Нумон КАСЫМОВ

Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде

Ответственный редактор Ахрор МУХТАРОВ

Редактор Издательства М. А. Баталова
Технический редактор З. П. Маслова
Корректоры Л. Д. Полисская, Н. Н. Михайлова

КЛ 02588. Сдано в набор 1/IV-1968 г. Подписано к печати 21/VI-1968 г. Формат 60x90/16. Печ. 9,5 л. Уч.-изд. 10 л. Буи. тип. № 2. Сорт 1. Тираж 1055. Заказ 14. Цена 80 коп.

Типография Издательства „Донниш", Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.

Цена 80 коп.